

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

ГОТНОГА Александр Васильевич

**ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Кудашов Вячеслав Иванович

Красноярск – 2014

Содержание

Введение.....	4
 Глава 1. Прологомены к диалектике социального прогнозирования.....	20
1.1. Понятие, специфика и основные категории социального прогнозирования.....	20
1.2. Метафизические основания социального прогнозирования.....	40
1.3. Дивергенция метафизических и диалектических оснований социального прогнозирования.....	52
1.4. Синергетика и диалектические основания социального прогнозирования.....	68
 Глава 2. Прогностический потенциал диалектико-материалистического подхода к социальному прогнозированию.....	83
2.1. Дуалистические и идеалистические направления в социальном прогнозировании.....	83
2.2. Прогностический потенциал диалектико-идеалистического и диалектико-материалистического подходов к социальному прогнозированию.....	97
2.3. Дискуссионные социальные прогнозы «Капитала» К. Маркса.....	113
2.4. Использование методологии К. Маркса в социальном прогнозировании.....	124
 Глава 3. Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования и контroversы формационной теории в современном обществознании.....	143
3.1. Формационная теория и технологический детерминизм.....	143
3.2. Формационная теория, культурологический детерминизм и цивилизационный подход.....	150
3.3. Формационная теория и глобально-эстафетный принцип.....	165

3.4. Формационная теория и мир-системный анализ.....	173
Глава 4. Адаптация диалектико-материалистического подхода к задачам современного социального прогнозирования.....	194
4.1. Специфика социального прогнозирования на нисходящей стадии формационного развития.....	194
4.2. Прогностическая функция «закона зеркальности».....	219
4.3. Прогностическая функция «принципа предельности».....	234
4.4. Прогнозирование социальных революций.....	246
Заключение.....	259
Библиографический список.....	264

Введение

Актуальность темы исследования. Современный мир меняется настолько быстро, что только за последнюю четверть века в калейдоскопическом круговороте стремительно развивающихся событий контуры обозримого будущего в общественном сознании трансформировались, по меньшей мере, три раза. Если на протяжении десятилетия после распада СССР не было более респектабельной парадигмы, чем «конец истории» Ф.Фукуямы, то уже после трагических событий 11 сентября 2001 года возникли фобии перед фундаменталистской альтернативой. Прошло еще чуть более десятилетия и мир, кажется, вернулся к геополитическому противостоянию по оси «Восток – Запад», к состоянию «холодной войны» в ее острой фазе, к той, казалось бы, точке невозврата, которую старались максимально отодвинуть в прошлое все российские реформаторы, начиная с «перестройки». Время неустанно бросает все новые вызовы общественным наукам, как бы испытывая их на способность объяснить и предсказать глубокие социальные сдвиги и метаморфозы. Отвечая на них, обществознание не только подтверждает свое право именоваться наукой, но, что еще важнее, предупреждает общество о грозящих ему в будущем социальных опасностях и катаклизмах, одновременно подсказывая ему необходимые ориентиры развития.

Социальное прогнозирование имеет ту особенность перед естественнонаучным прогнозированием, что его предмет, представляя собой более высокий уровень системной сложности, к тому же еще имеет историческое измерение, которое не сводится к социальной динамике или движению. Историчность общества и вытекающий из нее методологический принцип историзма содержат количественные характеристики, но не ограничиваются ими. Акцент в социальном прогнозировании на количественной стороне исторического процесса представляется вполне оправданным до определенного предела. Сколь бы критичными не были замечания в адрес социальных наук по поводу точности их предсказаний,

прогнозирование количественных социальных параметров стало нормой социально-когнитивных практик. Намного драматичнее сложилась ситуация в области прогнозирования качественных социальных изменений. Этот аспект социального прогнозирования зачастую остается за скобками парадигмальных теорий современного обществознания. Между тем предсказание перехода количественных изменений в качественные является отправным пунктом в социальном познании собственно будущего, которое есть не просто календарное будущее, а только такое календарное будущее, социальная реальность которого качественно отличается от социальной реальности календарного настоящего.

Переход количественных изменений в качественные есть один из трех законов диалектики. В этом смысле в любом социальном прогнозе будущего можно обнаружить диалектические основания. Помимо известных законов диалектические основания включают в себя многоуровневую и разветвленную систему категорий и принципов диалектической логики – своего рода «строительные леса» социального прогнозирования.

Если метод или подход рассматривать как теорию в свернутом виде, то решение методологических проблем социального прогнозирования тесно переплетается с рефлексией над теоретическими основаниями исторического процесса, в котором разворачиваются законы, категории и принципы диалектики. Диалектическое познание прошлого, настоящего и будущего не является прерогативой ни идеалистического, ни материалистического философского направления. Тем не менее материалистическое понимание истории в свое время стало крупным, если не сказать великим, научным открытием, дававшему обществознанию ключ к решению многих «головоломок» общественного развития. Диалектико-материалистический подход, не останавливаясь лишь на анализе количественных, или кумулятивных, изменений в обществе, а попытавшись связать их с революционными, или качественными, общественными преобразованиями, позволил вывести

социальное предвидение на научно-теоретический уровень, т.е. на уровень собственно прогнозирования.

Общее тревожное предчувствие глубоких и серьезных перемен в современном мире царит сегодня и в политике и в культуре. Постмодернистский декаданс в философии и науке лишь выражает методологическое бессилие антидиалектического подхода приподнять завесу будущего и заглянуть в завтрашний день. В социальном прогнозировании сложилась кризисная ситуация, характеризуемая невысокой предсказательной силой основных теорий и низким доверием к социальным прогнозам со стороны общества на фоне активного поиска и многочисленных попыток разработки научным сообществом новой парадигмы социального познания. В этой связи обращение к анализу диалектико-материалистических оснований социального прогнозирования приобретает особую актуальность.

Степень разработанности проблемы. В современном социальном прогнозировании существует множество подходов и направлений. Одним из наиболее широко известных направлений является футурология, представленная такими именами, как Д. Белл, И.В. Бестужев-Лада, П. Дракер, Й. Масуда, Г. Кан, Дж. Нейсбит, Т. Сакайя, Э. Тоффлер и др. Поскольку прогностическая функция является одной из основных функций научного познания, то большое число работ, содержащих социальные прогнозы, находится за пределами собственно футурологии. Их систематизация вызывает серьезные затруднения, так как требуется набор критериев, гарантирующих отражение существенных различий в подходах к историческому прогнозированию. Как бы то ни было, в первом приближении имеющиеся исследования можно сгруппировать, обращая внимание на наличие или отсутствие временных рамок у прогнозов. Темпоральный подход, отождествляющий физическое и социальное время, а потому ориентирующий прогнозирование на более или менее точную датировку будущих социальных событий и явлений, служит методологическим основанием для работ таких авторов, как А.А. Акаев, В.М.Бондаренко, А.В.Коротаев, В.В. Лапкин,

В.И.Пантин, Г.Г. Фетисов, Ю.В. Яковец и др. Соответственно нетемпорального подхода придерживаются исследователи, не ставящие перед собой такой задачи. Среди них следует выделить таких авторов, как А.С. Ахиезер, Л.М.Баткин, Д. Белл, О.Э.Бессонова, С.Д.Валентей, А.А.Зиновьев, С.Г.Кирдина, В.А. Колпаков, Л.И. Нестеров, Н.С. Розов, В.Г. Федотова, А.Г.Франк и др.

Как темпоральные, так и нетемпоральные социальные прогнозы могут выводиться из линейных, циклических и линейно-циклических концепций. Современные исследователи чаще всего определяют свои концепции как нелинейные. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что таковыми эти концепции являются не всегда. В связи с чем к линейным можно отнести социальные прогнозы Л.М. Баткина, Д.Белла, С.Д. Валентея, А.А.Зиновьева, А.В.Коротаева, Л.И. Нестерова и др.; к циклическим – социальные прогнозы А.С.Ахиезера, С.Г. Кирдиной, Н.С. Розова, А.Г. Франка и др.; к линейно-циклическим – социальные прогнозы О.Э. Бессоновой, В.А.Колпакова, В.Г. Федотовой, Н.Н. Федотовой и др.

Среди ученых нет единства во мнении относительно способности социальных наук делать прогнозы. Так, согласно К. Попперу, любая научная теория должна проходить проверку на «предсказания», но это правило не распространяется на область социального познания. Однако последователь К.Поппера М.Блауг уже не делает исключения для экономической науки, а ученик К. Поппера К.Гемпель – для исторического познания. Тем не менее традицию критики «историцизма» сегодня подхватили отечественные исследователи. В частности, Т.И. Ойзерман с позиции многофакторного подхода настаивает на принципиальной невозможности предвидеть отдаленное будущее, а А.С.Карпенко, опираясь на многозначную логику, усматривает в социальных прогнозах признаки тоталитарного мышления.

Существует, однако, и марксистская традиция критики, которую не удовлетворяет не только идея вечного возвращения, постулируемая циклическими концепциями и развенчанная крупными советскими философами

Б.М. Кедровым, М.А. Лифшицем, А.Ф. Лосевым и др., но и метафизический способ понимания исторического процесса как таковой.

Позитивистская критика «историцизма», отпочкование гносеологического направления философии истории, представленного такими авторами, как Ф.Р. Анкерсмит, Р. Арон, А. Данто В. Дильтей, Г.Зиммель, Р.Дж.Коллингвуд, Б. Кроче, А. Про, В.Н. Сыров и др., от традиционной философии истории, размышлявшей над проблемами исторического познания в неразрывном единстве с онтологией исторического процесса, склоняют современных обществоведов к отказу от попыток построения новых исторических прогнозов и разработки проблематики социального прогнозирования вообще. Такую позицию по данному вопросу занимают З.Бауман, Т.И. Ойзерман и др.

Противоположной точки зрения придерживаются марксистские исследователи А.П. Бутенко, В.А. Вазюлин, А.М. Гендин, И.А. Гобозов, А.В.Золотов, В.Я. Ельмеев, К.М. Кантор, А.Д. Майданский, В.М. Межуев, С.А.Мусаелян, М.В. Попов, Ю.И. Семенов и др., а также представители школы мир-системного анализа И. Валлерстайн, С. Амин, Дж. Арриги, А.Г. Франк и др. В то же время ряд авторов выдвигает в качестве новой методологической основы познания и прогнозирования социальных процессов имеющую много общего с диалектикой синергетическую парадигму. Положительно оценивают прогностический потенциал синергетики или строят социальные прогнозы с опорой на нее Г.Г. Малинецкий, Н.Н. Моисеев, М.С. Каган, С.П. Капица, Е.Н.Князева, С.П. Курдюмов и др.

Весомый вклад в развитие диалектико-материалистического подхода к социальному познанию внесли отечественные философы и методологи Э.А.Араб-Оглы, В.Ф. Асмус, В.А. Вазюлин, М.А. Барг, Э.В.Ильенков, Б.М.Кедров, М.А. Лифшиц, М.М. Розенталь и др. Эту линию в постсоветском обществознании продолжают А.В. Бузгалин, И.А.Гобозов, С.С.Дзарасов, Р.С.Дзарасов, В.Я. Ельмеев, Л.А.Зеленов, Р.Т.Зяблюк, К.М.Кантор, А.И.Колганов, А.Д. Майданский, С.А.Мусаелян, Л.Н.Науменко, М.В. Попов,

Ю.К. Плетников, Г.Х. Шахназаров и др. Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования детально разрабатывались в работах А. Бауэра, И.В. Бестужева-Лады, К.-Д. Вюстника, А.М. Гендина, Г. Шульце, Г.Кребера, В. Сегета, В. Эйхгорна и др.

Ряд исследователей пробует совместить диалектику и цивилизационный подход (И.А. Гобозов, В.Ж. Келле и др.) или вернуть ее в лоно идеализма (З.М. Оруджев, И.К. Смирнов и др.). Дуалистический или идеалистический подход к прогнозированию исторического процесса обнаруживается в трудах О.Шпенглера и А.Дж. Тойнби, «евразийцев» Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, в концепции «осевого времени» К. Ясперса и др. Философские основания дуализма и плюрализма в социальном познании критически проанализированы А.В. Момджяном.

В классическом виде идеалистическое и материалистическое направления в обществознании представлены соответственно в работах Г.В.Ф. Гегеля и К.Маркса. Марксова теория истории – одно из величайших достижений социально-философской мысли. Если в эпоху идеологического противостояния это приходилось доказывать Л. Альтюссеру и другим видным западным философам, то в наши дни данный тезис считают бесспорным даже некоторые конструктивисты (Т. Рокмор и др.). Однако если структуралистские интерпретации Марксовой теории истории искажают метод (диалектику), то конструктивистские и постмодернистские (Ж.Бодрийяр и др.) подменяют самую ее суть – материалистическое понимание истории. Работы Г.В.Плеханова, Э.В.Ильенкова, М.А. Лившица и Г. Лукача позволяют лучше понять смысл материалистического понимания истории, а исследования В.А.Вазюлина, М.М.Розенталя и др. – субординацию его категорий.

Представители так называемого «творческого» марксизма (А.В.Бузгалин, А.И. Колганов и др.) пытаются дополнить формационную теорию К. Маркса идеями постиндустриализма. Последний имеет сторонников в лице А.П.Бутенко, В.Л. Иноземцева, В.М. Межуева, З.М. Оруджева, Г.Ф.Сунягина и др., но подвергается критике И.А.Гобозовым, Р.С. Гринбергом, С. Жижеком,

А.В. Золотовым, В.Я. Ельмеевым, С.А. Мусаеляном, М.В. Поповым, С.С.Сулакшиным, В.И. Якуниным и др.

Тесно соприкасается с теорией постиндустриализма концепция «технологических укладов» (А.А. Акаев, С.Г. Глазьев, Б.Н. Кузык, Ю.В.Яковец и др.), совмещающая в себе теорию длинных волн Н.Д.Кондратьева, теорию экономического развития Й. Шумпетера и принципы технологического детерминизма и сциентизма. Современные процессы в мире в ней объясняются переходом к шестому технологическому укладу.

Напротив, исходя из антисциентистских и антипрогрессистских посылок, представляет будущее общество как «готическое» Д.Р. Хапаева; Н.В.Мотрошилова предупреждает о наступлении «варварства», а У. Эко утверждает, что «средние века уже начались»; «поминки по Просвещению» справляет Дж. Грей; об «архаизации» общественной жизни пишет Ч.К.Ламажаа и др.

Полнее и глубже позволяют осмыслить исторические тенденции современности концепции «Империи» А. Негри и М. Хардта, «американизации мира» С. Амина, «макдональдизации» Дж. Ритцера, «креативного класса» Р.Флориды, глобализации З. Баумана и У. Бека, «общественного капитала» И.Ставинского и др. Наделены способностью предвидения работы Ж.Бодрийяра, С. Жижека и др.

Однако, несмотря на обилие современных концепций и отдельных исследований, посвященных будущему, немногие из них заглядывают за исторический горизонт капитализма, и почти не встречаются такие, которые бы для этой цели использовали методологию «Капитала» К.Маркса. Учитывая те трудности, с которыми сталкивается сегодня обществознание в области прогнозирования, дальнейшая разработка диалектико-материалистических оснований социального прогнозирования представляется необходимой.

Объектом исследования являются диалектико-материалистические основания социального прогнозирования в контексте основных обществоведческих теорий и направлений; **предметом** исследования —

принципы и категории, влияющие на прогностический потенциал диалектико-материалистических оснований в социальном познании.

Цель исследования – разработать диалектико-материалистические категории и принципы, повышающие прогностические возможности социального прогнозирования.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

1) выявить специфику диалектических оснований социального прогнозирования;

2) определить прогностический потенциал диалектико-материалистического подхода к социальному прогнозированию;

3) проанализировать противоречия основных современных версий формационной теории исторического процесса, ограничивающие ее прогностический потенциал, и разработать возможные варианты их снятия;

4) адаптировать диалектико-материалистический подход к задачам современного социального прогнозирования.

Методологическая и теоретическая основа исследования Диалектика является общей методологической платформой данного исследования. Исходя из этого, проблемы социального познания вообще и социального прогнозирования в частности рассматриваются в данной диссертации в тесном единстве с самими историческим процессом.

Диалектика направляет мышление на понимание исторического единства бытия и сознания. Принцип историзма есть атрибут диалектики. Сквозь его призму общество предстает как исторический процесс, как саморазвивающаяся система, пронизанная глубокими противоречиями.

Противоречивость самих оснований общественного бытия детерминирует историческое развитие общества, его качественное преобразование в целом. Каждое такое качественное преобразование есть отрицание предыдущего исторического этапа. Таким образом, историческое развитие подчинено известным законам диалектики.

Особую эвристическую ценность для диссертации имеет метод восхождения от абстрактного к конкретному, образчиком применения которого в научном исследовании служит «Капитал» К. Маркса. Как было продемонстрировано В.А. Вазюлиным, в логическом аспекте композиция «Капитала» соответствует архитектонике «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля. Это значит, что мысль К.Маркса движется по восходящей спирали от познания *бытия* к познанию *сущности, явления и действительности* предмета.

В.А. Вазюлин также показал, что, несмотря на название, метод восхождения от абстрактного к конкретному берет свое начало в «хаотическом представлении о целом». Иначе говоря, мысль сначала движется от чувственного конкретного к абстрактному [55, с. 53-54]. На первом этапе именно анализ выступает в качестве доминантного метода, а синтез — компенсаторного. Только достигнув самого абстрактного уровня, мысль начинает обратное движение, но уже к теоретическому конкретному, которое выступает результатом логического синтеза.

Реализация методологии «Капитала» К. Маркса в ходе адаптации диалектико-материалистического подхода к задачам современного социального прогнозирования в данной диссертации имела следующую особенность: брался не зрелый предмет, каковым предстает капиталистический способ производства в производстве классика, а предмет в самой начальной стадии его становления, поскольку речь идет о будущем типе общества. К моменту написания «Капитала» политэкономия уже проделала длинный путь познания от чувственного конкретного к абстрактному, что давало К. Марксу право вынести анализ этого движения в так называемый четвертый том «Капитала», известный под названием «Теории прибавочной стоимости», и начать первый том непосредственно с восхождения от абстрактного к конкретному. В данной диссертации движение мысли от «хаотического представления о целом» (В.А.Вазюлин) к абстрактному составляет содержание самого процесса социального прогнозирования. Тем не менее в структурном отношении внутренняя логика социального прогнозирования прехождения существующего

и формирования нового типа общества соответствует логике восхождения от абстрактного к конкретному «Капитала» К. Маркса и «Науки логики» Г.В.Ф.Гегеля.

Теоретической основой исследования послужила формационная теория истории, которая была подвергнута логической обработке с учетом законов диалектики. Определить основную тенденцию развития современного общества невозможно без анализа базисных, то есть экономических, отношений. Поэтому дополнительным теоретическим источником исследования стала политэкономия К. Маркса, прогностическую силу которой в очередной раз подтвердил мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) показана неправомерность смешения физического (календарного) и социального времени в социальном прогнозировании;
- 2) проблема прогнозирования в современных социальных науках определена как метафизический (антидиалектический) отход доминирующих теоретических направлений от последовательной реализации принципа историзма, что выражается в ограничении развертывания данного принципа в будущее;
- 3) выявлены и проанализированы диалектические основания синергетической парадигмы социального прогнозирования;
- 4) определен и сопоставлен прогностический потенциал соответственно монистического и дуалистического понимания истории, а также диалектико-идеалистического и диалектико-материалистического подходов к социальному прогнозированию;
- 5) проанализированы дискуссионные социальные прогнозы «Капитала» К.Маркса в преломлении через «Науку логики» Г.В.Ф. Гегеля и с учетом последних эмпирических данных. В частности, в результате реконструкции логики «Капитала» К. Маркса логический статус так называемого «всеобщего закона капиталистического накопления» определяется как «переход сути в существование», а не как «полное основание сущности», что имеет важные

теоретико-методологические последствия для положительной оценки прогностической силы этого и ряда других политэкономических законов, открытых классиком;

6) проанализированы современные версии формационной теории и вскрыты их противоречия, заключающиеся в попытках совместить материалистическое понимание истории с цивилизационным подходом, с такими принципами, как технологический и культурологический детерминизм, что ведет к дуализму, нарушающему диалектические принципы единства тождества и различий, единства всеобщего, особенного и единичного;

7) выявлена специфика социального прогнозирования и продемонстрирована прогностическая функция «закона зеркальности» и «принципа предельности» на нисходящей стадии формационного развития общества.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. В современном обществознании обозначилась тенденция антиисторизма, пронизывающая как номиналистические теории, так и теории, апеллирующие к социологическому реализму. В концептуальных построениях исследователей доминируют статичные, утратившие историческое измерение модели общества в том смысле, что историзм этих моделей ограничен рамками настоящего, не обращен в будущее. Одной из причин сложившейся ситуации является углубление дисциплинарного размежевания обществознания. «Ментальность микроскопа» (И. Валлерстайн) создает непреодолимые препятствия для проникновения в сущность предмета. Так блокируется способность исследователя познать закономерности общественного развития.

2. Ограничение историзма в дискурсе социальных наук не позволяет адекватно оценивать кризисные явления, периодически (а некоторые уже перманентно) сотрясающие современное общество. Действительно, статичный образ современности либо вообще исключает из проблемного поля эти явления, либо подталкивает исследователя к тому, чтобы интерпретировать их как случайные и кратковременные нарушения устойчивого социального

равновесия. Напротив, если рассматривать кризисы в исторической перспективе, т.е. как «поворотные пункты» социального развития (что само по себе справедливо с этимологической точки зрения), то нельзя уклониться от вопроса о том, скрываются ли за ними закономерные процессы перехода современного общества в другое качественное состояние.

3. Как сами социальные прогнозы, так и оценки их правильности или результативности исходят из явного или неявного отождествления физического и социального времени, стирающего онтологические различия между социальной и физической реальностью. Выход социального прогнозирования на более высокую ступень может быть намечен только при условии различения социального и физического времени.

4. В решении проблем социального прогнозирования оказываются малопродуктивными такие познавательные средства, как многозначная логика и принцип нелинейности. Декларативное неприятие принципа линейности, фобии перед логическим фатализмом (детерминизмом) чаще всего являются попытками подменить одни линейные концепции истории другими. Методологическая ошибка, однако, заключается не в принципе линейности как таковом, а в сужении исторического горизонта до институциональных границ современного западного общества.

5. Идея вечного возвращения, как правило, выступает основополагающей для социальных прогнозов, касающихся будущего России, причем независимо от того, к какой интеллектуальной традиции – либеральной или «почвеннической» – они тяготеют. Мировоззренческие установки исследователей лишь отражаются на их оценках инвариантности будущего: оптимизму «почвенников» противостоит пессимизм либералов.

6. Анализ современных теорий и концепций, содержащих социальные прогнозы, показывает, что многие из них являются дуалистическими. Учитывая тот факт, что эти прогнозы либо не подтверждаются, либо не являются ими по существу, можно говорить о прогностической слабости и методологической несостоятельности дуалистического понимания истории. Плюрализм,

понимаемый как «умноженный дуализм» (В.Я. Ельмеев), лишь усугубляет положение дел.

7. Материалистическое понимание истории имеет более высокий прогностический потенциал, чем идеалистическое, в чем можно убедиться, сравнив материалистические и идеалистические прогнозы, воспользовавшись концепцией фальсификационизма К. Поппера. В целях соблюдения чистоты мысленного эксперимента необходимо нивелировать влияние метода на прогнозирование. Поэтому корректно сравнивать между собой только материалистические и идеалистические прогнозы, полученные с помощью одного и того же метода. Указанным требованиям отвечают социальные прогнозы «Капитала» К. Маркса и «Философии истории» Г.В.Ф. Гегеля, что дает право считать результат их сравнения репрезентативным для оценки прогностического потенциала материалистического и идеалистического понимания истории в целом.

8. Реконструкция логики «Капитала» не только дает ключ к правильному пониманию диалектики, но и является важным этапом на пути выработки перспективного научного метода исторического прогнозирования. В свою очередь для успешной реконструкции логики «Капитала» нужен особый «словарь», с помощью которого политэкономические категории и логические связи между ними можно перевести на язык диалектики. Функцию такого «словаря» выполняет «Наука логики» Г.В.Ф. Гегеля.

9. Процессы производства и обращения капитала, а также процесс капиталистического производства, взятый в целом, в логическом аспекте соответствуют диалектическим категориям *сущности*, *явления* и *действительности*. Знание диалектических законов восхождения от абстрактного к конкретному, от *сущности* к *действительности* позволяет определить логический статус «всеобщего закона капиталистического накопления» как *переход сути в существование*. Следовательно, его нельзя рассматривать как *полное основание* капиталистического способа производства. Критические замечания, которые имеют цель опровергнуть тезис об

относительном и абсолютном обнищании широких масс населения в капиталистическом обществе, правомерны только тогда, когда «всеобщий закон капиталистического накопления» в логическом аспекте отождествляется с *полным основанием* сущности. Если же говорить об этом законе как о *переходе сути в существование*, т.е. как о связующей сферу *сущности* в сферу *явления* логической категории, то тогда известные критические замечания в его адрес из опровержений превращаются в иллюстративные приложения к нему.

10.Диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному в целях социального прогнозирования методологически оправданно только на адекватной теоретической основе, каковой является формационная теория. Однако прогностический потенциал формационной теории значительно снижается в случае эклектического смешения материалистического понимания истории с принципами технологического и культурологического детерминизма. Формационная теория может интегрировать результаты близкого к ней мир-системного анализа в той мере, в какой они соответствуют принципу материалистического монизма.

11.Поскольку капитализм представляет собой исторически преходящий способ производства, постольку дальнейшее логическое восхождение предполагает *снятие* противоречий данной системы. Причем предпосылки (*начало*) новой системы имплицитно содержатся в предыдущей, а, следовательно, задача заключается в их экспликации. В логическом аспекте искомые предпосылки новой системы находятся в сфере *действительности* старой системы, т.к. именно эта сфера представляет собой логическое завершение (окончание) предыдущей системы. Здесь, говоря словами К.Маркса, обнаруживается та «более конкретная категория», которая впоследствии превратится в чистую абстракцию более «развитой формы общества».

12.Прогнозирование на нисходящей стадии формационного развития общества имеет отличительную особенность, заключающуюся в том, что исследователь должен учитывать действие «закона зеркальности»

(А.А.Зиновьев), усиливающего проявления рудиментарных процессов, которые были характерны для общества, находившегося на более низкой формационной ступени развития. «Принцип предельности» (М.А. Барг) удерживает от теоретической архаизации наблюдаемых и прогнозируемых тенденций, ориентируя интерпретацию проявлений «закона зеркальности» на категории прехождения старого и формирования нового формационного типа общества.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в качестве общей теоретической и методологической основы для построения социологических, экономических и политологических прогнозов. Основные выводы могут быть включены в учебные курсы по социальной философии, философии истории и философии науки.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены на III Международной научно-практической конференции «Дальний Восток: наука, образование. XXI век. IV Крушановские чтения» (Комсомольск-на-Амуре, сентябрь 2005 г.), Международной междисциплинарной научной конференции «Машины. Люди. Ценности» (Курган, апрель 2006 г.), Всероссийской заочной электронной конференции «Массовое сознание в России: современное состояние и тенденции изменения» (Комсомольск-на-Амуре, ноябрь 2006 г.), Международной научной конференции «1917 – 2007: Уроки СССР и будущее России (ресурсно-энергетические, экономико-политические и социо-культурные параметры)» (Москва, апрель 2007 г.), Международной научно-практической конференции «История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР» (Комсомольск-на-Амуре, октябрь 2007 г.), Международной научно-практической конференции «Дальний Восток: динамика ценностных ориентаций (Комсомольск-на-Амуре, сентябрь 2008 г.), Международной научной конференции, посвященной 55-летию со дня рождения профессора В.Д.Жукоцкого «Философия как призвание. VII Марксовские чтения (Нижневартовск, март 2009 г.), Международной научной

конференции «Судьбы социального гуманизма: философия, политика, экономика. VIII Марксовские чтения» (Нижневартовск, март 2010 г.), Региональной заочной научно-практической конференции «Система образования на Дальнем Востоке России: прошлое и настоящее» (Комсомольск-на-Амуре, декабрь 2010 г.), Всероссийской заочной электронной конференции «Объективные предпосылки и субъективные факторы революционного разрешения социальных противоречий» (Комсомольск-на-Амуре, 2010 г.), Всероссийской научной конференции «Антропология субъективной реальности» (Хабаровск, Уссурийск, Владивосток, июнь 2011 г.).

Основные результаты исследования отражены в 33 публикациях общим объемом 48,68 п.л. (включая 15 статей в журналах, рекомендованных ВАК).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих шестнадцать параграфов, заключения и библиографического списка. Объем работы составляет 290 страниц.

Глава 1. Прологомены к диалектике социального прогнозирования

1.1. Понятие, специфика и основные категории социального прогнозирования

Одной из функций социального познания является прогностическая. В связи с этим возникают, по меньшей мере, два методологических вопроса: во-первых, что следует понимать под прогнозированием вообще, и, во-вторых, в чем заключается специфика социального прогнозирования?

В научной литературе прогнозирование интерпретируется как «научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления» [211, с. 8]. При этом «прогнозирование» рассматривается как видовое понятие по отношению к родовому понятию «предсказание», а последнее – как видовое по отношению к родовому понятию «предвидение» [211, с. 7-8]. Итак, не всякое предсказание и тем более предвидение является прогнозированием, а только научное, т.е. «...такое предвидение, которое представляет собой результат научной теории, полученный в рамках этой теории, опирающийся прежде всего на фундамент систематического научно-теоретического анализа закономерностей и условий их реализации» [242, с. 16].

Свойство научности отличает прогнозирование от других типов предвидения. Но научность предполагает наличие теории, причем теории, чей предмет, в конечном счете, и становится предметом прогнозирования. Может ли тогда существовать некая самостоятельная наука прогностика, которая занимается прогнозированием в отрыве от теории предмета? Некоторые исследователи полагают, что прогностика – это особая наука [80, с. 41-42], однако с такой позицией трудно согласиться. Думается, что «прогностика» – это собирательное понятие, которое обозначает когнитивные практики в области прогнозирования, осуществляемые в рамках отдельных научных

дисциплин либо на их стыке. Когда мы говорим о тех же практиках как о реализации прогностической функции научного познания, мы используем термин «прогнозирование».

Сказанное в отношении прогнозирования вообще в полной мере относится и к социальному прогнозированию в частности. Вместе с тем нельзя обойти стороной проблему специфики социального прогнозирования. Она обусловлена тем, что общество, в отношении развития которого строятся прогнозы, представляет собой самую сложную систему из всех известных человеку [221, с. 8]. Эту сложность обществу придает сам человек, наделенный сознанием, в силу чего в общественных отношениях переплетаются вместе с эмоциями и чувствами целерациональные мотивы и устремления людей. Мироощущение и миропонимание человека не могут не оказывать влияния на его действия и поступки. Однако мировоззрение производно от человеческой деятельности, в том числе духовно-практической, разновидностью которой и выступает прогнозирование. Таким образом, познавая и прогнозируя социальные процессы, человек тем самым вмешивается в ход истории, вносит в него определенные коррективы, а следовательно, меняет и сам социальный прогноз. Для обозначения этого явления К. Поппер ввел в теорию познания специальное понятие – «Эдипов эффект» [206, с. 71].

Впрочем, связь между социальным прогнозированием и социальной практикой не столь прямолинейна и однозначна, как это может показаться. Во-первых, общество может быть индифферентно к социальным прогнозам, т.е. игнорировать или не замечать их вовсе. В таком случае реализация социального прогноза, как и естествонаучного, зависит лишь от его истинности. Во-вторых, если дается положительный социальный прогноз, то обществу нецелесообразно предпринимать действия, препятствующие его реализации. Поэтому и в таком случае «Эдипов эффект» не срабатывает против социального прогноза.

Но если дается негативный социальный прогноз, то общество, осуществляя профилактику, может его предотвратить или не предотвратить. Практический результат зависит не только от истинности социального

прогноза, но и адекватности профилактических действий. Как бы то ни было, практический результат служит критерием истинности социального прогноза в той мере, в какой теоретически нивелирован фактор профилактических действий. Иными словами, требуется поправка на «обратную информационную связь» [80, с. 46]. Это осложняет процедуру оценивания истинности социального прогноза, однако отнюдь не свидетельствует в пользу воззрения о непреодолимой пропасти между социальным и естественнонаучным прогнозированием.

Собственно миф о царе Эдипе является примером «самоосуществляющегося пророчества» [242, с. 115]. Автор этого термина – один из крупнейших американских социологов Р. Мертон – пояснял: «...публичные определения ситуации (пророчества и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации» [176, с. 607]. Проблема состоит в том, что самоосуществляющееся пророчество оказывается «...ложным определением ситуации, провоцирующим новое поведение, при котором первоначальное ложное представление становится *истинным*» [176, с. 608]. Пророчество в методологическом плане не имеет ничего общего с социальным прогнозированием. Но тогда возникает вопрос о методологической состоятельности социального прогнозирования, стремящегося к истине не из ложного, а из истинного определения ситуации. Конечно, естественнонаучное прогнозирование застраховано от подобного рода казусов.

Обществензнанию, в отличие от естествознания, необходимо еще отстаивать свое право на научное предвидение. Успешность социального прогнозирования зависит от многих факторов, но в первую очередь – от мировоззренческих оснований социальной теории. По-видимому, в естествознании рефлексия над мировоззренческими основаниями не имеет такого серьезного эвристического и прогностического значения, как в обществензнании, ведь, как заметил С. Жижек относительно сложившейся ситуации в естественных науках, «мы сталкиваемся здесь с основным

парадоксом: хотя многие сегодняшние науки стихийно практикуют *материалистическую диалектику*, в философском отношении они колеблются между механистическим материализмом и идеалистическим обскурантизмом» [118, с.12]. Между философией и социальными науками существует более тесная связь, а потому, как правило, социальные теории и концепции гораздо прочнее и глубже философски фундированы. Это значит, например, что если социальная теория имеет под собой идеалистические философские основания, то и когнитивные практики, осуществляемые в рамках этой теории, не будут выходить за границы идеализма. Наша гипотеза заключается в том, что идеализм снижает прогностический потенциал социальных наук, ставит под сомнение сам процесс социального прогнозирования как научно-исследовательской практики, способствует вытеснению из области социального познания научных предсказаний, замещению их «самоосуществляющимися пророчествами».

Другой отличительной чертой социального прогнозирования является то, что его предмет постоянно развивается. Хотя «универсальный эволюционизм» и заявлен сегодня в качестве основной «стратегии» постнеклассического естествознания [235, с. 196], все же историзм традиционно есть, прежде всего, принцип социального познания. Вопрос о том, насколько последовательно этот принцип реализуется в социальных науках, требует специального рассмотрения. Пока же важно отметить, что социальное прогнозирование есть по существу прогнозирование историческое, т.е. такой способ познания социального будущего, который предполагает качественные изменения системы общественных отношений. «Каждый общественный прогноз имеет дело с исторически возникшими, от исторических процессов зависимыми, и в определенном историческом направлении развивающимися процессами, условиями, структурами, законами, движущими силами и т.д.» [242, с. 108]. Однако, по замечанию В.И. Пантина и В.В. Лапкина, «представление об историческом прогнозировании до сих пор не утвердилось в научной теории», поскольку принято считать, что предметом исторической науки является только

историческое прошлое, [198, с. 126]. Правда, на уровне философской рефлексии таких ограничений нет. Дело в том, что кредо любой философии истории, независимо от ее идеалистической или материалистической направленности, – познать историю в целом, т.е. во внутреннем единстве социального прошлого, настоящего и будущего человечества. Поэтому упомянутые выше авторы вполне правомерно говорят о «философии исторического прогнозирования». По определению В.И. Пантина и В.В.Лапкина, «исторического прогнозирования состоит в выявлении и анализе наиболее существенных тенденций общественного развития, которые действуют не только в прошлом, но и в настоящем, и скорее всего будут действовать в тот период будущего, к которому относится данный прогноз» [198, с. 126].

Не трудно заметить, что в приведенной дефиниции раскрывается не только содержание исторического прогнозирования, но и предлагается своеобразная методология, которая нацеливает на поиск будущих «существенных тенденций общественного развития» в прошлом. Несмотря на то, что с философской точки зрения в историческом прошлом, настоящем и будущем человечества должно быть некое единство, сложно согласиться с суждением, что такое единство заключается в прошлых тенденциях общественного развития, пусть даже существенных. Это довольно консервативный взгляд и на историю, и на историческое прогнозирование.

Между тем некоторые исследователи релятивизируют историческое будущее. В частности, утверждается, что «будущее не прямолинейно и не однозначно, оно таит в себе много возможностей, хотя и с разной долей вероятности. Как известно, в истории человечества происходили далеко не одни лишь наиболее вероятные события и явления» [13, с. 5]. Здесь историзм оборачивается совсем другой стороной: делается акцент не на преемственности между прошлым, настоящим и будущим, а на разрыве между ними. Такой подход не является бесспорным, но независимо от этого его необходимо принять к сведению при уточнении понятия исторического прогнозирования.

Во всяком случае, сводить историческое прогнозирование лишь к методологии, ориентированной на использование историко-генетического метода, представляется не совсем оправданным решением.

Резюмируем наши рассуждения относительно понятия социального прогнозирования. Социальное прогнозирование представляет собой одну из важнейших функций социального познания. Эта функция состоит в выработке социальных прогнозов, т.е. научно выверенных социальных предсказаний. В отличие от ненаучных форм предвидения социальное прогнозирование имеет под собой глубокие научно-теоретические основания, опирается на знание социальных законов и закономерностей. В сравнении с естественнонаучным прогнозированием социальное прогнозирование обладает определенной спецификой: 1) предмет социального прогнозирования онтологически сложнее, чем предмет естественнонаучного прогнозирования; 2) социальное прогнозирование порождает «обратную информационную связь»; 3) атрибутом социального прогнозирования является принцип историзма.

Понятие социального прогнозирования конкретизируется в специальных категориях, без которых реализация обществознанием прогностической функции представляется крайне затруднительным занятием. Поэтому далее мы перейдем к анализу основных категорий социального прогнозирования.

Результатом прогнозирования является прогноз. Прогноз в научной литературе обычно противопоставляется таким формам ненаучного предсказания (предвидения), как предчувствие и предугадывание. Предчувствие, или «простое предвосхищение», – есть интуитивное предсказание; предугадывание, или «сложное предвосхищение», – это предсказание, опирающееся на житейский опыт [211, с. 7]. Прогноз же «...определяется как вероятное научно обоснованное суждение о перспективах, возможных состояниях того или иного явления в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления» [211, с. 8].

Данная дефиниция, на наш взгляд, нуждается в некоторой корректировке и уточнении. Дело в том, что не всякий прогноз содержит информацию о

сроках своего осуществления, поскольку «прогнозирование не сводится к попыткам предугадать детали будущего (хотя в некоторых случаях это существенно)» [211, с. 9]. Особенно это касается прогнозирования сложных социальных процессов, общественных преобразований, или трансформаций.

Между тем источником разногласий среди исследователей [2; 190; 191; 210, с. 137] по поводу способности социальных наук давать достоверные «долгосрочные» прогнозы как раз является убежденность в том, что социальные прогнозы должны иметь темпоральные характеристики. Такую убежденность далее будем называть *принципом физической темпоральности*. Однако «физическая темпоральность» предполагает тождество социального и физического времени, что, как нам представляется, делает такую позицию уязвимой для критики. Дело в том, что признание тождества социального и физического времени имплицитно не учитывает различий между социальной и физической реальностью. Получается, что социальная реальность подчиняется тем же законам и ритмам развития, что и физическая. Исходя из этого, социальные процессы, наблюдаемые в прошлом, переносятся на шкалу физического времени, т.е. ту шкалу, которая используется для измерения движения физических (астрономических) объектов. Затем исследователь, абстрагируясь от физической природы используемой шкалы времени, экстраполирует (линейно или нелинейно) установленные интервалы физического времени на будущие социальные процессы. Проведя такую операцию, можно случайно предугадать время тех или иных социальных явлений, но говорить о научном предсказании в данном случае крайне затруднительно.

Уточняя смысл понятия «прогноз», обратим внимание и на такие приписываемые ему свойства, как вероятность и альтернативность. В отечественной социальной прогностике предпринимались серьезные попытки разработки категории вероятности в рамках диалектического материализма. В частности, было выяснено, что вероятность как категория познания имеет под собой онтологические основания. Бесконечность материального мира

порождает неопределенность будущего. Эта неопределенность будущего выражается в диалектике достоверности и вероятности социального прогноза [79].

Не ставя под сомнение эвристическое значение категории вероятности, все-таки заметим, что вероятность есть субъективная мера объективной возможности, а последняя в диалектике выступает в паре с категорией действительности. Возможность и действительность суть характеристики объективно-истинного знания, тогда как «достоверность и вероятность – это характеристики доказательности знания» [154, с. 156], а следовательно, они относятся не к объективной, а к субъективной стороне знания. «Если доказывается достоверность суждения, то для субъекта объективная истинность данного суждения является вполне установленной. Когда же доказательства доходят только до обоснования вероятности большей или меньшей степени, то объективная истинность суждения для субъекта является не вполне установленной, но возможной» [154, с. 157].

В контексте социального прогнозирования прежде всего актуализируется вопрос о возможности тех или иных социальных явлений и процессов в будущем, после чего может исследоваться их вероятность. Но сама будущая возможность (в эмбриональном виде) заключена в настоящей действительности [90, с. 19-20]. Исследование действительности дает знание о будущей возможности. Насколько это знание соответствует действительности, настолько оно истинно. В связи с этим трудно согласиться с той точкой зрения, что прогноз «нельзя оценивать как истинный или ложный» [122, с. 292].

Не всякая возможность становится действительностью. Можно выделить три уровня (стадии) прехождения возможности: 1) формальная, или абстрактная, возможность; 2) реальная возможность; 3) полная, или конкретная, возможность. Формальная возможность граничит с ситуацией абсолютной объективной неопределенности. Поэтому вероятность прогноза, содержащего информацию о формальной возможности прогнозируемого явления, близка к нулю. Известные критические замечания Гегеля в адрес категории абстрактной

возможности были призваны предостеречь исследователей (особенно историков) от злоупотребления ею как раз в силу ее неистинности [75, с. 315-317].

Реальная возможность есть такой момент настоящей действительности, который характеризуется условной объективной определенностью. Вероятность прогноза, содержащего информацию о реальной возможности прогнозируемого явления, позволяет говорить о таком прогнозе как относительно достоверном.

Реальная возможность, становясь моментом будущей действительности, превращается в полную, или конкретную, возможность. Для того чтобы реальная возможность превратилась в момент будущей действительности, она должна полностью реализоваться. Полная реализация реальной возможности настоящей действительности есть ее диалектическое отрицание в будущем, или реальная необходимость будущей действительности [77, с. 501]. Прогноз, в котором реальная необходимость предсказываемых явлений полностью доказана или подтверждена, можно считать абсолютно достоверным.

Анализ категорий возможности и действительности, вывел нас еще на одну важную категорию социального прогнозирования – категорию необходимости. Реальная необходимость просвечивается сквозь завесу реальной возможности. По Гегелю, они различны лишь по видимости, пребывая в отношении друг к другу как содержание и форма [77, с. 501]. Но поскольку реальная необходимость по форме есть хотя и реальная, но лишь возможность, постольку реальная необходимость содержит случайность [77, с. 502]. Случайность можно определить как единство формальной возможности и настоящей действительности [77, с. 479]. Становление будущей действительности, таким образом, зависит не только от реальной необходимости, но и от случайности.

Предметом социального прогнозирования является становление будущей социальной действительности. Но что представляет собой сам процесс становления, становление вообще? По определению А.Ф. Лосева, «становление

есть такая смена одного момента другим, когда каждый отдельный момент при своем возникновении тут же и уничтожается, снимается» [162, с. 3]. Очевидно, возникает потребность в уточнении смысла такого термина, как «момент», что выводит нас, казалось бы, на категорию движения. Но, по А.Ф. Лосеву, становление лежит в основе любого движения, тогда как последнее является «качественно заполненным становлением» [162, с. 4]. Значит, становление не может содержать моменты движения. Однако без категории движения и категория момента теряет смысл. По-видимому, становление все-таки более сложный процесс, чем движение. По выражению М.В. Попова, «движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии есть становление» [203, с. 48], а сами эти «противоположные движения в одном движении» суть моменты становления [203, с. 51] – соответственно прехождение и возникновение [203, с. 53]. Таким образом, можно утверждать, что не движение есть качественно заполненное становление, а становление есть качественно заполненное движение.

То, каким станет будущая социальная действительность, зависит от направленности становления будущего. Эту направленность становления фиксирует категория развития [162, с. 5]. Строго говоря, в природе не существует направленности, поскольку последняя предполагает осознанность процесса. Развитие в природе имеет направление, но не направленность. Научно предсказать направление становления, т.е. развитие в природе, значительно легче, чем направленность становления, т.е. общественное развитие, ведь объекты естественнонаучного прогнозирования не обладают субъектностью, у них отсутствует сознание, мышление. Действительно, необходимость общественного развития есть не просто «слепая» необходимость, а необходимость осознанная [232, с. 105], следовательно, возникает вопрос о свободе общественного развития.

В развитии природы есть случайность, но нет свободы. Наличие свободы в общественном развитии склоняет ряд исследователей к онтологическому отрицанию законов общественного развития и чрезмерному акцентированию

внимания на роли личности в истории. В конечном счете, идея свободы оборачивается против социального прогнозирования как практики научного предвидения общественного развития.

Между тем «для того чтобы нечто развивалось, необходимо, чтобы оно уже в самом начале содержало в себе в замкнутом и неразвернутом виде все свое дальнейшее становление и движение» [162, с. 5]. Общество развивается прежде всего потому, что изначально это внутренне необходимо. Если и можно здесь говорить о свободе общественного развития, то только о формальной. Конечно, это свидетельствует о незрелости форм общественного развития, но в то же время убеждает нас в том, что необходимость развития, а следовательно, и его закономерный характер не могут считаться лишь атрибутами природных процессов.

Становление сущности общества означает переход его от незрелости к зрелости. Дальнейшее его развитие в гораздо меньшей степени подчиненно «слепой» необходимости, т.к. путь развития теперь озарен, выражаясь словами Гегеля, «внутренним солнцем свободы». «Субъективная сторона» общественного развития, понимаемая как целеполагание общественной деятельности [201, с. 47], выходит из тени.

Целеполагание не правильно смешивать с волюнтаризмом: первое согласуется с законами природы и общества; второе – нет. Волюнтаризм не имеет ничего общего со свободой общественного развития. Напротив, он запирает ее в темницу собственного произвола, выпуская на волю роковую случайность, а потому фатализм – вечный спутник волюнтаризма.

Свобода, выражающаяся в «субъективной стороне» общественного развития, согласуется с его «объективной стороной», т.е. необходимостью становления, или закономерным характером общественного развития. Таким образом, признание свободы общественного развития далеко не равнозначно потаканию агностицизму в социальном познании вообще и «гносеологическому нигилизму» [270, с. 182] в области социального прогнозирования в частности.

«Целеполагание – это установление идеально предположенного результата деятельности» [211, с. 8]. Идеально предположенный результат можно понимать двояко: с одной стороны, это мыслимый результат, т.е. результат, существующий только в сознании, или субъективно; с другой стороны, это результат как идеал, т.е. результат, существующий вне сознания, или объективно. Обе интерпретации небезосновательны, в чем не трудно убедиться, если обратиться к знаменитой дискуссии о проблеме идеального между блестящими советскими философами Э.В. Ильенковым [131], Д.И.Дубровским [110] и М.А. Лифшицем [161], ставшей одним из интереснейших эпизодов в истории советской философии. Полный глубокого драматизма, пронизанный острыми эмоциями, насыщенный вескими аргументами и неожиданными контраргументами данный спор стал подлинным триумфом диалектического разума. Несмотря на это, а, может быть, именно поэтому точка в нем так и не была поставлена. Интрига сохраняется и требует развязки, что дает нам право без претензии на заключительное слово добавить к сюжету несколько строк от себя.

Как заметил М.А. Лифшиц, в немецком языке имеются два отличающихся по смыслу слова, переводимых на русский язык одним словом «идеальное» – *ideal* и *ideell*. Последнее буквально означает «идейное», а «идеальное» есть правильный перевод *ideal*. Идейное (*ideell*) есть субъективная реальность, тогда как собственно идеальное (*ideal*) – это некий идеал, или образец, существующий в объективной реальности. Но самое примечательное состоит в том, что понятия *ideal* и *ideell* находятся в отношении контрарности (противоположности).

Итак, *ideell* есть субъективная реальность, *ideal* есть объективная реальность. *Ideell* может содержать в себе много изъянов, *ideal* – абсолютно, истинно, совершенно. *Ideell* и *ideal* суть противоположности, которые с диалектической необходимостью обретают внутреннее единство в социальном. Назовем это единство социально-идеальным. Социально-идеальное нельзя редуцировать ни к субъективно-идеальному (*ideell*), ни к объективно-

идеальному (*ideal*), так же как социальное не сводимо ни к индивидуальному, ни к природному. Социально-идеальное есть особенное по отношению к индивидуальному субъективно-идеального и всеобщему объективно-идеального.

Целеполагание – это социально-идеальный момент общественного развития. В той мере, в какой целеполагание соответствует законам общественного развития, оно объективно, а результат достижим и прогнозируем. Тот факт, что деятельность людей носит сознательный и волевой характер, не противоречит высказыванию о существовании неких законов общественного развития, а лишь указывает на их специфику. По словам А.А.Зиновьева, «...социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей» [122, с. 74].

Итак, благодаря целеполаганию общественное развитие имеет направленность. Идея направленности общественного развития сегодня подвергается критике с позиции многозначной логики. Последняя отказывается от исходного принципа логического фатализма – принципа логической бивалентности, гласящего, что «каждое высказывание является истинным или ложным» [144, с. 11]. К высказываниям, которые нельзя назвать ни истинными, ни ложными, относятся и суждения о «будущих случайных событиях». Принцип же логической бивалентности ассоциируется с тоталитарным мышлением, с тоталитарным режимом вообще [144, с. 73-74]. Поэтому опровержение принципа логической бивалентности превращается в вопрос политический. Поскольку перед будущим открывается «множество альтернатив», то «нельзя в принципе прогнозировать и тем более запрограммировать такое множество исходов, а только можно выбрать некоторые линии развития, отдавая себе отчет, что это только возможность, а не необходимость. В этом (хорошем) смысле будущее случайно. Поэтому сравнительно недавно весьма популярный тоталитарно-фаталистический

лозунг «Все дороги ведут к коммунизму» не выдерживает никакой критики» [144, с. 103].

Правда, сторонники многозначной логики затрудняются дать объяснение гипотетической связи между принципом бивалентности и тоталитарным политическим режимом: «Но поразителен и даже несколько мистичен тот факт, что одни и те же исходные принципы (постулаты) логического фатализма, принятые во всех основных философских эллинистических школах, ничуть не мешали в социально-политической сфере дать образцы демократических устройств государства, тогда как в наше время те же самые принципы существенно способствовали построению крайне тоталитарного режима» [144, с. 4]. Между тем с точки зрения многозначной логики не должно быть ничего «поразительного» в том, что распространение принципа бивалентности в общественном сознании в одних случаях порождает демократию, а в других — тоталитаризм. Однако, даже сняв покрывало мистики с вариативности политических режимов при сохраняющейся инвариантности принципа логической бивалентности в общественном сознании, мы сталкиваемся с другой проблемой. Речь идет о том, что если «тоталитарно-фаталистический лозунг «Все дороги ведут к коммунизму» не выдерживает никакой критики», то почему с любой критикой легко справляется современная мировая практика, все дороги которой ведут к капитализму? Думается, что данная историческая тенденция не согласуется с постулатами многозначной логики.

Некоторые отечественные историки пытаются доказать нелинейность всемирной истории, но их попытки трудно назвать удачными. Чаще всего авторы, декларируя нелинейность исторической динамики, демонстрируя ее на отдельных фрагментах истории, не замечают, как все обнаруженные ими исторические зигзаги и шероховатости постепенно сглаживаются, а кривые линии выпрямляются по мере того, как речь заходит об универсальности таких институтов и ценностей, как частная собственность, рынок и демократия. Так, утверждая, что «нелинейность процессов социокультурной эволюции не отменяет наличия в них определенных сквозных тенденций» [156, с. 92],

можно, например, выделить во всемирной истории две сквозные тенденции: 1) «антипрогрессивную», преобладающую с момента неолитической революции вплоть до XIX-XX вв.; 2) «прогрессивную», наметившуюся в XIX-XX вв. в наиболее развитых демократических странах с рыночной экономикой. Всемирную историю можно рассматривать и как «Историю историй», т.е. как дискретный процесс с постоянно меняющимися правилами игры, но с линейно прогрессирующей детерминистской тенденцией [26, с. 71-77].

Данные примеры позволяют нам согласиться с высказыванием К.В.Хвостовой, что «...в настоящее время историки в массе не овладели соответствующей методикой и многозначной логикой рассуждения, оценкой и интерпретацией глобальных исторических ситуаций в их единстве и всемирно-исторической целостности» [254, с. 12]. Однако мы бы хотели расширить и усилить данный тезис. Наша позиция заключается в том, что не только историки, но и представители других социальных наук не овладели многозначной логикой. Более того, это вряд ли произойдет в массовом порядке, поскольку это не приближает исследователей к истине, а отдаляет их от нее.

Идея направленности общественного развития, по мнению ряда исследователей, совместима с понятием исторических альтернатив. Хотя история и не знает сослагательного наклонения, считают они, но это справедливо только по отношению к прошлому, но не к настоящему и будущему. «Что же касается настоящего и будущего, то относительно их можно и нужно говорить как о включающих разные, даже альтернативные пути развития. Здесь уместен плюрализм, здесь «иное дано»» [133, с. 450]. Утверждение о том, что «будущее многовариантно» [198, с. 42], пожалуй, стало общим местом в современных социальных науках. Отсюда выдвигается и определенное методологическое требование к социальному прогнозированию, а именно, «...что к явлениям будущего нужен вероятностный подход с учетом широкого набора возможных вариантов» [211, с. 9]. Такой подход предполагает примерно равные возможности реализации любой из альтернатив общественного развития.

Другая точка зрения состоит в том, что об исторических альтернативах имеет смысл говорить только тогда, когда определена основная направленность общественного развития, которая ассоциируется с закономерным ходом истории. Исторические же альтернативы суть случайности. Познав закономерный характер общественного развития, можно понять и исторические случайности [56, с. 27].

Категориальное решение проблемы исторических альтернатив нам видится в следующем. Прежде всего, между основной направленностью общественного развития и историческими альтернативами нельзя ставить знак равенства независимо от адресации социальных явлений в прошлое, настоящее или будущее. В то же время исторические альтернативы неправомерно сводить к случайностям. Основная направленность общественного развития отличается от исторических альтернатив соотношением реальных и формальных возможностей. Основная направленность общественного развития содержит в себе формальную возможность, над которой преобладает реальная возможность. Напротив, хотя исторические альтернативы и содержат в себе реальные возможности, но последние уступают место возможностям формальным. Исторические альтернативы не только случайны, но и необходимы, тогда как основная направленность общественного развития не только необходима, но и случайна. Единство основной направленности общественного развития и исторических альтернатив и образует то, что называется историческим процессом, или историей.

Исходя из вышеприведенного определения исторического процесса, становится ясно, что не всякий социальный прогноз способен достичь уровня исторического прогноза. Важным методологическим требованием исторического прогнозирования становится выявление основной направленности общественного развития с учетом исторических альтернатив.

Социальное прогнозирование по-другому можно назвать социальным познанием будущего. Но что такое будущее? Нам представляется верной точка зрения, согласно которой будущее (как и прошлое) определяется через

настоящее [122, с. 287]. Ранее мы использовали понятие настоящей действительности, не акцентируя внимания на его предикате. Между тем, не прояснив смысл категории настоящего, понимание и остальных терминов социального прогнозирования кажется весьма проблематичным.

Определение настоящего и будущего в социальном прогнозировании сопряжено с проблемой интерпретации понятия социального времени. Источником частых неверных прогнозов является смешение социального и физического времени, которое мы ранее называли принципом физической темпоральности. В результате такого смешения о социальном будущем говорят как о далеком или близком в зависимости от количества календарных лет (т.е. числа оборотов планеты Земля вокруг Солнца), отделяющих предполагаемое социальное будущее от социального настоящего. Конечно, общественная жизнь протекает в физическом пространственно-временном континууме. Однако этот континуум создает лишь внешнее обрамление жизни социума, не имея к внутреннему содержанию общественной жизни прямого отношения. «Иными словами, огромный отрезок календарного времени может означать лишь исторически ничтожный путь, проделанный данным обществом, и наоборот, незначительный отрезок календарного времени может означать громадный путь, проделанный во времени историческом» [25, с. 67-68]. Такое несовпадение, а точнее говоря, разнородность физического и социального времени порождает, в частности, феномен «неисторической истории», приписываемый древневосточным обществам [76, с. 149].

Будучи чем-то внешним, или случайным, по отношению к социальным процессам, физическое время, следовательно, не может служить критерием для разграничения социального будущего и социального настоящего, социального настоящего и социального прошлого. Для этого должна использоваться шкала социального времени. Действительно, «если очевидно, что календарное (счетное) время есть чисто внешняя, количественная мера движения истории, то в плане объективном социально-историческое время характеризует

качественную сторону этого движения» [25, с. 67], а это значит, что шкала социального времени отражает качественные социальные изменения.

Если не происходит общественного развития, то часто в таком случае говорят, что «время остановилось». Напротив, если в обществе происходят одни качественные преобразования за другими, то обычно это воспринимается как «ускорение времени». А.А. Зиновьев усматривает в этих и им подобных выражениях логическую ошибку, заключающуюся в абстрагировании свойств эмпирических объектов от самих этих объектов и восприятию этих свойств как самостоятельно существующих [122, с. 285]. На наш взгляд, этой ошибки можно избежать, если иметь в виду социальное, а не физическое время; если шкалировать социальные явления и процессы, исходя из внутренней логики общественного развития, а не использовать для их измерения шкалу физического времени. При таком подходе нетрудно убедиться, что социальное время действительно течет неравномерно: то замедляясь, то ускоряясь, то останавливаясь, а то и оборачиваясь вспять. «Календарное время кумулятивно и абсолютно, историческое время – относительно, оно не только накапливается, но и во многих отношениях «сбрасывается»», – писал М.А. Барг [25, с. 69]. Такой «сброс» времени проявляется, например, в периоды «социальной деградации» [142], «варваризации» [181] или «архаизации» общества [159].

Социальные изменения могут происходить без качественного перехода общества из одного состояния в другое. Это – социальное движение, но не развитие. Поэтому о таком социальном движении, или процессе, правильно говорить только в настоящем времени. Итак, количественные изменения в обществе суть его настоящее время, или настоящая социальная действительность.

Конечно, в задачи социального прогнозирования входит и предсказание настоящих событий или явлений. Обычно в подобных случаях говорят о «краткосрочном» прогнозировании, что, как мы постарались выше показать, неверно по сути. Как бы то ни было, прогнозы, остающиеся в рамках настоящего времени, не выходят на уровень исторических изменений, т.е. не

являются историческими прогнозами. Дело в том, что социальные изменения становятся историческими только в том случае, если при этом наблюдается переход общества из одного качественного состояния в другое. Новое качественное состояние общества есть его будущее, или историческое будущее. Очевидно, научно предсказать историческое будущее намного сложнее, чем настоящие социальные изменения.

Возникновение исторического будущего есть одновременно прехождение в прошлое социального настоящего. Историческое будущее, таким образом, рождается вместе с историческим прошлым, новое – вместе со старым. Важно подчеркнуть, что возникновение нового не означает, что старое исчезает совсем, превращается в абсолютное ничто. Старое есть момент в развитии общества, и как момент оно всегда в этом развитии присутствует. Однако направленность общественного развития в будущее подчиняет старое новому. Поскольку старое всегда содержится в общественном развитии, постольку возможны исторические рецидивы старого. Научное предсказание таких рецидивов в будущем также входит в задачи социального прогнозирования.

Деление социального времени на прошлое, настоящее и будущее далее будем называть диахронной структурой социального времени, а ее элементы – модусами. Между тем социальное время обладает не только диахронной структурой, но и синхронной. Существование последней объясняется неоднородностью социальной действительности. Чем глубже поляризовано общество, тем сильнее темпоральный диссонанс внутри него. Темпоральные различия обычно локализуются в пространстве. Например, стремительный, быстрый, если не сказать бешенный, нервно пульсирующий ритм жизни столицы ярко контрастирует с плавной, спокойной, размеренной и медленно текущей, а то и вовсе застывшей жизнью провинции. Жизнь столицы устремлена в будущее, а жизнь провинции цепляется за старое. Не случайно провинциализм ассоциируется с отсталостью, а столичность – с новым и передовым. Может даже возникнуть ощущение, что столица и провинция пребывают в разных модусах социального времени. Синхронная

структурированность социального времени порождает, таким образом, проблему определения его модуса.

Тем не менее и жизнь столицы, и жизнь провинции суть социальное настоящее. Центр (столица) и периферия (провинция) представляют собой разные пространственные конфигурации одного и того же общества, а следовательно, они имеют единую сущность. Однако проявляется эта сущность по-разному: в концентрированном виде – в центре; в рафинированном – на периферии. Принимая видимость за сущность, исследователь может испытывать немалые затруднения в социальном прогнозировании.

Локализация социального времени в пространстве позволяет терминологически выделить понятие локально-исторического времени. Противоположностью локально-исторического времени выступает всемирно-историческое время, т.е. социальное время, взятое в его предельно всеобщей пространственной конфигурации. Более привычными терминами, обозначающими всемирно-историческое время, являются древнегреческое слово «эпоха» и латинское слово «эра». Принято, например, называть настоящее всемирно-историческое время «современной эпохой», или просто «современностью» («модерном»). Некоторые же авторы убеждены, что человечество уже вступило в эпоху «постсовременности», или «постмодерна».

Как бы то ни было, в социальном познании актуализируется вопрос о соотношении всемирно-исторического и локально-исторического времени. Он представляет огромную методологическую важность и для социального прогнозирования. В частности, от определения социального времени, в котором живет мировая периферия, зависит прогноз ее будущего развития. Впрочем, сама категория мировой периферии может быть оспорена теми исследователями, которые отрицают всемирный характер истории и универсальные законы общественного развития. Такая позиция приводит к абсолютизации локально-исторического времени, его абстрагированию от всемирно-исторического времени и замыканию в самом себе. Как правило, локально-историческое время тогда предстает в виде циклического. Его

диахронная структура сжимается до модуса прошлого: что бы ни произошло в будущем, все с фатальной неизбежностью возвращается на круги своя. Научное предсказание здесь вытесняется пророчеством.

Анализ основных категорий социального прогнозирования, таким образом, подводит нас к необходимости рассмотреть философские основания, которые влияют на методологические возможности социального прогнозирования.

1.2. Метафизические основания социального прогнозирования

По определению Гегеля, «основание – это прежде всего сущность, тождественная с собой в своей положенности» [77, с. 413]. Когда речь идет об основаниях социального прогнозирования, то имеются в виду те положения или принципы, которые выражают сущность социального прогнозирования. Соглашаясь с утверждением, что «любая теория может быть сведена в конечном счете к предвидению» [262, с. 6], мы рассматриваем социальное прогнозирование как функцию социально-теоретического знания. Социальные теории, как уже ранее указывалось, глубоко философски фундированы, т.е. имеют под собой некие философские основания. Однако эти основания не всегда исследователями осознаются. Выявить их с помощью специально-научных средств крайне проблематично. Поспособствовать в решении этой сложной задачи может философская рефлексия.

По-видимому, основания социально-теоретического знания следует искать в имеющихся в нем линиях разлома. В первом приближении одна из таких линий пролегает между методологическим индивидуализмом и социологическим реализмом [224, с. 15-21]. Спор сводится к вопросу о том, существует ли общество. Сторонники методологического индивидуализма если и признают существование общества, то как нечто вторичное или случайное по

отношению к индивидууму. У сторонников социологического реализма противоположная точка зрения.

В этой непрекращающейся дискуссии, однако, обнаруживается другая линия разлома. Очевидно, методологический индивидуализм по определению не может привести к широким обобщениям, а следовательно, отразить качественные изменения общества в целом. Иначе говоря, даже если методологический индивидуализм принимает в расчет онтологическую данность общества, то образ последнего статичен. Социологический же реализм не всегда уживается с идеей развития общества (как, например, в структурно-функциональном анализе), хотя есть и социальные теории, которые совмещают социологический реализм и историзм (например, марксизм и мир-системный анализ). Таким образом, вторая линия разлома имеет более глубокие основания, поскольку проходит не между методологическим индивидуализмом и социологическим реализмом, а внутри последнего.

Формированию статичного образа общества способствует и непрекращающееся размежевание обществознания на множество социальных дисциплин. Как показано в работах И. Валлерстайна, первым шагом в развитии узкой специализации стало искусственное отделение настоящего от прошлого. Прошлое включалось в профессиональные компетенции историков, тогда как современность разделили между собой экономисты, социологи и политологи [64, с. 56-58]. Поскольку современность отождествлялась лишь со странами Запада, то появилась потребность и в таких дисциплинах, которые бы исследовали жизнь обществ, располагающихся в иных географических ареалах. Так возникли антропология и востоковедение [64, с. 173-174]. Как следствие, всемирно-исторический процесс в методологическом аспекте утрачивал внутреннее единство, что в дальнейшем негативно сказалось на развитии каждой из обособившихся социальных наук.

Прошлое без настоящего лишается исторической перспективы, замыкается в самом себе. Поэтому историк не стремится делать широкие обобщения. Он главным образом увлечен бесконечной фрагментацией или

детализацией навсегда ушедших в историческое небытие событий и явлений. Такая картина сейчас и наблюдается в исторической науке, мода на микроисторию в которой напрямую увязывается с «...отказом вести разговор об обществе в целом и о его эволюции» [209, с. 242]. Пожалуй, в этом отказе и таится причина того, что «микроскопизация», как выразился И. Валлерстайн, присуща не только исторической науке, но и всем остальным обществоведческим дисциплинам [63, с. 279].

Вместе с тем проблема заключается не столько в широте охвата предмета, сколько в глубине его познания. «Ментальность микроскопа» (И. Валлерстайн) блокирует любые попытки исследователя проникнуть в сущность предмета. Историки, абстрагируясь от настоящего, обрывая связь между ним и прошлым, имеют перед собой предмет в его незрелом виде, когда его сущность еще не сформировалась или не проявилась. Как результат, они приобретают лишь «хаотическое представление о целом» [57, с. 27-28]. С другой стороны, социология, экономическая наука и политология, поскольку изучают современность, постольку исследуют общество как «зрелое органическое целое» (В.А.Вазюлин). Однако без исторических корней современность предстает не как зрелая стадия развития сущности общества, а как общество, не имеющее никакой сущности. Таким образом, у социологов, экономистов и политологов возникает такое же «хаотическое представление» о современности, как у историков о прошлом, причем независимо от того, методологического индивидуализма или социологического реализма придерживается исследователь.

Сказанное верно по отношению к главным, или доминирующим, в социальных науках теоретическим направлениям. Этим направлениям нельзя полностью отказать в историзме, но их историзм носит ограниченный характер. Продемонстрируем данный тезис на материале каждой из обособившихся социальных наук.

В современной экономической теории, представленной экономиксом в качестве ее мейнстрима, по признанию ряда исследователей, существует

иррациональная вера в рынок, находящийся в состоянии общего равновесия [11, с. 21; 107, с. 209, 213]. Рынок считается «естественной» организацией экономической жизни общества. Акцент на «естественности» рынка делается умышленно, чтобы подчеркнуть его исторически непреходящий характер.

Такое положение дел в экономической науке сложилось не сегодня, о нем писали еще классики марксизма. По их словам, «экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существуют только два рода институтов: одни – искусственные, другие – естественные. Феодальные институты – искусственные, буржуазные – естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые также устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия есть выдумка людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения – отношения буржуазного производства – являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что это именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это – вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет» [170, т. 4, с. 142]. В.М. Межуев, приводя эту цитату, добавляет, что «это сказано задолго до Ф. Фукуямы с его идеей «конца истории»» [173, с. 44].

Идея «конца истории», постулируемая мейнстримом экономической науки, значительно снижает эвристический и прогностический потенциал экономической теории, поскольку «economics непригоден для анализа качественных социально-экономических трансформаций» [43, с. 97].

Связь между идеей общего равновесия рынка и неспособностью экономикса объяснить и предсказать качественные социально-экономические трансформации заключается в следующем. Само состояние общего равновесия рынка никак не верифицируется, но обосновывается чисто формально-логическим способом, причем безо всяких объяснений и претензий на какой-

либо прогноз. По этой причине рассуждения об общем равновесии далеки от того, чтобы их подвести под понятие научной теории. В лучшем случае можно говорить о некоем «аналитическом каркасе», но не научной теории. Однако этот «аналитический каркас» не выполняет даже описательной функции, он содержательно пуст, а потому лишен практической значимости. Тем не менее абсолютно пустая идея общего равновесия, как отмечает один из крупнейших британских методологов в области экономической науки М. Блауг, «...вторглась с неоклассическую экономическую теорию и по мере своего вторжения стала превращать ее во все более технический, высокоформализованный аппарат для таких суждений об экономике, как будто речь идет об экономике реальной» [35, с. 267]. Со временем идея общего равновесия развилась в самый престижный раздел экономикса, устанавливающий научные стандарты для всей экономической теории, и это притом, что с помощью данной идеи так и не смогли прийти к «содержательному объяснению функционирования экономической системы» [35, с. 268].

По словам известного французского экономиста М. Алле, в работах современных экономистов «...все более и более господствует математический формализм, который по самой своей сути представляет огромный шаг назад» [7, с. 14]. И это не случайно. Математический формализм превратился в эффективный способ изгнания истории из экономической теории. Как объясняет Р.Т. Зяблук, в основе экономикса лежит метод дифференциальных и интегральных исчислений, разработанный еще в 1666 году Ньютоном [127, с. 73]. Но сколь бы точен этот метод ни был, фиксируя и предугадывая количественные изменения, он бессилен пред лицом качественных изменений. Он не в состоянии не объяснить, не предвидеть их.

На неспособность неоклассической экономической теории (экономикса) объяснить развитие экономики обратил внимание еще в начале XX века Й.Шумпетер [266, с. 119]. Но с того времени методология экономического мейнстрима почти не претерпела никаких существенных изменений. Между

тем сама история неоднократно экзаменовала экономикс на предмет его способности научно предвидеть глубокие социально-экономические трансформации.

Первый тест – Великая депрессия – мировой экономический кризис, поразивший сначала экономику США, а затем и остальные капиталистические страны мира в 30-е годы XX века. «С позиций теории общего равновесия всеобщий кризис был невозможен в принципе» [127, с. 74].

Второй тест – рыночные реформы в бывших «социалистических» странах. Решение проблем социально-экономических преобразований там было доверено, по выражению видного венгерского экономиста Я. Корнаи, «приглашенным звездам» – светилам западной экономической науки, составляющим авангард мейнстрима. Практика же показала, что обычно используемые представителями экономикс статические модели не могут отразить динамику системы в целом. «Даже экономисты с самым лучшим математическим образованием не смогли построить модели, позволяющие сделать убедительные выводы о сути исключительно запутанных проблем постсоциалистической трансформации» [155, с. 15]. Насколько драматичными, если не трагическими, оказались последствия проводимых с подсказки западных экономических советников реформы, думается, знает каждый житель стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. По оценкам же специалистов, потери, причем не только экономические, которые понесла в результате реформ только Россия, вполне сопоставимы с масштабом бедствий, обрушившихся на СССР в годы Второй мировой войны, и значительно более катастрофичны по сравнению с тяжелейшими для США последствиями Великой депрессии [19; 84].

Третий тест – мировой экономический кризис 2008-2009 гг. «Великую депрессию запомнили, но, кажется, свели ее причину к частным ошибкам Федеральной Резервной Системы США», – писала за три года до начала первого глобального кризиса XXI века Р.Т. Зяблук [127, с. 74]. И история повторилась. Представителей экономического мейнстрима, как когда-то их

коллег в годы Великой депрессии, новый кризис застал врасплох [261, с. 11-12]. И опять все причины, в конце концов, были сведены «к частным ошибкам Федеральной Резервной Системы США», что вполне объяснимо. По словам, крупного отечественного экономиста С.С. Дзарасова, «сам строй мышления этой научной дисциплины исключает рассмотрение периодических кризисов рыночной экономики как закономерного явления, вытекающего из природы этого типа хозяйства. Есть лишь невнятная ссылка на провалы рынка, более-менее объяснимые внешними и случайными явлениями» [107, с. 268].

Хотя экономикс не выдержал ни одного важного исторического испытания, его академический статус и престиж в научном мире от этого несколько не пошатнулся. Внутренний социальный механизм, обеспечивающий представителям экономикса привилегированное положение, раскрыл американский экономист А. Эйхнер [268]. В частности, система устроена таким образом, что на каждом уровне академической иерархии производится мониторинг и отсеивание «скептиков». На разделение труда внутри экономической науки как важный фактор доминирования математизированного экономикса в общественном сознании обращает внимание и французский социолог П. Бурдьё [52, с. 175-176].

Критики ассоциируют экономикс с «пустым формализмом» [35, с. 33], «схоластикой» [7, с. 14], «знахарством» [11, с. 14], «астрологией» [104, с. 309-310] и «теологией» [107, с. 274]. Авторы этих резких высказываний хотят тем самым уличить экономикс в догматизме и научной незрелости (на чем настаивает, например, А. Эйхнер). По мнению Г.Х. Шахназарова, «...теория становится научной только тогда, когда высказанные на ее основе гипотетические предположения оправдываются на практике. Иначе говоря, подтверждение способности предвидеть – это своего рода сертификат научности» [262, с. 6]. Экономикс, заметим, все-таки выполняет прогностическую функцию в те периоды развития экономической системы, когда она пребывает в состоянии равновесия [99, с. 206]. А такое состояние мы не можем исключить, учитывая, что покой вообще выступает моментом любого

развития. Следуя этой логике, мы, конечно, должны признать, что экономика является научной теорией. Однако прогностическая функция экономика ослаблена, поскольку историзм здесь если и присутствует вообще, то где-то на самой дальней периферии этой экономической теории. Во всяком случае, без преувеличения можно сказать, что принцип историзма в экономическом мейнстриме последовательно не проводится.

Аналогичная ситуация сложилась и в социологии. Для ее характеристики полезно обратиться к книге Ч.Р. Миллса «Социологическое воображение». С момента публикации данного произведения прошло более полстолетия, но замечания, сделанные в нем автором, актуальны и сегодня. «Классическому социальному анализу», ориентированному на конкретно-историческое исследование социальных структур, американский социолог противопоставил два социологических направления – «систематическую теорию» и «эмпирическое исследование социальных фактов и проблем» [177, с. 32, 92]. Оба последних направления отказываются от истории, хотя и несколькими разными способами. «Систематическая теория» посредством «доведенного до совершенства бесплодного формализма» превращается в «Высокую теорию», в которой абстрактные представления подменяют собой действительность, тогда как «эмпирическое исследование социальных фактов и проблем» оборачивается «абстрактным эмпиризмом», т.е. «...нагромождением не связанных между собой и часто малозначимых фактов о локальных сферах человеческой деятельности» [177, с. 34]. Как в первом, так и во втором случаях изучается не реальный процесс исторического развития общества, а навсегда застывшие, выхолощенные понятия («Высокая теория») или мелкие разрозненные явления («абстрактный эмпиризм»).

Ч.Р. Миллс, к сожалению, не уточнил, что именно он подразумевает под «классическим социальным анализом». Более поздние обобщающие работы таких крупных социологов, как А.У. Гоулднер и Дж. Ритцер, дают ясно понять, что классическая социология отнюдь не была обременена принципом историзма. Так, если позитивистский эволюционизм О. Конта был ограничен

жестким идеологическим требованием сохранения порядка в обществе, то функционализм Э.Дюркгейма и «понимающая» социология М. Вебера вообще отказывались от эволюционистского подхода, предпочитая последнему сравнительный метод исследования [96, с. 140, 213].

Возможно, Ч.Р. Миллс имел в виду марксизм, говоря о конкретно-историческом характере «классического социального анализа». Во всяком случае, он подчеркивал, что социология у О. Конта, К. Маркса и М. Вебера «...является исторической и систематической дисциплиной: исторической, поскольку изучает и использует факты прошлого, а систематической, потому что, занимаясь историей, пытается выделить «стадии» исторического процесса и повторяющиеся явления социальной жизни» [96, с. 33]. Относительно историзма М.Вебера, как выясняется, американский социолог все-таки немного ошибался. Что касается О. Конта, то сегодня он считается родоначальником социологии, но никак не классиком. Виной тому – эволюционизм, из-за приверженности которому в классическое наследие социологии не включают и труды Г. Спенсера [96, с. 150]. Еще более сложное отношение сложилось в западной социологической традиции к наследию К. Маркса. Дело в том, что социологическая теория изначально складывалась в противовес его учению [214, с. 20]. Кардинальные различия в подходах долгое время вынуждали западных ученых смотреть на марксизм как на нечто отличное от того, что именуется социологией. Например, такой точки зрения придерживался Т.Парсонс [214, с. 77] – автор той самой «Высокой теории», которую подверг жесткой критике Ч.Р. Миллс. Однако именно Т. Парсонс стал ключевой фигурой в мировой социологии во второй половине XX века. Благодаря его усилиям на Западе сформировался облик того направления социологической мысли, который А.У. Гоулднер чуть позднее назовет «академической социологией». Таким образом, то, что принято считать классической социологией, на самом деле является этапом развития «академической социологии». Следовательно, марксизм сюда не относится. Это значит, что Ч.Р.Миллс был несколько неточен в оценке «классического социального

анализа», указывая на якобы возникший разрыв между последним и современными ему направлениями в социологии. Напротив, как убедительно показал А. У. Гоулднер, между классическим и современным этапами развития «академической социологии» существует тесная преемственная связь, поскольку проблема порядка является краеугольным камнем «академической» социологической теории на всех этапах ее развития.

И. Валлерстайн убежден в том, что К. Маркс внес в социологию не меньший вклад, чем М. Вебер и Э. Дюркгейм, а потому все трое образуют своего рода социологический канон [63, с. 297]. И все же марксизм до сих пор воспринимается «академической социологией» как инородный элемент, а сближение с ним нередко интерпретируется как «вторжение» [214, с. 95]. Показательно, что Дж. Ритцер, утверждающий, что социология является полипарадигмальной наукой, а также с пиететом относящийся к К. Марксу как социальному теоретику, не выделяет марксизм в качестве отдельной парадигмы. Между тем и Э. Дюркгейм, и М. Вебер считаются родоначальниками соответственно парадигмы «социальных фактов» и парадигмы «социального определения» [214, с. 571-572].

Возлагаемые сегодня некоторыми исследователями надежды на историческую макросоциологию как дисциплину, способную выправить антиисторический крен «академической социологии», по всей видимости, напрасны. В методологическом отношении это новая отрасль социологического знания тяготеет к веберизму [218, с. 20-22], несущему, как показал А.Гоулднер, ответственность за идеологическую предубежденность социологов в непреходящем характере существующего типа общества [96, с. 152].

Со статичными представлениями о социальной и экономической системах соответственно в «Высокой теории» и экономиксе корреспондирует статичный образ политической системы в политологическом мейнстриме. По словам американского политолога Р.Х. Чилкота, «формулирование парадигмы основного направления политологии восходит к позитивистской традиции, в первую очередь к логическому эмпиризму, под воздействием которого

находились многие мыслители-позитивисты конца XIX в. и бихевиористы середины XX в.» [258, с. 108]. Единицей анализа здесь выступает система в равновесии [258, с. 110].

Известный голландский философ Ф.Р. Анкерсмит отмечает, что в современной политической теории «...возникает кризис историзма, причина которого кроется в предполагаемой несовместимости вневременных ценностей и исторических изменений» [12, с. 25]. Идея вневременных политических ценностей заимствована парадигмой основного направления политологии из философии естественного права. Важность этой идеи настолько велика, что историзм в политической теории рассматривается некоторыми исследователями как противоречие в основаниях. Отсюда возникает желание оградить политическую теорию от любых поползновений на историзм. Такова, в частности, позиция видного американского политического философа Л.Штрауса [265].

Еще более критическая ситуация сложилась в тех социальных науках, которые не вошли в так называемое «номотетическое трио» [63, с. 277]. Речь идет об антропологии и востоковедении. Огромная заслуга американского ученого арабского происхождения Э. Саида заключается в том, что он показал тесную связь между развитием востоковедения (ориентализма) и проводимой западными странами колониальной политикой. Поскольку восточные народы были объектом этой политики, то черты «номотетического трио» в ориентализме проступали в крайне утрированной форме. «Даже сама возможность развития, трансформации, человеческого движения – в самом глубинном смысле этого слова – отрицается в отношении Востока и восточного человека. Подобная неподвижность и непродуктивность в конечном итоге стала ассоциироваться с наихудшим родом вечности» [223, с. 321].

Что касается антропологии, то она изучала жизнь постепенно исчезающих примитивных обществ, а потому ее предмет был лишен какой-либо исторической перспективы в силу объективных обстоятельств. Это не помешало так называемым «формалистам» внедрить в антропологию

методологию маржинализма, на которую, как известно, опирается экономикс. С точки зрения маржинализма, фиксируемые различия между примитивной и капиталистической экономиками носят количественный, а не качественный характер [225]. Любопытен сам механизм интервенции маржинализма в антропологию: сначала экономисты объявляют капиталистическую экономику «естественной», т.е. антропологизируют ее, а затем ее законы и принципы функционирования антропологи распространяют на экономический быт примитивных обществ. И те, и другие стремятся обуздать историю, но по-разному. Экономисты пытаются придать рыночным отношениям винтажный вид, «архаизировать» законы современной экономики, тогда как антропологи, напротив, стараются отретушировать свой предмет, «модернизировать» архаические экономические связи и отношения.

Доминирующие направления в социальных науках, как выясняется, имеют под собой метафизические основания. Ф. Энгельс, характеризуя метафизический способ понимания, писал, что «...за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием – их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса» [170, т. 20, с. 21]. При метафизическом подходе к социальному прогнозированию анализ будущего строится на «простой аналогии с прошлым и настоящим», механическом проецировании фактов и опыта прошлого и настоящего на будущее [242, с. 362]. Вероятно, поэтому социальные прогнозы столь часто бывают ошибочными. В этом смысле понятен тот пессимизм, который в отношении возможностей построения социальных прогнозов высказывают некоторые исследователи. «Принимая во внимание историю прошлых пророчеств, предсказаний и прогнозов, – пишет З. Бауман, – похожую на жуткую кунсткамеру, наполненную двухголовыми телятами, бородатыми женщинами и другими подобными уродцами и забавными диковинами, нежелание прибавлять еще одного уродца в и без того до отказа набитое жилище может оказаться вполне простительным» [29, с. 26].

1.3. Дивергенция метафизических и диалектических оснований социального прогнозирования

Между тем попытки преодолеть метафизический подход предпринимаются в области междисциплинарных исследований, на стыке социальных наук, в социальной философии. Последняя, в частности, все больше разворачивается лицом к истории как «исходной» и «всеохватывающей форме» социального бытия [238, с. 7-9].

Однако не все попытки можно считать удачными, даже если они восплощают в себе некоторый историзм и идею альтернативности общественного развития. Проиллюстрируем нашу мысль примерами из теоретических наработок современных отечественных исследователей. Обратимся для начала к разработанной российскими экономистами «теории социальных альтернатив». Ее авторы считают, что по вине принципа линейности социальные науки сегодня оказались в «методологическом тупике». Следовательно, «выход из методологического тупика видится в отказе от попыток «втиснуть» историю человечества в однолинейную, жестко заданную схему или модель развития». «Теория социальных альтернатив» как раз и призвана доказать, что «...многовариантность была и остается основой развития человечества» [58, с. 55]. Более того, утверждается, что «любая форма прогрессивна, а значит, социальна, коль скоро ее исповедует конкретная локальная цивилизация» [58, с. 61].

Выделяя в истории человечества два альтернативных пути развития, ученые связывают их с двумя типами цивилизаций – «общинным» и «гражданским». Во второй половине XX века, по их мнению, в странах Запада и Японии, где до того существовал «гражданский» тип цивилизации, произошел «общецивилизационный сдвиг» и начался процесс формирования «современного общества». Суть этого «общецивилизационного сдвига» заключается в том, что теперь общество ориентируется не на «количественные» показатели роста, а на «качественные». Главной составляющей

«качественного» показателя роста является измеряемый в долларах США «человеческий капитал», который образует «духовную» форму общественного богатства. Среди прочих изменений отмечаются переход от «частной» собственности к «публичной», исчезновение классов и т.д.

На наш взгляд, данная концепция входит в противоречие с собственными методологическими установками, направленными на поиск социальных альтернатив. Очевидно, что так называемый «общецивилизационный сдвиг» затронул или затронет все человечество, сужая и без того изначально скудный выбор социальных альтернатив или вообще лишая человечество какого-либо выбора.

Трудно согласиться и с самим прогнозом. Дело в том, что он строится на убеждении, что главное историческое событие – «общецивилизационный сдвиг» – уже свершилось, т.е. будущее уже наступило. Но если внимательно присмотреться к явлениям, выдаваемым за признаки «общецивилизационного сдвига», то выяснится, что в той исторической картине, которую рисуют нам авторы, нет ничего нового, кроме художественного обрамления. Например, расширение акционерного капитала выдается за переход от «частной» собственности к «публичной». Ситуация в «современном обществе» характеризуется якобы тем, что «...основная масса индивидов становится реальными собственниками» [58, с. 93]. Однако далеко не все ученые разделяют подобный оптимизм. Так, Р. Пайпс констатирует: «... современная корпорация не изжила частную собственность. Напротив, значительно прирастив богатство промышленных демократий, она способствовала ее дальнейшему процветанию» [196, с. 304]. Если же расширение акционерного капитала является симптомом «общецивилизационного сдвига», то таковой наблюдал еще К. Маркс, не строя при этом никаких иллюзий относительно перспектив увеличения армии «реальных собственников» в условиях капитализма. По его словам, «...капиталистическое производство по существу своему является частным производством, даже в том случае, если вместо

отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный» [170, т. 24, с. 275].

Итак, мы видим, что, несмотря на определенную историчность, предлагаемая концепция и выдвигаемый на ее основе социальный прогноз имеют метафизический характер. Метафизичность социального прогноза состоит в том, что черты современного западного общества механически проецируются на будущее. Причем этот методологический изъян часто обнаруживается не только в исследованиях, идеализирующих западные институты, но и в концепциях, подвергающих данные институты резкой критике, примером чего служит, на наш взгляд, концепция «сверхобщества» А.А. Зиновьева [122].

Разберем следующий пример. Широкое признание среди отечественных обществоведов получила концепция социокультурной динамики России А.С.Ахиезера [20]. Ее автор открыто выступает сторонником культурологического детерминизма, т.е. отдает культуре приоритет как фактору, определяющему все остальные аспекты жизнедеятельности общества. Культура здесь описывается в категориях противоположных полюсов нравственности. Поэтому исторический процесс предстает как постоянное инверсионное движение от одного полюса к другому. Правда, указанное движение может перерасти в «медиацию». «Медиация в отличие от инверсии является процессом формирования ранее неизвестных, не существовавших в данной культуре альтернатив, расширения их спектра» [20, с. 67]. Культура, в которой медиация становится доминирующей формой социальных изменений, называется «срединной». Образование «срединной» культуры – исторически закономерный процесс. Однако в России она так и не сложилась. Вместо нее здесь возник социокультурный «раскол», породивший «промежуточную цивилизацию», стержнем социокультурной динамики которой стала инверсия, а не медиация, в результате чего история России приобрела циклический характер. К началу 90-х годов XX века российское общество успело пройти через два «глобальных цикла»: первый цикл – с древних времен до 1917 г.;

второй цикл – 1917-1991 гг. Каждый из них имеет абсолютно одинаковую структуру: 1) ранний соборный идеал; 2) ранний умеренный авторитарный идеал; 3) ранний идеал всеобщего согласия; 4) крайний авторитаризм; 5) поздний идеал всеобщего согласия; 6) поздний умеренный авторитарный идеал; 7) поздний соборный идеал, приобретший форму соборно-либерального [20, с. 799]. Причем первые четыре стадии относятся к «прямой инверсии», а последние три – к «обратной инверсии». Каждая обратная инверсия, а значит, и каждый глобальный цикл заканчиваются социальной катастрофой.

Данная концепция дает следующий прогноз: «Анализ имевших место событий, массовой деятельности позволяет выдвинуть гипотезу, что общество, пережившее, как многие полагали, «революцию», вступило в новый период, в третий большой инверсионный цикл. Принятие этой гипотезы означает одновременно, что страна вновь осталась в «застрявшем» состоянии между традиционной и либеральной суперцивилизациями» [20, с. 672]. Другими словами, впереди Россию ничего нового не ожидает: то, что уже дважды за ее историю происходило, свершится вновь. Таким образом, будущее нашей страны с точки зрения «критики исторического опыта» предстает таким же однообразным и трагическим, как и ее прошлое. Какой-то злой рок «застрявшей» цивилизации навеки навис над русской историей, и ничего, похоже, с этим поделать нельзя.

Как бы мы не стремились уличить автора прогноза в тенденциозности, постсоветский период истории России удивительным образом укладывается в предложенную схему социокультурной динамики. Новая Россия уже успела пройти путь от «раннего соборного идеала» к «умеренному авторитарному идеалу». И хотя на историческом горизонте еще нет заметных признаков намечающегося перехода к «раннему идеалу всеобщего согласия», смущает вовсе не их отсутствие, а та парадоксальная механическая повторяемость, с какой «маятник» А.С. Ахиезера отбивает социокультурные такты российской истории. Это тем более странно, если учесть, что механическая, или полная, повторяемость выступает лишь моментом развития, играет по отношению к

последнему подчиненную роль в природных и социальных процессах [146, с. 8]. В концепции же А.С. Ахиезера, напротив, развитие (медиация) выступает подчиненным моментом по отношению к повторяемости (инверсии). Да, можно говорить о некой социокультурной динамике, но не об историческом развитии. Но к прогнозу, постулирующему идею вечного возвращения, относиться нужно крайне осторожно.

Здесь уместно вспомнить о постмодернизме. Это модное сегодня в социальных науках направление также имеет культурологические корни, и также отрицает развитие как доминантный момент исторического процесса [11, с. 28; 86, с. 115; 113, 390-391; 241, с. 353]. В этом смысле концепцию А.С.Ахиезера можно назвать постмодернистской.

Не соглашаясь, по сути, с методологией постмодернизма, нам, тем не менее представляется не совсем справедливым желание критиковать его только за то, что он порывает с классической традицией в социальных науках и в своеобразной стилистической манере заставляет усомниться в правильности устоявшихся академических убеждений. В работах ведущих постмодернистов можно обнаружить не только едкий сарказм (порой переходящий в откровенный цинизм), касающийся реалистичности таких идеалов Просвещения, как прогресс, равенство и справедливость, но и горькую самоиронию и глубокий пессимизм по поводу собственного и общего бессилия что-либо изменить в лучшую сторону в современном обществе. Это иногда способствует тому, что «гуру» постмодернизма на уровне интуиции быстрее, острее и точнее типичных представителей академического обществознания подмечают такие тенденции, которые изначально вычеркнуты из социальной онтологии аксиоматикой классических теорий. Приверженцы классической парадигмы обычно этих веяний не замечают или игнорируют, а потому начинают рефлексировать над ними с некоторым опозданием с подачи постмодернистов.

В отечественном обществознании, однако, удивляет не постмодернизм как таковой, а то, что исследователи, стоящие, казалось бы, на совершенно

разных методологических позициях, часто предлагают схожие социально-исторические онтологии, если предметом нарратива становится прошлое и будущее России. В той или иной степени в них воспроизводится идея механической повторяемости, «эффекта колеи». Правда, в отличие от постмодернистов, авторы меганарративов все-таки предлагают масштабные социальные проекты по выходу страны на новую историческую траекторию, для чего необходимо будет, по их замыслу, за очередным историческим «перевалом» выбрать верный путь к «устойчивой демократии», наподобие той, что уже существует в странах Запада [218]. В то же время российские либеральные мыслители уже не испытывают былого оптимизма начала 1990-х годов в духе Ф. Фукуямы [250], и оценивают риски «авторитарного отката» назад в «колею» как очень высокие.

В проектах либерального обустройства России содержится, на наш взгляд, изрядная доля субъективизма. Об этом свидетельствует крайне низкая вероятность реализации либерально-демократического «транзита». Отсюда следует, что перспектива исторической «колеи» для будущей России остается почти фатально неизбежной. Таким образом, еще раз подтверждается правота мысли Г.В. Плеханова, заметившего, что «фатализм, вообще, нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом» [202, с. 542].

Метафизический подход к социальному прогнозированию возводит механическую повторяемость в исторический принцип. Идея вечного возвращения, движения по кругу нашла отражение и в работах некоторых видных западных исследователей с той лишь разницей, что «маятник» истории совершает колебательные движения не в воображаемом социокультурном, а в самом настоящем физико-географическом пространстве, причем в планетарном масштабе [246; 247]. Для отечественных авторов, разрабатывающих циклические концепции, такой глобальный подход скорее является помехой, нежели помощью в их попытках подчеркнуть инаковость исторического пути России. Действительно, в глобальном «мир-системном» механизме Россия выполняет функцию лишь одной из многочисленных пружин, приводящих в

движение тяжелый «маятник» всемирной истории. И не велика беда, если эта «пружинка» сломается: ее можно заменить или вообще обойтись без нее. Многие российские ученые скорее готовы признать, что «Русская система» [200] порочна, чем согласиться с такой незавидной для нее исторической участью. Поэтому цивилизационное измерение для этой группы исследователей служит необходимым дополнением к циклическим схемам истории.

Одной из наиболее интересных методологических попыток решить проблему инаковости России в указанном ключе является, на наш взгляд, «теория институциональных матриц» [149]. Ее исходная посылка состоит в том, что первоосновой любого общества со сложившейся и относительно устойчивой государственностью является так называемая институциональная матрица, представляющая собой систему базовых институтов политики, идеологии и экономики. Существует два идеальных типа институциональных матриц – X-матрица и Y-матрица. Каждый из них обладает инвариантным набором базовых институтов. Таковыми для X-матрицы являются унитарное политическое устройство, коммунитарная идеология и редистрибутивная экономика, а соответственно для Y-матрицы – федеративное политическое устройство, субсидиарная идеология и рыночная экономика. Поскольку об «идеальных типах» идет речь в том смысле, в каком предлагал использовать это понятие М. Вебер, то в реальной действительности мы не встретим общества с институциональной матрицей одного из этих двух типов в чистом виде. Однако в зависимости от того, какие институты суть базовые, а какие – комплементарные, можно о том или другом обществе говорить, что в нем доминирует X-матрица или Y-матрица.

В кризисные периоды развития общества базовые и комплементарные институты меняются местами, но все возвращается на круги своя по мере перехода к нормальной жизни, которая характеризуется наличием «оптимального баланса базовых и комплементарных институтов». Причина же периодических кризисов усматривается в «тотальном доминировании» базовых

институтов. Таким образом, институциональным матрицам присуща цикличность развития.

Данная теория не обходит стороной и вопрос, почему в одних обществах доминирует X-матрица, а в других – Y-матрица. Это зависит от «материально-технологической среды», куда входят такие элементы, как природные условия, инфраструктура и наиболее важные отрасли хозяйства. То или иное сочетание этих элементов, определяемое, в конечном счете, особенностями природно-климатических условий, приводит к тому, что материально-техническая среда приобретает свойство «коммунальности» или «некоммунальности». Коммунальность отличается от некоммунальности внутренним единством, неотчуждаемостью элементов материально-технической среды. Коммунальной материально-технической среде соответствует X-матрица, некоммунальной – Y-матрица. Таким образом, свойство материально-технологической среды рассматривается как «основной фактор формирования типа институциональной матрицы» [149, с. 61]. Более того, значение этого фактора со временем не только не ослабевает, но и возрастает [149, с. 74].

Относительно прогностических притязаний теории институциональных матриц следует заметить, что с ее помощью можно определить «коридоры эволюции» государств, спрогнозировать их «долгосрочные траектории развития», но для краткосрочных прогнозов она малопригодна [149, с. 54-55].

Какие же прогнозы дает теория институциональных матриц? Поскольку история России подвержена институциональным циклическим ритмам развития, то распад СССР можно интерпретировать как проявление кризиса «тотального доминирования» институтов X-матрицы, а последующую за этим либерализацию – как негативную реакцию на этот кризис, в результате которой институциональный баланс был уже нарушен в пользу институтов Y-матрицы. Однако инвариантной коммунальной материально-технической среде России соответствует идеальный тип X-матрицы, а поэтому следует ожидать, что институты именно этого типа будут все больше укрепляться по мере достижения «оптимального баланса базовых и комплементарных институтов».

В частности, «...в ближайшее время будут усиливаться централизованные начала в управлении экономическим развитием страны, в том числе посредством роста регулирующей роли государственных органов власти и государственного предпринимательства» [149, с. 200].

Если внимательно присмотреться к основным положениям анализируемой теории, то обнаружится, что за ее институциональным фасадом укрывается географический детерминизм. Этим она принципиально отличается от теории социокультурной динамики А.С. Ахиезера. Впрочем, не только этим, но и пониманием того, что такое прогресс, а также явно «почвеннической» оценкой инаковости России. Обе теории описывают историю России как повторяющую одни и те же циклы, но там, где одна теория наблюдаемые изменения оценивает положительно, другая – отрицательно. И если с точки зрения теории социокультурной динамики «либеральная суперцивилизация» является историческим ориентиром для всех обществ, включая Россию, то согласно теории институциональных матриц никакого такого универсального ориентира просто не существует. Более того, в глобально-историческом плане указывается на возвращение сегодня эпицентра мировой истории в страны с Х-матрицей (Китай, Индия, Япония) [149, с. 163].

Как бы то ни было, в методологическом аспекте «почвеннический» оптимизм теории институциональных матриц есть вывернутый на изнанку либеральный пессимизм теории социокультурной динамики с той лишь разницей, что идея возвращения к изначальному состоянию в одном случае интерпретируется как достижение «оптимального баланса», а в другом – как досадная участь «застрявшей цивилизации».

Родственной по отношению к теории институциональных матриц можно считать «общую теорию институциональных трансформаций» [33; 34]. Вместе с тем в ней предпринимается попытка совместить глобально-эволюционный подход с локально-циклическим. В итоге получается, как бы это странным не показалось, нечто среднее между теорией институциональных матриц и теорией постиндустриального общества Д. Белла. Дело в том, что, как и в

последней, социальная эволюция здесь предстает как параллельное движение по трем не связанным между собой «осям» развития. Но если в упомянутой концепции постиндустриализма таковыми выступают технико-экономическая, политическая и культурная «оси» развития [31, с. ХСVIII-ХСIX], то в общей теории институциональных матриц – формационная, институциональная и «ось» государственного развития [34, с. 118-120]. Кроме того, процесс глобальной социальной эволюции здесь преломляется через локально-циклические колебания, обусловленные нарушением равновесия между «универсальными способами координации коллективной деятельности» – рынком и раздатком [34, с. 111-113]. Тем не менее «все локальные цивилизационные матрицы проходят единые универсальные ступени развития в виде фомаций», а потому в глобальной исторической перспективе произойдет всеобщий переход к «интегральной» формации, в которой установится гармония между рынком и раздатком. Что касается России, то она переживает период «великой трансформации», поскольку «изменения осуществляются одновременно по трем осям» [34, с. 142-143].

Следует особо заметить, что понятие «формация» в разбираемой теории имеет мало общего с одноименным марксистским понятием, так как из него сознательно исключаются отношения собственности. Этого требует сам принцип «осевой» разобщенности социального развития, отрицающий наличие какой-либо внутрисистемной общественной субординации типа «базис» – «надстройка». Отношения собственности в таком случае становятся неким нейтральным фоном, оттенки которого всегда одинаково меняются в зависимости от фазы цикла, но не поддаются прогрессивным изменениям. В этом смысле глобальный переход к «интегральной формации» в «общей теории институциональных трансформаций» обосновывается так же, как и переход к постиндустриальному обществу в теории Д. Белла.

Понятие «трансформация» является ключевым для ряда современных концепций, описывающих важные исторические моменты прошлого и дающих исторические прогнозы. Особое место среди них занимает социально-

философская концепция «трех великих трансформаций» глобального капитализма [241]. Ее авторы не пытаются заменить категорию «капитализм» более абстрактными понятиями «модерн» и «постмодерн», как это делают сегодня многие отечественные философы, а, наполняют ее новым социально-историческим содержанием. Но самое главное в интересующем нас аспекте состоит в том, что в этой концепции предпринята попытка рассмотреть капитализм диалектически, а не метафизически.

В общих чертах история капитализма предстает в следующем виде. В результате «Первой великой трансформации» возник «либеральный», или «классический», капитализм, пришедший на смену «доклассическому». Этот капитализм просуществовал примерно до начала Второй мировой войны, хотя уже под влиянием последствий Первой мировой войны (Великая октябрьская революция, советская индустриализация и т.д.) он вступил во «Вторую великую трансформацию», завершившуюся становлением так называемого «организованного», или «неклассического», капитализма. Последний просуществовал относительно недолго, начав деформироваться уже где-то в конце 1960-х годов под ударами студенческих волнений и протестов, направленных против этой самой «организованности». Однако в активную фазу «Третьей великой трансформации» капитализм вступил лишь в 1990-е годы. Этот процесс еще не закончился, но уже сегодня в нем можно выделить две противоположно-направленные исторические тенденции. Первая доминировала на начальной стадии и имела явно выраженный либеральный характер. Но уже к концу нулевых годов XXI века верх взяла антилиберальная тенденция. Вектор «Третьей великой трансформации» сегодня направлен к так называемому «постнеклассическому» капитализму [241, с. 17-19].

Что заставляет авторов концепции говорить о переходах капитализма из одной стадии в другую как о «великих трансформациях»? В центр своего социально-философского анализа они ставят взаимоотношения экономики и общества при капитализме. Кардинальное изменение этих взаимоотношений и определяется ими как «великая трансформация». Так, в условиях

«доклассического» капитализма рынок и «традиция» для общества функционально равнозначны. «Первая великая трансформация» приводит к тому, что рынок становится доминирующим социальным фактором. Затем «неклассический капитализм XX века попытался высвободить общество, поставить его над или рядом с рынками и экономикой». Наконец, «Третья великая трансформация к постнеклассическому капитализму направлена на высвобождение общества вместе с выдвижением на значимые места политики, этики и культуры» [241, с. 19]. Таким образом, три трансформации породили три «современности» капитализма. В «Первой современности» капиталистическая экономика (рынок) довлеет над всеми остальными сферами жизнедеятельности общества; во «Второй современности» устанавливается некое равновесие между всеми социальными сферами; в «Третьей современности» на авансцену истории выходят внеэкономические факторы, а именно культура и политика.

Такие трансформации логически возможны потому, что авторы данной концепции рассматривают капитализм как культурно-исторический продукт цивилизации Запада. Дальнейшая эволюция капитализма означает его распространение на другие цивилизации. Этот процесс описывается в терминах «первой» и «второй» глобализации. Если «Первая великая трансформация» порождает глобализацию, то «Вторая великая трансформация» ее прерывает, а «Третья великая трансформация» ее возобновляет. Свойством, отличающим «вторую» глобализацию от «первой», является переход глобального лидерства от стран Запада к Китаю и другим азиатским странам. Как следствие, «если раньше капитализм перемалывал чужие (незападные) культуры, то теперь эти культуры перемалывают капитализм» [241, с. 532].

Однако исследователи дают очень осторожные прогнозы будущего развития мира. Они считают, что нужно «...относиться к будущему как к содержащему множество вариантов развития» [241, с. 448-449]. Правда, анализ альтернатив будущего ограничивается лишь двумя сценариями развития капитализма в XXI веке: 1) «общество для рынка» и 2) «рынок для общества»

[241, с. 462]. С позиций культурного релятивизма каждый из них может рассматриваться как прогрессивный. Это означает, что нет никаких универсальных критериев прогресса, нет самого прогресса как объективного исторического процесса, а существуют лишь различные концепции прогресса. Так, «первая» глобализация совершалась под флагом линейной концепции прогресса – западной по своему духу и происхождению. «Вторая» глобализация проходит уже под пестрыми знаменами цивилизационных различий прогрессивного развития. «Прогресс утратил линейность форм и начинает свое существование в рамках цивилизаций и наций, производя общие и отличающиеся черты» [241, с. 526].

Хотя авторы концепции скептически относятся к так называемой «постэкономической» перспективе развития, будущее они все-таки связывают с постиндустриальным обществом. Но их позиция отличается от той, которой придерживаются сторонники теории постиндустриального общества, тем, что постиндустриализм, по их мнению, несвободен от императивов капиталистического развития экономики, в том числе такого, как «экономическое принуждение» [241, с. 493]. Однако последнее явление предлагается анализировать не с точки зрения классового подхода как морально устаревшего, поскольку «на Западе классовые конфликты благодаря социально ориентированным государственным проектам уже в значительной мере позади» [241, с. 437], а с точки зрения стратификационной теории. В постиндустриальном обществе, именуемом также «обществом знания», нет больше классов, а есть страты. Верхнюю страту в этом обществе занимает «творческая элита» [241, с. 489]. Внизу же социальной лестницы находятся «обездоленные слои» [241, с. 498-499]. Социальная «расколотость» никуда не исчезла, но теперь она определяется отношением к «социальному контракту», в связи с чем возникают опасения, что в будущем на Западе деление на привилегированное меньшинство, занятое высокоинтеллектуальным трудом, и «избыточное» остальное население, составляющее большинство, сохранится [241, с. 446].

Предполагает ли концепция «трех великих трансформаций» какую-то альтернативу капитализму в будущем? По признанию самих авторов, этот вопрос для них представляется «наиболее проблематичным» [241, с. 451]. Тем не менее, окончательный вывод, к которому приходят авторы концепции «трех великих трансформаций», состоит в том, что будущее всего человечества, хотя оно и содержит «варианты развития и возможности роста разнообразия» [241, с. 560], лишь повторяет капиталистическое прошлое Запада. «Модерн — незавершенный проект, потому что он начинается в других местах» [241, с. 562].

Оценивая прогностический потенциал данной концепции, мы не можем не отметить присущую ей диалектичность [241, с. 325]. Это касается прежде всего попытки объяснить «три великие трансформации» капитализма через развитие противоречия «общество — рынок». Вместе с тем, как нам представляется, последовательно реализовать данную задачу, отказываясь от монистического понимания истории в пользу плюралистического, крайне сложно. Предпочтение плюрализма трудно назвать методологически оправданным и целесообразным решением.

Анализ известных концепций, содержащих исторические прогнозы, выявил то узкое место, которое препятствует, на наш взгляд, дальнейшему успешному развитию социальной прогностики. Речь идет о метафизическом подходе к социальному прогнозированию, что побуждает нас обратить внимание на те тенденции в социальном познании, которые к этому привели.

Одну из таких важных тенденций можно назвать отчуждением гносеологии от онтологии в философии истории [88, с. 116-118]. Эта тенденция возникла в результате позитивистской атаки на историософию. Стремление позитивистских историков изучать одни лишь факты и ничего кроме фактов превращало философию истории с ее широкими обобщениями и построениями, поисками сквозных законов и закономерностей в ненужный артефакт. С другой стороны, огонь по бастионам традиционной философии истории стала вести берущая свое начало в неокантианстве так называемая «критическая

философия истории». Последняя отказывалась от изучения собственно исторического процесса, сконцентрировавшись на вопросах методологии исторического исследования. Как следствие, традиционная философия истории раскололась на два направления – онтологическое и гносеологическое. В XX веке первое направление было представлено работами таких крупных авторов, как О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, К. Ясперс и т.д. Однако более влиятельным, на наш взгляд, оказалась гносеологическая философия истории. Дело все в том, что, несмотря на принципиальные расхождения неокантианства с позитивизмом, гносеологическая философия истории вполне могла мирно уживаться с последним. Для этого лишь потребовалось разграничить предметные области: позитивистской исторической науке отдавалась онтология исторического процесса, а философии истории оставлялась гносеология. Таким образом, с точки зрения демаркации зон научных интересов между гносеологической философией истории и позитивистской исторической наукой конфликта не возникало. Напротив, онтологическая философия истории создавала определенные помехи для позитивистской исторической науки. Нельзя сказать, что это сильно тяготило историков-позитивистов, поскольку неполноценная в гносеологическом смысле онтологическая философия истории значительно уступала позитивистской исторической науке в точности и аккуратности. Это лишь в еще большей степени дискредитировало притязания философии истории на изучение собственно исторического процесса.

В настоящее время мало кто среди историков серьезно относится к творческому наследию корифеев онтологического направления в философии истории, а также к реваншистским попыткам некоторых философов снова вторгнуться на территорию позитивистской исторической науки [См.: 187, с. 140-157, 293-296]. Казалось бы, неудачи онтологического направления оттеняют успехи гносеологического направления. Действительно, на смену таких блестящих умов, как В. Дильтей, Г. Зиммель, Р.Дж. Коллингвуд, Б. Кроче, Р.Арон, К. Поппер, пришла новая плеяда авторов: Ф.Р. Анкерсмит, А. Данто, А.Про и т.д. Есть крупные философы и в нашей стране (А.И. Ракитов,

В.Н.Сыров и др.). Но их исследования суть одна и та же непрерывная линия рассуждений о том, как познавать историю, что считать историческим знанием и т.д. и т.п.

Достижения гносеологической философии истории трудно переоценить. Тем не менее отказ рассматривать собственно онтологические проблемы, на наш взгляд, серьезно ограничивает эвристические возможности и самой гносеологической философии истории. Как писал великий грузинский поэт Шота Руставели, «каждый мнит себя героем, видя бой со стороны». Гносеологи от философии истории похожи как раз на таких «героев», которые, не исследуя исторический процесс сами, раздают советы тем, кто этим занимается непосредственно. Конечно, часто крайне необходимо взглянуть на историческое исследование со стороны. Однако насколько бы обогатилась теория исторического познания, если бы гносеологи не только бы смотрели на процесс исторического познания с высоты своего философского олимпа, но и периодически из «теоретиков» превращались в «практиков». Для этого вовсе не требуется дублировать действия историков, а нужно, опираясь уже на собранный ими фактический материал, пытаться нащупать те узловые моменты, с помощью которых можно было бы обнаружить определенные исторические закономерности. Как бы то ни было, нельзя не согласиться с И.А.Гобозовым, утверждающим, что «...без объекта познания нет теории познания. Поэтому предметом философии истории являются как гносеологические, так и онтологические проблемы» [90, с. 118].

Критикуя коллег по философскому цеху за их гносеологическое бегство от онтологии истории, К. Кантор отмечает некоторые негативные последствия такого теоретико-методологического разрыва. По его словам, «Хайден Уайт, объявив всякую историю философией истории, уничтожил и ту и другую, погрузив их в кислотный раствор своей филологической «Метаистории», в которой парадигматика истории превращается в парадигматику литературных жанров, а Мишель Фуко, применяя гносеологию, делит «историю» не на формации, не на социокультурные типы, а на господствующие в краткие

периоды времени методы познавательной деятельности – эпистемы. Выходящий ныне из моды постмодернизм филологизировал историософию» [139, с. 16].

В свете сказанного нас не должно смущать, что представители гносеологической философии истории продолжают третировать традиционную («субстантивную») философию истории за то, что концепции последней не соответствуют строгим требованиям, предъявляемым к научным теориям, причем главный упрек в их адрес состоит в неспособности делать предсказания [102, с. 14]. Однако вряд ли отсюда следует, что причина тому – неразрывная связь онтологии и гносеологии. И уж во всяком случае, традиционная философия истории все-таки пыталась сформулировать хоть какие-то прогнозы, тогда как гносеологическая философия истории и позитивистская историческая наука не могут этого себе позволить в принципе.

Дивергенция философии истории происходила одновременно с фрагментацией некогда единого социального знания. Мы уже касались этой проблемы, придя к выводу, что социальные науки в результате размежевания утратили историчность. Во всех них возобладал метафизический способ понимания социальной действительности, ограничивающий идею социального развития. В лучшем случае речь может идти о неких изменениях, социальной динамике. Однако, как точно подметил К. Поппер, понятие «динамики» пришло в социальные науки из физики, где оно применялось по отношению к стационарным системам [204, с. 33].

1.4. Синергетика и диалектические основания социального прогнозирования

В настоящее время в общественном сознании наметилась тенденция сближения социальных наук. Все больше исследователей осознают, что ни экономическая теория, ни социология, ни политология, ни какая-либо другая общественная

дисциплина уже не способны каждая в отдельности обходиться лишь собственными теоретико-методологическими средствами, не обращая внимания на достижения в сопредельных областях знания. Сегодня можно с определенной уверенностью сказать, что конвергенция стала устойчивым вектором дальнейшего роста социальных наук. Потребность в междисциплинарном синтезе и диалоге вызвана, в том числе, общемировыми интеграционными процессами, известными под собирательным названием «глобализация». Мир становится все более сложным, и понять, что же с ним происходит, куда он движется, можно, лишь объединив усилия всех общественных наук.

В первом приближении кажется, что именно реакцией на все возрастающую сложность мировых процессов стало широкое распространение в общественном знании принципов синергетики. Но хотя сегодня признаком хорошего академического тона и считается использование обществоведами терминологии синергетики, нельзя сказать, что ее методология глубоко интегрирована в предмет какой-либо социальной науки. Как правило, синергетика заполняет именно междисциплинарные ниши, ее понятийный аппарат активно используется на стыках различных социальных (и не только социальных) наук, там, где образовались пограничные зоны. Проводниками идей синергетики в общественном знании обычно выступают представители естествознания и «чистые» гносеологи. В области социальной философии синергетическая натывается на упорное сопротивление со стороны тех мыслителей, которые отстаивают сохранение единства онтологии и гносеологии в философии истории [87]. Таким образом, получается, что не столько осознание сложности окружающего мира способствовало проникновению синергетики в общественное знание, сколько отчуждение гносеологии от онтологии, выхолащивание онтологического содержания философии истории.

Итак, синергетика сегодня превращается если не в «начинку», то в некую методологическую оболочку общественного знания. Но означает ли это, что

синергетика наделена большей предсказательной силой, чем концепции традиционной и онтологической философии истории? Некоторые видные представители данной «парадигмы» уверены в том, что «синергетика может служить в качестве новой, нетрадиционной методологии в прогнозировании будущего» [150, с. 293]. Не редко с ними солидаризируются и философы, утверждающие, что «тем самым футурология получает *научный метод* познания будущего, что особенно важно в наше переломное для истории человечества время» [136, с. 366]. Однако одних лишь декларативных заявлений явно недостаточно для того, чтобы считать синергетику таковой. Необходимо продемонстрировать ее способность «познавать» будущее. Кроме того, требуется все-таки ответить на вопрос, касающийся статуса синергетики, а именно: правомерно ли возводить ее в статус некой новой философской парадигмы или теории познания? Любопытно, что сами синергетики в этом вопросе более осторожны, чем их единомышленники из философского цеха. Так, например, авторы книги «Синергетика и прогнозы будущего», негативно оценивая современные тенденции деонтологизации философии и других гуманитарных наук, обеспокоены тем, что с синергетикой может произойти то же самое, если она откажется от проведения «конкретных исследований», переключившись на изучение методологических проблем и разработку «философской теории» [141, с. 366]. Итак, представители естественных наук, откуда и пришла в философию и обществознание синергетика, не ставят перед собой цели превратить синергетику в общенаучную парадигму или теорию познания. В сфере междисциплинарных исследований, по их мнению, синергетика должна выполнять лишь вспомогательную методологическую функцию, сохраняя право на последнее слово за специалистами в той или иной области.

Однако даже в такой мягкой форме установка на использование синергетики в историософских исследованиях создает ряд трудностей. Во-первых, очевидно, что потребность в интеграции с синергетикой может испытывать лишь такая философия истории, которая утратила единство

гносеологии и онтологии. По всей видимости, это приведет к еще большему отчуждению гносеологического и онтологического направлений философии истории друг от друга. Во-вторых, очень проблематичной представляется широкое применение синергетики в онтологической философии истории. По-прежнему остается неясным, повысит ли это ее предсказательную силу. Наконец, продолжает существовать, сохраняя единство онтологии и гносеологии, «традиционная» философия истории, которая в подобных нововведениях не испытывает нужды, ведь, по признанию самих синергетиков, «...синергетика не обязана заменить диалектику...» [141, с. 13]. Поэтому возникает вопрос: превзойдет ли онтологическая философия истории, вооруженная синергетикой, «традиционную» философию истории в области прогнозирования?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, попытаемся сначала эксплицировать те положения синергетики, на которых, с точки зрения ее сторонников, должно строиться социальное прогнозирование, а потом рассмотрим «конкретные исследования», использующие методологию синергетики.

Исходным принципом синергетики является утверждение о системной сложности изучаемых объектов. Принятие его в качестве основополагающего не означает капитуляцию перед агностицизмом, а лишь формирует особое видение проблемы познания, настраивает исследователя на определенный алгоритм ее решения. Первым шагом на этом пути должно стать «выделение части из целого», некой «ведущей переменной» в конструируемой теоретической модели [141, с. 16]. Но «выделение части из целого», «ведущих переменных» суть лишь разные названия хорошо знакомого всем метода анализа. Таким образом, из признания сложности окружающего мира следует необходимость применения анализа в качестве метода его исследования. В этой процедуре, на наш взгляд, нет ничего экстраординарного.

Намного больший интерес представляет идея изучения сложных систем на «развитых, асимптотических стадиях» [150, с. 297]. Но и ее трудно назвать

оригинальной. Достаточно вспомнить, что по этому поводу писал К. Маркс [170, т. 23, с. 6, 85], особенно его знаменитое высказывание, что «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» [170, т. 12, с. 731].

Следующая идея синергетики постулирует вариативность исторического процесса и «неоднозначность» будущего. Она конкретизируется следующим образом: «Будущие формы сложных социальных организаций открыты в виде веера преддетерминированных возможностей. Выходы в будущее узки. Существуют определенные «коридоры» эволюции» [150, с. 299].

В диалектике вариативность исторического процесса выражается с помощью противоположных понятий «возможность» и «действительность». Более того, здесь варьируется сама степень возможности. Так, возможность может быть формальной и реальной. В этом смысле «выход в будущее» с точки зрения диалектики тоже «неоднозначен».

Под «преддетерминированными возможностями» в синергетике понимаются такие возможности, которые обусловлены влиянием будущего на настоящее [150, с. 299]. В преломлении к процессу общественного развития мы можем интерпретировать данный тезис таким образом, что социальный прогресс невозможен без постановки обществом целей своего развития. Сам труд есть такая человеческая деятельность, предвосхищение результатов которой отличает ее от каких-либо действий встречаемых в природном мире. Но со времен К. Маркса эта мысль уже кажется трюизмом. Если же под «преддетерминированием» понимать общественное планирование, то и в этом аспекте синергетика лишь повторяет азы марксизма.

Синергетика придает огромное значение субъективному фактору в истории, а точнее, роли самого человека в организации и строительстве своего будущего. Но не писал ли о том же самом Карл Маркс в знаменитых «Тезисах о Фейербахе»? Давно хрестоматийными стали его слова, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [170, т. 3, с. 4]. Человек, считал классик, не есть марионетка слепых сил природы, а есть существо деятельное, активное, преобразующее окружающий

его мир и самое себя. Предметная деятельность, практика для К. Маркса были синонимами общественной жизни, атрибутами подлинного гуманизма.

И все-таки в понимании того, как осуществлять эту преобразовательную деятельность, обнаруживаются некоторые отличительные особенности синергетики. Так, сторонники синергетики считают, что «эта теория учит нас искусству мягкого управления» [150, с. 303]. При этом проводятся параллели с восточными философскими учениями, провозглашавшими принципы ненасилия, недеяния и т.д. и т.п. Пожалуй, в этом месте, а не в принципе нелинейности синергетика расходится с диалектикой. Дело в том, что синергетика, апеллируя к «мягкому управлению», исключает, как бы «выносит за скобки» саму идею противоречия. Что же касается принципа нелинейности, то в диалектике развитие понимается как восхождение по спирали, т.е. тоже как нелинейный процесс. Правда, в понятие «нелинейности» синергетика вкладывает особый, специфический смысл: «*Нелинейность* означает парадоксальное, антиинтуитивное поведение изучаемых объектов (когда совместное действие нескольких причин или факторов может дать новое качество, когда результат их действия нельзя вычислить как сумму результатов этих причин по отдельности)» [168, с. 52]. На языке диалектики такая «нелинейность» называется законом перехода количества в качество [232, с. 81].

Итак, в методологическом отношении между синергетикой и диалектикой нет серьезных разногласий за исключением идеи противоречия. Синергетика, на наш взгляд, имеет под собой в неявном виде диалектические основания. Вместе с тем трудно согласиться с теми ратующими за единство диалектики и синергетики авторами, которые при этом утверждают следующее: «В истории мы имеем дело с вероятностями, с распределением вероятностей. Бог истории все-таки играет в кости. И в истории нет линейной предопределенности» [183, с. 86]. Единство синергетики и диалектики, как нам представляется, заключается в том, что в истории мы имеем дело не только «с вероятностями, с

распределением вероятностей», а также в том, что в истории есть и линейная предопределенность, а не одна лишь «игра в кости».

Посмотрим теперь на конкретные результаты исторического прогнозирования, опирающегося на методологию синергетики. В основе разработанной видными отечественными синергетиками математической модели исторической динамики, с помощью которой, как полагают ее авторы, можно строить достоверные исторические прогнозы, лежат мальтузианские предпосылки. «Главное содержание переживаемой человечеством эпохи – *глобальный демографический переход*» [168, с. 58]. В развернутом виде эта мысль представлена в коллективной монографии «Синергетика и прогнозы будущего» [141, с. 17].

Предлагаемый подход к изучению истории назван его авторами «исторической механикой». Предназначение последней состоит в объяснении с помощью математических моделей, как совершается процесс, но не каковы его причины и направленность [141, с. 103]. Однако, как подчеркивают исследователи, «феноменологическое описание требует знания многих трудно измеряемых параметров» [141, с. 108]. Что касается социальных параметров, то очень многие из них трудно измерить. Поэтому выбор падает на такой показатель, как численность населения. Но из того факта, что демографические данные имеют точно определяемые количественные характеристики, делается неожиданный вывод, что «они представляют универсальный ключ к пониманию прошлого, и на этой основе следует искать ответ, пусть и ограниченный, на четко поставленный вопрос о механизме развития человечества в целом» [141, с. 208].

Что касается теории Т. Мальтуса, то в нее вносится существенная поправка, которая учитывает зависимость демографических тенденций от экономических и других социальных процессов [141, с. 218]. Как бы то ни было, это не меняет ракурс исследования, в основу которого кладется рассмотрение «демографического состояния мирового сообщества» [141, с. 261].

Разработчики «исторической механики» формулируют так называемый «демографический императив», согласно которому «именно ресурсы определяют скорость роста населения и его предел» [141, с. 278]. В этом смысле такую позицию можно назвать антимальтузианской. Однако тот факт, что в исследовании отдается приоритет демографическому фактору, тогда как анализ «базисных» (экономических) отношений остается без должного внимания, убеждает нас в том, что данный подход тяготеет к концепциям демографического детерминизма.

Согласно разработанной «феноменологической» модели, человечество в настоящее время находится в состоянии демографического перехода от гиперболического роста населения к «стабилизированному режиму» [141, с. 236]. Этот переход в региональном аспекте неравномерен. Развитые страны его почти завершили, тогда как развивающиеся страны находятся только в его самом начале. Поэтому развитые страны представляют собой своего рода проекцию будущего, взглянув на которую, мы можем увидеть, что ожидает человечество в недалекой перспективе. Среди основных тенденций будущего выделяются рост производительности труда, занятости в сфере обслуживания, затрат на социальное страхование и здравоохранение, а также дальнейшее развитие науки, медицины, образования и культуры. Исследователи считают, что в скором времени «уменьшатся, если не исчезнут, причины больших войн», «изменится характер армий» [141, 256-257].

В своем прогнозе авторы ограничились аналогией между современностью Запада и будущим всего мира, а точнее, редуцировали прогноз к описанию сегодняшних реалий наиболее передовой части человечества. С таким методологическим решением мы уже сталкивались, анализируя другие известные концепции. Подход, используемый в этих концепциях, нами был охарактеризован как метафизический. По-видимому, в «исторической механике», присущие синергетике диалектические начала заслоняются метафизическим способом понимания исторического процесса.

«Только тот, кто приобрел «синергетические очки», может стать пророком», – утверждают авторы книги «Синергетика и прогнозы будущего» [141, с. 302]. Наш анализ позволяет выдвинуть противоположный тезис: только взглянув на реальную действительность глазами диалектики, можно строить социальные прогнозы с высоким уровнем достоверности.

В пользу диалектики говорит, например, то, что это «чисто философский метод», и то, что «в структуре диалектики есть все методы...» [243, с. 134-135]. Тем не менее существует серьезная философская критика диалектики, которую нельзя оставить без внимания, не рискуя поставить под сомнение ее научную легитимность.

Среди крупных авторов, приложивших немало усилий по дискредитации диалектики, можно выделить К. Поппера. Он утверждал, что научное мышление руководствуется «методом проб и ошибок», а поэтому описание развития науки будет более «полным» и «гибким» в терминах последнего, а не диалектики. Вместо диалектической триады «тезис – антитезис – синтез» на самом деле нередко имеет место выдвижение множества тезисов, не приводящее в конечном итоге к некоему синтезу. К. Поппер, таким образом, не исключает развития науки по диалектическому сценарию, но и не считает его единственно возможным [206, с. 515-519].

Второе критическое замечание известного методолога и философа науки заключается в том, что диалектический синтез нельзя достигнуть, исходя лишь из тезиса и антитезиса, поскольку «... синтез обычно представляет собой нечто гораздо большее, нежели конструкцию из материала, доставляемого тезисом и антитезисом» [206, с. 520]. Другими словами, если синтез возможен, то только потому, что при этом используется некое неявное знание, которое не рефлексивируется диалектикой.

Особо непримиримую позицию К. Поппер занял по отношению к «претензии» диалектики именоваться логикой. По его мнению, формальная логика устраняет противоречие из теории, тогда как диалектика, напротив, вводит его в теорию. Однако «... если теория содержит противоречие, то из нее

вытекает все на свете, а значит, не вытекает ничего. Теория, которая добавляет ко всякой утверждаемой в ней информации также и отрицание этой информации, не может дать нам вообще никакой информации. Поэтому теория, которая заключает в себе противоречие, совершенно бесполезна *в качестве теории*» [206, с. 526-527]. Диалектика заставляет нас «примириться» с противоречиями, что исключает критику, а следовательно, делает прогресс науки невозможным, ведет ее к краху.

Таким образом, согласно К. Попперу, диалектика – это «описательная» («эмпирическая») теория, имеющая, в отличие от «фундаментальной» теории, каковой является формальная логика, достаточно узкую область применения, только в границах которой описываемая действительность «укладывается в диалектическую триаду», а термины диалектики обретают полную ясность, в силу чего «недоразумение невозможно» [206, с. 532-533]. В конце концов, «на диалектике зиждется не научное рассуждение как таковое – более или менее успешно описать в терминах диалектического метода можно лишь историю и развитие научных теорий» [206, с. 541].

Наиболее острой критике К. Поппер подверг Марксов «диалектический материализм», считая последний худшей версией диалектики. Ранее мы уже сравнивали материалистическое понимание истории и философию истории Гегеля, придя к прямо противоположному выводу. «Однако гегелевская диалектика, включая ее материалистическую версию, – настаивает К. Поппер, – не может служить надежным основанием для научных прогнозов» [206, с. 549]. С помощью нее могут быть получены как правильные, так и неправильные прогнозы. В любом случае опровергнуть их нельзя, поскольку диалектика слишком «расплывчата и растяжима». Иначе говоря, она не поддается фальсификации, а следовательно, «ненаучна» [206, с. 553]. В этом К. Поппер усматривает проявление «железобетонного догматизма» диалектики.

Если более внимательно присмотреться к представленной критике диалектики, то обнаружится, что вся она проистекает из мнимого конфликта между формально-логическим законом исключения противоречия и

диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. Мнимым мы его считаем потому, что он возникает только в ситуации, которую паллиативно можно назвать формально-логическим империализмом. Это происходит тогда, когда законы формальной логики распространяются на всю область онтологии и теории познания, что, как справедливо заметил Т.И. Ойзерман, является признаком метафизического способа мышления [189, с. 127]. С точки зрения формально-логического империализма противоречия не существуют в природе, а являются случайными ошибками мышления, которые необходимо устранять всякий раз, как только они возникают. В этом и состоит прогресс научного познания. Однако непонятно тогда, в чем же заключается прогресс вообще, если в природе нет никаких противоречий? Насколько вообще правомерно говорить о таковом применительно к миру в целом? Ведь изгоняя из него противоречия, мы получаем абсолютно статичную картину мира. Наконец, как тогда объяснить возникновение противоречий в мышлении, избегая дуализма? Формально-логический империализм К. Поппера, таким образом, нас заводит в тупик.

Вместо того чтобы ограничивать диалектику узкими рамками истории научных теорий, думается, нужно четко определить предметную область самой формальной логики. Таковой является абстрактное мышление. В этом случае «претензии» диалектики на то, чтобы быть логикой, вполне оправданы. Во-первых, конкретное мышление не охватывается формальной логикой, но именно оно есть прерогатива диалектики. Во-вторых, диалектика исходит из признания того факта, что противоречие лежит в основе мироздания. Мыслить конкретно – значит отражать противоречия объективного мира в мышлении, что вовсе не равноценно пресловутому «примирению» диалектики с противоречиями, как считает К. Поппер. Диалектика ни в коем случае не мирится с противоречиями, а каждый раз «снимает» их на более высоком уровне познания. Прогресс науки, следовательно, заключается в восхождении от низшего уровня познания противоречий к высшему. Естественно, что такое восхождение немислимо без самокритики, следовательно, несовместимо с

«железобетонным догматизмом». О каком «железобетонном догматизме» вообще уместно вести речь, если, как пояснял Гегель [77, с. 398], именно с точки зрения диалектики определение противоречия считается «более глубоким» и «более существенным», чем определение тождества, как раз потому, что противоречие «...есть корень всякого движения и жизненности»?

Для К. Поппера, однако, так и осталось загадкой, как вообще возможен диалектический синтез, дающий знание, содержание которого есть нечто большее, чем та информация, которую несут в себе тезис и антитезис вместе взятые. Поэтому он крайне скептически относился к прогрессу науки, использующей диалектический метод. Здесь и правда, на наш взгляд, есть проблема, от которой нельзя отмахнуться, не бросив тем самым тень на диалектику. От решения этого вопроса, как нам кажется, зависит и оценка прогностического потенциала диалектики. Действительно, прогноз есть результат синтеза. Как же можно строить достоверные прогнозы с помощью диалектического метода?

Думается, что выйти из возникшего затруднения можно. Для этого нужно воспользоваться, выражаясь языком Славоя Жижека, «параллаксным видением». «Обычное определение параллакса, – поясняет словенский философ, – таково: это видимое глазу смещение объекта (изменение его положения по отношению к фону), вызванное изменением в положении наблюдателя, которое обеспечивает новое направление взгляда. Философский поворот, который здесь, конечно же, должен быть добавлен, состоит в том, что наблюдаемое различие не является просто «субъективным», вследствие того что один и тот же объект, находящийся «где-то рядом», наблюдается из двух различных мест или точек зрения. Скорее, как выразился бы Гегель, субъект и объект внутренне «опосредованы», так что «эпистемологическое» изменение точки зрения субъекта всегда отражает «онтологическое» изменение в самом объекте» [118, с. 23].

Будем исходить из того, что «возникновение сущности нового» есть синтез [57, с. 27]. Однако важно правильно определить сами составляющие

синтеза – тезис и антитезис. «Параллаксная» точка зрения открывает нам иную перспективу синтеза. Так, В.С. Степин указывает на важный принцип гегелевской диалектики, который, на первый взгляд, служит самоограничением ее прогностических возможностей, а именно «погружение в основание». «Это понятие в современной интерпретации означает, что каждый новый уровень организации начинает управлять предшествующими уровнями и перестраивает основания системы, создавая новую целостность» [236, с. 237], в связи с чем маловероятные сценарии эволюции системы на низшей стадии ее развития напротив могут стать наиболее вероятными на ее высшей стадии. «Поэтому прогнозирование таких систем всегда имеет определенный горизонт и требует учитывать возможное изменение вероятностей при фазовых перестройках системы» [236, с. 238].

Как нам представляется, в упомянутом самоограничении гегелевской диалектики одновременно скрыта и ее прогностическая сила. «Случайность» как антитезис сравнительно узкого исторического горизонта в более отдаленной перспективе превращается в необходимость, тогда как, «необходимость», напротив, становится случайностью. Однако познать ее возможно, поскольку наличие сущности «зрелого органического целого» указывает на ее необходимость. Таким образом, мы получаем необходимый (а не случайный) синтез, содержащий в себе «новое» знание и достоверный прогноз.

Завершая главу, остановимся на ключевой проблеме диалектики – ее законах, существование которых рядом исследователей ставится под сомнение. «Если даже такие всеобъемлющие законы существуют, то, поскольку они не могли быть открыты какой-либо наукой, область исследования которой не беспредельна, как могли они быть открыты философией? Существуют ли вообще абсолютно всеобщие законы, т.е. законы, радикально отличные от тех законов, которые открыты (и открываются) фундаментальными науками?» [189, с. 122]. По мнению критиков, нет никаких оснований для утверждения, что законы диалектики существуют. «Имеются лишь основания утверждать: то,

что обычно именуется законами диалектики, указывает на наличие общих существенных черт во всех процессах материального мира и духовной жизни» [189, с. 123]. Но не является ли это «наличие общих существенных черт» свидетельством того, что как раз такие универсальные законы существуют?

Один из критических аргументов гласит, что «в действительности же нет и не может быть особого класса законов, верховных законов, производными от которых якобы являются конкретные, открываемые фундаментальными науками законы» [189, с. 124]. Данное утверждение не вызывает никаких возражений, поскольку полностью согласуется с диалектическим учением. «Ведь с точки зрения диалектики, – пишет Е.Ф.Солопов, – всеобщая связь явлений не есть нечто постороннее по отношению к каждой частной связи, а есть каждая такая связь в процессе ее развития, превращения, перехода во все другие связи. Поэтому частные и особенные законы, являясь непосредственно законами тех или иных отдельных процессов, специфических связей, выступают вместе с тем частными и особенными законами всей универсальной взаимосвязи, характеризуемой со стороны той или иной частной или особенной формы ее проявления» [231, с. 139].

Итак, вполне справедливым можно считать утверждение, что не существует «двух классов законов» – «высших» (диалектических) и «подчиненных им законов природы, общества и познания» [189, с. 124]. Однако из этого совсем не следует, что нет никаких законов диалектики вообще. Законы диалектики суть не «особый» класс, т.е. класс, вбирающий в себя «особые» законы, которые как бы надстраиваются над другим «особым» классом законов – законами различных наук, а всеобщие законы бытия, спецификацией которых и являются другие научные законы. Диалектика всеобщего, особенного и единичного, таким образом, устраняет мнимую проблему параллельного существования двух «особых» классов законов. Вместо параллельных миров «высших» и «низших» законов мы получаем параллаксное видение одних и тех же законов бытия.

Отсюда напрашивается еще один важный вывод: необходимо не противопоставлять философию науке, а исходить из понимания философии как науки. На наш взгляд, лишение философии научного статуса сопряжено с деонтологизацией диалектики и дискредитацией, в конечном счете, диалектического метода. Как точно заметил В.И.Купцов, «отказываясь от построения и развития философии как науки, философы обрекают себя на участь гадателей и пророков, которые не могут играть значительную роль в современном мире» [243, с. 105]. Красноречиво на этот счет высказался С.А.Мусаелян: «Условием выхода человечества из цивилизованного кризиса, в эпицентре которого оказалась наша страна, является глубоко научная философская концепция, дающая адекватное представление о мире, обществе, истории, обладающая мощным эвристическим потенциалом объяснения настоящего и прогнозирования будущего» [182, с. 371]. Однако чтобы философия развивалась как наука, требуется обратиться к диалектике. В связи с этим трудно не признать правоту мысли Е.Ф. Солопова, когда он пишет, что «объективный анализ положения дел в современной российской философии убеждает в том, что после замалчивания и открытого, нередко софистического третирования диалектики и материализма надо в полной мере осознать и практически реализовать необходимость возрождения (на новом уровне!) этих классических направлений философской мысли, имеющих тысячелетние традиции» [232, с. 23].

Глава 2. Прогностический потенциал диалектико-материалистического подхода к социальному прогнозированию

2.1. Дуалистическое и идеалистическое направления в социальном прогнозировании

В социальном прогнозировании можно выделить три направления в зависимости от того, что в них принимается за основу общественного развития: дуалистическое, идеалистическое и материалистическое.

Философский дуализм утверждает, что существуют две субстанции, каждая из которых развивается по своим собственным законам. Проблема дуализма, особенно выразительно проявившаяся у Декарта, состоит в том, что невозможно таким образом объяснить, почему эти субстанции вступают во взаимодействие [128]. Современные российские авторы, справедливо противопоставляя Канта Гегелю, часто отдают предпочтение первому. Подобное уже происходило в истории философской мысли, на что в свое время обращал внимание Г.В. Плеханов. Последний, не умаляя заслуг родоначальника немецкой классической философии, вместе с тем отмечал, что его многочисленные поклонники и последователи, как правило, превозносят наиболее слабые стороны системы Канта и, прежде всего, свойственный ей дуализм [202, с. 448].

В социально-философском аспекте дуализм означает отрицание первоосновы общественного развития как таковой. *«Нет перводвижателя всего исторического движения...»*, – утверждал один из крупнейших европейских мыслителей XX века Р. Арон [14, с. 437]. *«Перечень причин или исторических факторов многочисленны»*, – добавлял он [14, с. 434]. Речь, следовательно, идет уже не о дуализме, а о плюрализме. Последнему часто отдают предпочтение ведущие западные исследователи. По словам Э.Гидденса, «самый давний спор в социологической науке касается вопроса о том, является ли современный мир

следствием *капиталистической* экспансии или же результатом распространения *индустриализма*». Но, по мнению этого авторитетного британского ученого, оба решения сильно упрощают понимание очень сложной современности, а потому, считает он, «вместо того чтобы сводить индустриализм к капитализму или наоборот, следовало бы признать, что и тот и другой влияют на современное развитие более или менее самостоятельно и независимо друг от друга» [82, с. 61].

Плюралистический, или многофакторный, нашел широкое применение в «академической социологии», неоклассической экономической теории, исторической науке и политологии. В «академической социологии», например, вместо поиска главной причины предпочитают говорить о «системном» взаимодействии [96, с. 269] или о «конstellляции» факторов [66, с. 106].

На плюралистической идее зиждется концепция постиндустриального общества Д. Белла, в которой сферы общества (техничко-экономическая, политическая и культурная) разъединены, сосуществуют и развиваются каждая сама по себе. По этой причине американский социолог отказывался считать себя сторонником технологического детерминизма [31, с. ХCVIII-ХCIX], а строя прогнозы, он не исключал, что в будущем «возможно существование как социалистических, так и капиталистических постиндустриальных обществ» [31, с. 154]. Сегодня такие предсказания не выдерживают критики даже с точки зрения тех исследователей, которые еще совсем недавно отдавали должное «редкой внутренней стройности предложенной доктрины» [134, с. LXXI]. Так, по признанию В.Л. Иноземцева, «то, что мы переживаем сегодня, – это возвращение назад из иллюзорных пространств постиндустриализма» [135]. Описывая текущую ситуацию в странах Запада, крупный отечественный экономист Ю.В. Яковец замечает: «Здесь, вопреки многим утверждениям, преобладает не постиндустриальное, а позднеиндустриальное общество и реализуется грандиозная социальная псевдоинновация – его продление в следующую эпоху под видом информационного общества» [274, с. 61].

Плюрализм в социальных науках заглушает сегодня редкие высказывания о монистичности истории. Вместе с тем плюрализм есть всего лишь «умноженный дуализм», как «вроде бы лучше иметь три, а не два полушария мозга» [112, с. 11]. Правда, тут возникают затруднения с научным принципом экономии мышления – «бритвой Оккама»: «*pluralitas non est ponenda sine necessitate*» («множественность не следует полагать без необходимости») [192, с. 144-147]. Как справедливо заметил А.У.Гоулднер, «модель множественной каузальности обычно нарушает каноны экономии, часто имея тенденцию к бесполезному умножению числа независимых переменных» [96, с. 269]. С такого рода методологическими проблемами сталкиваются известные нам современные плюралистические концепции исторического процесса [95].

В методологическом аспекте дуализм и производный от него плюрализм означают подмену принципа детерминизма функционализмом, широко используемым в математике для определения количественных пропорций между явлениями, но не раскрывающим причинно-следственные связи [201, с. 117]. В онтологическом же аспекте дуализм и плюрализм отрицают существование внутреннего единства мира. Последний как бы раскалывается на две части (дуализм) или рассыпается на бесчисленное множество осколков (плюрализм). Попытки же с помощью «системного» подхода или «холизма» собрать из этих кусочков единое целое оборачиваются чистым формализмом, оказываются пустой затеей. Так, например, Г. Лукач в работе «История и классовое сознание» провозглашал категорию «тотальность» в качестве исходной, основополагающей в марксизме [163, с. 128-129]. Позднее он признал свою неправоту [163, с. 80-81]. В этой связи трудно согласиться с утверждением, что сам по себе «целостный» подход может стать достойной альтернативой «квантитативно-системной» методологии [230, с. 21].

В философии истории дуализм и «умноженный дуализм» стали основополагающими принципами цивилизационного подхода. Действительно, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, «евразийцы» и многие другие его сторонники настаивали на том, что никакой единой истории человечества не существует.

Есть самобытные и замкнутые в себе «цивилизации» или «культуры», жизнь которых подчиняется особым историческим ритмам.

Пожалуй, с наибольшей художественной выразительностью такой взгляд на историю представил О. Шпенглер. Весь свой незаурядный литературный талант и громадную эрудицию он обрушил на устоявшуюся схему всемирной истории с ее «упрощенным прямолинейным течением» через три исторические координаты: Древний мир – Средние века – Новое время [263, с. 34]. Это, по его словам, «Птолемея система истории». О. Шпенглер, как ему кажется, делает «коперниканское открытие» в истории, которое заключается в признании, по меньшей мере, равноценности западной и незападных культур [263, с. 36-37]. Все они – живые исторические организмы, «органические формы», а потому у них одна и та же в принципе историческая судьба. Жизнь каждой культуры предопределена, обречена на полное вырождение и духовный упадок. Реквием по культуре играет процесс «цивилизации». В его заключительных аккордах звучат такие темы, как «угасание душевной формообразующей силы» в духовной сфере; возвышение «мировых столиц», империализм, космополитизм и господство денег в политической сфере; утрата «внутренней формы», роскошь, мода и подражание в искусстве [263, с. 77-89].

О. Шпенглер уверен, что его «морфология всемирной истории» дает ключ к построению исторических прогнозов, настолько же точных, насколько таковыми могут быть расчеты физика [263, с. 63]. Но для этого в историческом исследовании нужно полагаться не на поиск «причинной закономерности» [263, с. 137], что обычно и делают физики, а исходить из идеи судьбы, поскольку «подлинная история заряжена судьбой, однако свободна от законов» [263, с. 158-159]. Историческое исследование и научное познание как бы разводятся по разные стороны: «Стихотворство и историческое исследование сродни друг другу, как и математика с познанием» [263, с. 144]. Идея судьбы раскрывается лишь художнику и выражается в творческом акте [263, с. 158], а потому вместо научного познания истории предлагается ее поэтическое

воспевание [263, с. 138], а научному предсказанию противопоставляется предчувствие будущего [263, с. 159].

О. Шпенглер считал, что именно с помощью созерцания можно глубоко прочувствовать пульс исторической жизни, «физиономический такт» культуры. Для этого нужно в каждом историческом факте попытаться узреть некий символ, знак судьбы [263, с. 185]. Попытка же обобщить впечатления в понятиях лишь искажает, огрубляет и умерщвляет в человеческом разуме живой исторический процесс [263, с. 144-145]. С нашей же точки зрения, погружаясь в зияющую бездну символических образов и фактов, познание истории обрекает себя на вечное блуждание в мире иллюзий и фантазий. Только поднявшись логически на ступеньку выше, выйдя на уровень строгих научных понятий, законов и закономерностей, можно говорить о подлинном историческом познании.

Культуры, по О. Шпенглеру, совершенно индифферентны, безразличны друг к другу. Между ними невозможен никакой диалог. Каждая замыкается сама в себе. Если же и происходят какие-то внешние заимствования, то всегда с утратой аутентичной символики, изначального содержания и смысла. Так, например, вышло с римским частным правом, понятия которого, по мнению немецкого мыслителя, были органичны мироощущению аполлонической культуры, но абсолютно чужды современной западной, фаустовской культуре, из-за чего возникают серьезные юридические коллизии [264, с. 84-86].

Морфология всемирной истории есть своего рода историософская монадология. Культуры подобно монадам Лейбница «...вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [160, с. 413-414]. Проводя аналогию между монадами и культурами, мы обнаруживаем гносеологические истоки концепции О. Шпенглера в плюралистическом мировоззрении, «...в абсолютизации особенного, в том, что особенное возводится в нечто большее, чем особенное, и выступает как общее при простом отрицании общего» [180, с. 65]. Речь идет, таким образом, о метафизическом способе понимания. Последний отрицает диалектику

всеобщего, особенного и единичного, что и влечет за собой возвеличивание особенного или единичного, игнорирование их связи со всеобщим. Отсюда и возникает задержка исторического познания на дологическом уровне или, выражаясь гегелевским языком, на уровне «чувственной непосредственности».

Впрочем, у самого Лейбница всеобщее все-таки можно обнаружить в идее бога как первоначальной субстанции, порождающей и отражающей в себе все остальные монады. Таким образом, связь между монадами, хотя и опосредована, но существует. Есть ли такой «бог» в концепции О. Шпенглера? У каждой культуры – своя душа. В момент своего пробуждения душа культуры выбирает «пра-символ», особый код культуры, понятный только ей самой и структурирующий всю культуру. Однако сам выбор «пра-символа» предопределен судьбой [263, с. 225]. Следовательно, мы можем заключить, что судьба и есть тот самый «бог» в разбираемой нами историософской монадологии. В тумане плюрализма вдруг стал прорисовываться знакомый силуэт идеализма.

Повременим пока с широкими обобщениями, но выдвинем предположение, что дуализм и плюрализм в социальных науках и философии истории являются скрытыми формами идеалистического монизма. Так, например, несмотря на то, что М. Вебер всегда старался аккуратно обходить стороной вопрос о главной причине генезиса современного капитализма, за его интерпретацией данного исторического процесса прочно закрепилась репутация как однозначно идеалистической [40, с. 400]. Думается, что это не случайно. Человеческое познание, стремящееся к истине, противится всякой двусмысленности, неопределенности. Поэтому сторонники дуализма и плюрализма невольно выдают свои идеалистические предубеждения.

Проиллюстрируем сказанное на примере работ двух других известных авторов – А.Дж. Тойнби и К. Ясперса. У английского историка мы так же находим «опровержение» единства всемирно-исторического процесса. «Одна из причин, породивших это заблуждение, – пишет английский историк, – заключается в том, что современная западная цивилизация распространила

свою экономическую систему по всему миру» [240, с. 87]. Сравним это суждение с высказыванием О. Шпенглера: «...Цивилизация, завоевавшая ныне всю земную поверхность, ... есть неизбежная стадия одной западной культуры, которую отличает от всякой другой лишь безудержность ее распространения» [264, с. 38]. Как видно, оба автора проводят одну и ту же мысль. Далее А.Дж.Тойнби утверждает, что так называемая экономическая и политическая унификация мира никак не затрагивает культуру, которая «глубже» и «фундаментальнее» экономики и политики [240, с. 87].

Итак, культура «глубже» и «фундаментальнее» экономики и политики. Иначе говоря, речь идет о культурном детерминизме. Но такая «прямолинейность» вскоре отступает на второй план, так как одновременно утверждается, что именно «представление о прямолинейности развития» лежит в основе «ложной концепции «единства истории» на базе западного общества» [240, с. 91]. А.Дж. Тойнби из всех сил стремится вырваться из «ловушки» исторического монизма. Это наглядно проявляется в его объяснении генезиса цивилизаций: «Исчерпав все возможности, мы пришли пока к одному выводу: причина генезиса цивилизаций кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких; это не единая сущность, а отношение» [240, с. 113].

А.Дж. Тойнби приходится заплатить слишком высокую цену за то, чтобы его не упрекнули в историческом монизме. Вместо, как он выражается, «догмы единства цивилизации» [240, с. 88] он выдвигает, на наш взгляд, другую догму – догму цивилизационного плюрализма. Ей в жертву приносится методологическая последовательность: в исследовании реализуются две совершенно разные и несовместимые методологии.

Методология, использованная для опровержения «единства цивилизации», основывается на принципе культурного детерминизма. Для объяснения же генезиса цивилизаций применяется методология, которая отбрасывает в сторону теорию «единственного фактора» [240, с. 113]. Таким образом, мы сталкиваемся с методологическим дуализмом.

Рассмотрим более внимательно методологию изучения генезиса цивилизаций. А.Дж. Тойнби, протестировав расистские и экологические гипотезы происхождения цивилизаций, приходит к выводу об их ошибочности. Тогда он выдвигает идею «Вызова-и-Ответа». Суть ее заключается в том, что цивилизация возникает лишь в том случае, когда на тот или иной «вызов» дается адекватный «ответ». Так, процесс иссушения долин рек стал «вызовом» в генезисе египетской и шумерской цивилизаций, а их возникновение – соответствующий «ответ». Рождение китайской цивилизации стало творческим «ответом» населения на «вызов» заболачивания и наводнений в долине Желтой реки. Майянская и андская цивилизации появились как «ответ» на «вызов» тропического леса, минойская – как «ответ» на «вызов» моря [240, с. 120-126].

«Вызов» создает «стимул» для роста цивилизации. А.Дж. Тойнби выделяет два вида «стимулов»: 1) «стимулы природной среды» и 2) «стимулы человеческого окружения». В свою очередь каждый из видов «стимулов» приобретает различные формы: первый вид – формы «стимула бесплодной земли» и «стимула новой земли», второй вид – формы «стимула ударов», «стимула давлений», «стимула социального ущемления» [240, с. 126-178].

Связь между «вызовом» и «стимулом» называется «законом соотношения вызова и стимула». Формулируется он следующим образом: «Чем сильнее вызов, тем сильнее и стимул». Как утверждает А.Дж. Тойнби, «историческое прошлое свидетельствует, что закон соотношения вызова и стимула взаимосвязан с законом компенсации, который ограничивает действие первого». К этому он добавляет: «Необходимо постоянно помнить, что социально-природная среда двойственна изначально...» [240, с. 181].

Итак, есть два социальных закона: 1) закон соотношения вызова и стимула и 2) закон компенсации. Действие одного закона ограничивает действие другого. Существование этих законов объясняется двойственностью социально-природной среды. Таким образом, методологический дуализм приводит нас к онтологическому дуализму.

Доктрина онтологического дуализма очень удобна. Существуют два параллельных мира, у каждого – свои законы. Граница между этими мирами носит условный характер. В зависимости от ситуации эту границу можно сдвинуть в ту или иную сторону. Поэтому-то онтологический дуализм следует дополнить методологическим дуализмом. Действительно, если вдруг перестает работать один закон, можно всегда сослаться на то, что действует другой закон.

Проиллюстрируем сказанное на проблеме «единства цивилизации». Так, западная цивилизация бросает сильный экономический и политический «вызов» всем остальным цивилизациям. В соответствии с «законом соотношения вызова и стимула» это должно послужить такой же силы экономическим и политическим стимулом для всего остального мира. Однако вместо «ответа» мы наблюдаем экономическую и политическую унификацию по западному образцу. Зато срабатывает «закон компенсации»: «культурная карта и поныне остается такой», поскольку культура «глубже» и «фундаментальнее» политики. Действие же одного закона переключается на действие другого с помощью третьего закона – «закона снижающих возвратов» [240, с. 187].

Далее А.Дж. Тойнби критикует принцип детерминизма, причем под огонь его критики попадает О. Шпенглер. Последнему достается за его склонность к «органицизму», уподобление цивилизаций (культур) неким единым органическим целостностям, где все части тесно взаимосвязаны. Отсюда якобы и возникает та роковая безысходность в жизни каждой из цивилизаций (культур). Эту точку зрения А.Дж. Тойнби атакует с позиций методологического индивидуализма. По его словам, цивилизации «...представляют собой основу пересечения полей активности отдельных индивидуумов, энергия которых и есть та жизненная сила, что творит историю общества». Следовательно, «догматически твердить вслед за Шпенглером, что каждому обществу предопределен срок существования, столь же глупо, как и требовать, чтобы каждая пьеса состояла из одинакового числа актов» [240, с. 305]. Раз так, то и пути у цивилизаций разные. В частности, западную

цивилизацию необязательно должна постигнуть та же участь, что цивилизации, уже сошедшие с исторической сцены. Таким образом, А.Дж. Тойнби отвергает циклическую схему истории цивилизаций в качестве универсальной модели, допуская возможность прогрессивного исторического развития [240, с. 309-310].

Однако попытку порвать с «органицизмом» нельзя назвать успешной, поскольку, объясняя рост цивилизаций, А.Дж. Тойнби невольно обращается к избитой аналогии между обществом и организмом. О росте цивилизации он говорит как о «самодетерминации целого». При этом общество подразделяется на две части: «творческое меньшинство» и «нетворческое большинство». В период роста «нетворческое большинство» посредством мимесиса перенимает опыт от «творческого меньшинства». Но когда эта «гармония» между частями целого нарушается, исчезает «самодетерминация целого» [240, с. 310-316]. Общество утрачивает «свойство самодетерминации» и распадается [240, с. 347].

Совместить методологический индивидуализм с принципом «самодетерминации целого» нам представляется невозможным, поскольку это противоречит законам логики. Не спасает в этой ситуации и методологический дуализм, даже если его помножить на бесконечность. Действительно, настаивая на сохранении культурного многообразия мира в условиях его экономической и политической «вестернизации», английский исследователь апеллирует к культурному детерминизму, что вполне согласуется с принципом «самодетерминации целого». Однако когда речь заходит о многообразии форм исторического роста цивилизаций, не сводимого к одной лишь циклической схеме с ее предопределенным трагическим концом, то подчеркивается «активность отдельных индивидов». Но при более внимательном рассмотрении этого явления оказывается, что «активность отдельных индивидов» органично встроена в принцип «самодетерминации целого», поскольку выступает в качестве функции одной из частей этого целого – «творческого меньшинства». Меньшинство творит, а большинство подражает – в этом автор концепции

усматривает функциональную «гармонию», обеспечивающую «самодетерминацию целого». Нет гармонии – нет и «самодетерминации целого», цивилизация распадается.

На наш взгляд, это означает, что А. Дж. Тойнби не удастся преодолеть исторический монизм. Как и у критикуемого им О. Шпенглера, в его цивилизационной монадологии истории есть свой «бог» – культура, о чем говорится прямо: «Культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации; в сравнении с ним экономический и тем более политический планы кажутся искусственными, несущественными, заурядными созданиями природы и движущих сил цивилизации» [240, с. 367]. В методологическом аспекте концепция А.Дж. Тойнби представляет собой странное гастрономическое блюдо из совершенно несочетаемых ингредиентов: органицизм и методологический индивидуализм, исторический индетерминизм и «самодетерминация целого», культурный детерминизм и многофакторный подход. В онтологическом и гносеологическом же аспектах данная концепция является идеалистической, следовательно, монистической.

Остановимся теперь на подходе, предложенном К. Ясперсом. В работе «Истоки истории и ее цель» он утверждает, что напрасно создавать целостные концепции исторического процесса [275, с. 198]. Однако это не останавливает немецкого ученого перед разработкой концепции «осевого времени», претендующей на целостность.

Как и А.Дж. Тойнби, К. Ясперс яростно критикует исторический монизм. По его мнению, монокаузальное понимание истории ошибочно [275, с. 199]. Вместо этого предлагается модель множественной каузальности, учитывающая «бесконечность» причинно-следственных связей [275, с. 273].

Как мы уже смогли убедиться, А.Дж. Тойнби не смог последовательно реализовать многофакторный подход. Не удалось это сделать и К. Ясперсу. Сначала «бесконечность» причинно-следственных связей сводится к двум: 1) «воля к власти» и 2) «стремление к миру» [275, с. 205-206]. Затем провозглашается единство человечества в «универсальном» [275, с. 257]. Но,

по-видимому, осознавая, что исторический монизм от признания единства человечества отделяет всего один шаг, К. Ясперс вынужден был прибегнуть к последнему оружию – метафизическому способу понимания «универсального». Последнее статично и неизменно, а потому «...не составляет действительного единства человечества. Напротив. Если же обратить взор на глубину открывающейся истины, тогда то, что составляет величие истории, обнаружится именно в особенном, а универсальное предстанет как всеобщее, остающееся внеисторическим и неизменным, как поток, который несет в своих водах действительное и правильное» [275, с. 258]. Мы опять сталкиваемся со знакомым нам по трудам О. Шпенглера и А.Дж. Тойнби неприятием диалектики общего, особенного и единичного. Единство («универсальное») – неисторично. Историчностью наделено только особенное и единичное. Поэтому особенное и единичное суть «подлинная историчность». Иначе говоря, К. Ясперс предлагает свой вариант монадологии истории. Остается только наполнить это метафизическое «единство», вокруг которого особенное и единичное кружат свои исторические «хороводы», определенным содержанием. Таковым, по мнению немецкого мыслителя, является «вера в единого Бога» [275, с. 267]. Таким образом, мы снова спотыкаемся об «монокаузальное мышление» в его идеалистическом обличье. Единство – это всего лишь идея, некая смутная и недостижимая цель. Она и есть тот стержень, вокруг которого крутится вся история. «Единое – это бесконечно далекая точка соотнесения, одновременно истоки и цель; это – единство трансцендентности» [275, с. 271].

Раз цель неясна, рассуждает К. Ясперс, значит будущее неопределенно. В то же время утверждается, что «без осознания будущего вообще не может быть философского осознания истории». Более того, «по существу, в основе нашего мировоззрения всегда лежит осознание будущего» [275, с. 155]. Здесь, как нам кажется, возникает круг в доказательстве. Действительно, будущее есть цель. Но цель неясна, следовательно, и наши представления о будущем туманны и

размыты. Как же тогда можно осознавать будущее, без чего не может быть ни философии истории, ни мировоззрения вообще?

Мысль К. Ясперса попадает в «порочный круг», из которого не в состоянии вырваться. Так, он поясняет, что «в основе нашего видения будущего должно быть научное проникновение в прошлое, а также непредубежденное постижение настоящего». Однако как возможно «непредубежденно» постигнуть настоящее, когда тут же говорится, что восприятие настоящего зависит от наших представлений о будущем? «Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как от прогнозирования будущего», – пишет К. Ясперс. Обнаруживается ли выход из создавшегося затруднительного положения, если обратиться к прошлому? Оказывается, нет, поскольку образ будущего довлеет не только над настоящим, но и над прошлым: «Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [275, с. 155].

В итоге мы имеем какие-то смутные представления о будущем. Они формируют наше видение прошлого и настоящего, откуда у нас снова возникает все тот же неясный и непонятный образ будущего. Таково «более глубокое проникновение в природу вещей», с помощью которого К.Ясперс «расправляется» с детерминизмом, исторической необходимостью и «дурными прогнозами» [275, с. 198-199]. Для нас же очевидно, что К. Ясперсу, как и О.Шпенглеру и А. Дж. Тойнби, не удалось преодолеть исторический монизм.

Не смогли справиться с этой задачей и «евразийцы». Покажем это на примере творчества наиболее глубокого из теоретиков «евразийства» – Н.Н.Алексеева. В его работах мы находим рассуждения о том, что «идеальность и материальность суть диалектические моменты целостного бытия, так же как форма и содержание, непрерывность и прерывность, единство и множество, сила и масса» [6, с. 142]. Заметим, что Н.Н. Алексеев обращается к диалектике. Но диалектика не признает рядоположенность идеального и материального. В этом она принципиально расходится с метафизическим способом понимания, что осознавали и некоторые противники

диалектики. Так, Р. Арон отмечал, что «взаимодействие становится диалектическим, когда оно вписывается в прогресс, когда антитезис в ответ на тезис, произведение в ответ на действия создателя, детерминируют присоединение к высшему термину, который связывает первые два» [14, с. 432]. Никакого прогресса бы не было, если бы одна из взаимодействующих сторон не была определяющей, первичной по отношению к другой. Н.Н.Алексеев апеллирует к целостности: «Оттого в целостности евразийской культуры, в относительном преломлении ее земного бытия материальный момент является вечным спутником идеального, который от этого не только не теряет своей ценности, но приобретает плоть и энергию, необходимую для реальной жизни и для реального исторического действия» [6, с. 142]. Однако, как можно заметить, за видимостью целостности скрывается знакомый нам из работ О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби и К. Ясперса идеалистический детерминизм: «материальный момент является вечным спутником идеального».

Итак, в ходе анализа нами было выдвинуто предположение, что дуализм и плюрализм в социальных науках и философии истории являются скрытыми формами идеалистического монизма. Изучение работ классиков философии истории это предположение полностью подтверждает.

Дуализм и плюрализм лишь уводят обществознание от познания истины. Поэтому нас не может беспокоить тот факт, что «эkleктику и дуализм из средств, препятствующих развитию общественной науки, предлагают превратить в условия ее «успешного» развития» [113, с. 390]. Серьезные теоретические заблуждения приводят к непоправимым тяжелым ошибкам на практике. «Практическая опасность любого дуалистического подхода выражается в том, – писал Г. Лукач, – что утрачиваются ориентиры деятельности» [163, с. 124]. Показательна в этом плане «либеральная политика «постепенных» реформ» [177, с. 103-104]. Таким образом, только исторический монизм может стать надежной основой и в теории, и на практике. Поэтому, несмотря на широкое распространение в современном обществознании

дуалистических и плюралистических концепций, мы вправе усомниться в их адекватности.

Дуализм (плюрализм) в социальном прогнозировании обычно ведет к тому, что в исследованиях «будущее социальной системы... описывается не как результат действия какой-либо одной («ведущей») тенденции (например, тенденции перехода от одной общественно-экономической формации к другой) или одного «ведущего» ритма (например, кондратьевских циклов), а как результат наложения и взаимодействия множества тенденций, множества ритмов развития» [198, с. 116-117]. При всей важности учета влияния на становление будущего различных факторов методологически оправданным является требование их теоретической субординации. Признание рядоположенности факторов социального развития автоматически означает равную возможность реализации любой альтернативы. В таком случае стираются различия между формальными и реальными возможностями, возможностью и действительностью: все возможное – действительно. В конечном счете исчезает перспектива будущего, оно полностью растворяется в настоящем. Наступает постмодернистский конец истории, порождающий ситуацию абсолютной неопределенности не то что некоего отдаленного будущего, на чем настаивают сторонники «теории факторов» [190], а и настоящего.

2.2. Прогностический потенциал диалектико-идеалистического и диалектико-материалистического подходов к социальному прогнозированию

Предыдущий анализ подвел нас к выводу, что только монизм может служить надежным принципом социального прогнозирования. Как выяснилось, дуализм и плюрализм суть лишь завуалированные формы идеализма. Однако

кроме идеалистической существует и материалистическая версия исторического монизма.

Заслуга разработки материалистического понимания истории принадлежит К. Марксу. По признанию Л. Альтюссера, в пространстве научной теории существуют три «необъятных континента», один из которых – «континент Истории» – открыл К. Маркс [8, с. 87]. К сожалению, структуралистское прочтение К. Маркса, предпринятое французским философом [9, с. 288-289], лишает материалистическое понимание истории собственно материалистического основания. Л. Альтюссер, изгоняя с помощью структурализма диалектику и противопоставляя «марксистский тип единства» гегелевскому, не замечает, как в его «структуралистский марксизм» просачивается довольно сомнительная идея. Для него материалистическое понимание истории не имеет ничего общего с монизмом как таковым, с учением о существовании некой единой субстанции, первоначала всего сущего. В союзе материализма и монизма он обвиняет Г.В.Плеханова. Теории же К.Маркса монизм был якобы чужд [9, с. 288].

Г.В. Плеханов действительно немало сделал для популяризации монизма как принципа исторического познания, хотя и не всегда был последователен, когда речь заходила о влиянии географического фактора на исторический процесс. И все-таки не он, а К. Маркс и Ф. Энгельс заложили основы материалистического понимания истории именно в том специфически-монистическом смысле, который категорически отрицал Л. Альтюссер. В этом можно убедиться, обратившись к известной совместной работе классиков марксизма «Немецкая идеология». Из нее ясно, что именно производство необходимых жизненных средств есть то исходное отношение человека к природе, которое обусловлено его телесной организацией. Еще нет никакой «структуры», нет никакой «тотальности», но материальные потребности уже даны как функциональный аспект телесной организации человека. И все же речь идет о предпосылке человеческой истории, но не о ее начале, субстанции. Действительно, ведь телесная организация вместе с ее потребностями есть и у

животных, у которых, как известно, никакой истории нет. Поэтому только факт производственной деятельности можно рассматривать как первоначальный исторический акт, как субстанцию «всякой человеческой истории» [170, т. 3, с. 19].

Очевидно, возникает вопрос о том, какое из монистических направлений в социальном познании – идеализм или материализм – обладает большим прогностическим потенциалом. Для сравнения социальных теорий, основывающихся соответственно на принципах идеалистического и материалистического монизма, воспользуемся концепцией фальсификационизма К. Поппера. Как известно, последний предлагал подвергать теории дедуктивной проверке. Среди возможных способов дедуктивной проверки он выделял следующие: 1) тест на внутреннюю непротиворечивость; 2) тест на эмпиричность/тавтологичность; 3) тест на прогрессивность; 4) тест на «предсказания». Приоритет отдавался тесту на «предсказания». Суть его состоит в том, что выводимые из теории «сингулярные высказывания» (логические следствия) соотносят с эмпирическими данными. Однако полностью верифицировать (подтвердить) научную теорию крайне проблематично, поскольку необходимо бесконечно «подкреплять» ее эмпирическими данными. Напротив, достаточно одного факта, противоречащего какому-либо теоретическому «предсказанию», т.е. его фальсифицирующего, чтобы поставить всю теорию под сомнение. Именно поэтому К. Поппер предпочел принцип фальсификации принципу верификации [205, с. 29-30].

Правда, от сомнения до признания теории фальсифицированной, что нельзя путать с принципиальной фальсифицируемостью любой научной теории, пролегает определенная дистанция. «...Мы знаем, – пишет К. Поппер, – что невоспроизводимые отдельные события не имеют значения для науки. Поэтому несколько случайных базисных высказываний, противоречащих теории, едва ли заставят нас отвергнуть ее как фальсифицированную» [205, с. 78-79]. Исходя из этого, известный методолог предлагает следующее решение:

«Мы будем считать ее фальсифицированной только в том случае, если нам удастся открыть *воспроизводимый эффект*, опровергающий теорию. Другими словами, мы признаем фальсификацию только тогда, когда выдвинута и подкреплена эмпирическая гипотеза низкого уровня универсальности, описывающая такой эффект. Подобные гипотезы можно назвать *фальсифицирующими гипотезами*» [205, с. 79].

Казалось бы, такой метод проверки теорий можно упрекнуть в позитивистской предвзятости, односторонности, в том, что он игнорирует специфику социального познания. Действительно, трудно не согласиться с тем, что характерной чертой позитивизма является его естественнонаучный уклон (натурализм). Другой же крайностью нам представляется неокантианская попытка противопоставить «науки о духе» «наукам о природе». Если в позитивизме «природа» изгоняет «дух» из науки, то в неокантианстве «дух» изгонят науку. На наш взгляд, стремление преобразовать социальные науки в «социальную физику» столь же пагубно для них, как и желание превратить их в искусство. Общие критерии научности должны соблюдаться как в естествознании, так и в обществознании. При этом нужно осознавать, что социальная реальность есть реальность особого рода, высшая реальность. Концепция фальсификационизма высказанным требованиям не противоречит.

Любая научная теория, согласно К. Попперу, представляет собой систему что-либо запрещающих универсальных высказываний. Последние суть научные законы. Неокантианцы и их последователи обычно утверждают, что не существует никаких законов истории, а поэтому нельзя к историческому познанию подходить с критериями наук о природе. Однако, как убедительно показал К. Гемпель [78], любое историческое объяснение возможно только тогда, когда оно предполагает наличие некоего закона (универсального высказывания). Иллюзия отсутствия каких-либо законов возникает из-за того, что многие исторические объяснения представляют собой «скетчи», из которых выпадают формулировки самих законов. Полная же логическая форма

объяснения требует экспликации этих законов, к чему историки прибегают крайне редко.

Важным также является замечание К. Гемпеля о том, что логическая структура научного объяснения ничем не отличается от таковой в случае научного предсказания (прогноза). Иначе говоря, между научным объяснением и предсказанием существует «логическая симметрия» [35, с. 46], поскольку любое научное объяснение есть «предсказание» задним числом, тогда как любое научное предсказание есть «объяснение», апеллирующее к законам науки.

Применительно к оценке прогностического потенциала сравниваемых теорий исторического процесса мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, научная теория исторического процесса должна устанавливать законы истории. Во-вторых, с помощью этих законов научная теория должна объяснять и прогнозировать исторические события или процессы. В-третьих, опровержение исторических прогнозов фальсифицирует научную теорию. Данные выводы позволяют нам конкретизировать само понятие исторического прогноза. Под историческим прогнозом в данном случае понимается высказывание о будущих исторических явлениях, которое: (а) имеет под собой теоретическое обоснование, т.е. с логической необходимостью вытекает из научных законов; (б) фальсифицируемо в принципе.

Обратим внимание на условие (а). Дело в том, что не все исследователи считают взаимосвязанными прогноз и объяснение. «Достаточно сказать, — пишет М. Блауг, — что прогноз, даже если он сделан на основе высокосистематизированной и тщательно аксиоматизированной теории, не обязательно подразумевает наличие объяснения» [35, с. 49]. Между тем М. Блауг разделяет тезис логической симметрии научного объяснения и предсказания. Будучи сторонником «модели научного объяснения через покрывающие законы» К. Гемпеля, он критически относится к тем исследованиям, в которых даются объяснения без прогнозов. В таком случае, утверждает известный методолог, нам «определенно пытаются подsunуть «кота

в мешке»» [35, с. 53]. Другими словами, отсутствие прогноза ставит под вопрос научность данного объяснения как такового. Однако если столь резкая оценка справедлива по отношению к объяснению без прогноза, то тезис логической симметрии обязывает нас не менее критично относиться и к прогнозам без объяснения. Именно поэтому одним из существенных признаков научного прогноза в предлагаемом нами определении является его теоретическое обоснование.

Для решения поставленной задачи требуется сравнить такие исследования, которые были бы наиболее репрезентативными соответственно для идеалистического и материалистического направлений социально-философской мысли. На наш взгляд, на эту роль могут претендовать труды Г.В.Ф. Гегеля и К.Маркса. Действительно, трудно найти более последовательного идеалиста, чем Гегель [132, с. 141]. Усомниться же в материалистичности материалистического понимания истории Маркса – значит поддаться на постмодернистскую провокацию Ж. Бодрийяра, назвавшего тезис о первичности материальных потребностей догмой «идеалистической антропологии» [37, с. 137]. В пользу выбора для сравнительного анализа теорий упомянутых авторов говорит и тот факт, что оба мыслителя использовали диалектический метод. Поскольку метод как фактор, влияющий на результаты прогнозирования, один и тот же, то это дает нам полное право связать с материалистическим или идеалистическим мировоззрением превосходство в прогностической силе той или иной теории.

Философия истории Гегеля изложена в его курсе лекций под одноименным названием. Общие же положения материалистической философии истории Маркса содержатся в его известном Предисловии к «Критике политической экономии» [170, т. 13, с. 6-8]. Однако в развернутом виде Марксова историософская концепция представлена в «Капитале». На первый взгляд такое заявление покажется очень странным, поскольку главный труд классика марксизма посвящен политэкономическому анализу капиталистического способа производства. Действительно, это так, если

исходить из основного замысла произведения. Но при реализации великого замысла автором подспудно решалась и другая немаловажная задача – завершить построение и апробировать материалистическую концепцию исторического процесса.

Сравнивая же «Философию истории» Гегеля и «Капитал» Маркса, уже в первом приближении нельзя не заметить разительный методологический контраст двух произведений, что не может не удивлять, поскольку оба автора – диалектики. В «Капитале» исторический аспект изучения предмета подчинен логическому [55, с. 360]. Общая же характеристика «Философии истории» – описательность. Читатель, знакомый с гегелевской «Наукой логики», испытывает полное недоумение, когда в надежде увидеть, как эта «наука» работает применительно к такому сложному предмету, каким является история, вдруг обнаруживает нелепую подгонку исторических фактов, часто искаженных, превратно истолкованных, под априорно заданную историческую схему. Вместо развертывающейся с логической необходимостью системы строгих исторических категорий мы встречаем избирательное извлечение исторических сюжетов с одной лишь целью – доказать, что целью исторического развития человечества является величие германского мира, в котором только и обретает полную свободу дух. На этом история заканчивается.

Гегель исходит из того, что всемирная история «совершается в духовной сфере», поэтому «...субстанциальным является дух и ход его развития», причем «...субстанцией, сущностью духа, является свобода» [76, с. 70]. Интересно, как Гегель определяет свободу. По его мнению, это «...есть у себя бытие». Дух свободен, поскольку его бытие не нуждается в каких-либо внешних условиях. Но что такое это «у себя бытие», определяющее негативную свободу духа? «Это у себя бытие духа есть самосознание, сознание самого себя» [76, с. 71]. В развернутом виде свой взгляд на всемирную историю Гегель формулирует следующим образом: «После этого отвлеченного определения можно сказать о всемирной истории, что она является обнаружением духа в том виде, как он

вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю» [76, с. 71].

Зафиксируем исходные положения гегелевской философии истории: (1) свобода есть субстанция духа; (2) дух есть субстанция всемирной истории; (3) всемирная история есть процесс самосознания духа; (4) самосознание духа есть свобода. В итоге мы получаем тавтологию: свобода есть свобода. Таким образом, философия истории Гегеля представляет собой тавтологическую систему спекулятивных суждений о всемирной истории, выстраиваемых вокруг неопределяемого понятия свободы. Выражаясь языком Гегеля, его философия истории есть «у себя бытие», т.е. такое знание, которое свободно от соприкосновения с реальной исторической действительностью, от каких-либо исторических условностей. Только так можно достичь того, чтобы полученное знание соответствовало замкнутому в себе «духу» автора.

Итак, гегелевская философия истории не имеет эмпирических предпосылок, на что указывает ее тавтологичность. Попутно заметим, что этот недостаток, т.е. отсутствие предпосылок, характерен и для системы диалектической логики, как она представлена в «Науке логики» [55, с. 67].

Маркс, как известно из «Немецкой идеологии», эмпирические предпосылки истории выделяет. К ним относятся «телесная организация» и обусловленное ею отношение человека к природе. В «Капитале» предметом исследования является не всемирная история вообще, а капиталистический способ производства. Поэтому в качестве предпосылки здесь не может выступать «телесная организация» человека или отношение человека к природе, поскольку в таком случае игнорировалась бы диалектика всеобщего, особенного и единичного. Как у отдельной стадии всемирной истории, у капитализма есть особенная предпосылка. Как у прогрессивной по отношению ко всем предшествующим стадиям исторического развития, у капитализма есть такая особенная предпосылка, которая в то же время уникальна, специфична, предопределяет только историю капитализма и никакой другой этап всемирной

истории. Такой предпосылкой выступает товар. Проглядываются ли за данной предпосылкой отношение человека к природе, его «телесная организация»? Последняя есть предпосылка экономики вообще, тогда как товар – предпосылка капиталистической экономики в частности. Следовательно, да, проглядывается. В «Капитале», таким образом, Маркс развивает и углубляет материалистическое понимание истории.

По Гегелю, «всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [76, с. 72]. Восточные народы знали, что свободен только один человек – тиран, деспот; древние греки и римляне знали, что свободны некоторые – граждане, но не рабы; лишь германские народы достигли такого уровня сознания свободы, когда свободным стал восприниматься любой человек без исключения, человек вообще. Соответственно всемирная история делится на три прогрессивнее стадии развития духа – (1) восточный мир, (2) греческий и римский миры, (3) германский мир [76, с. 71-72].

Само это всемирно-историческое движение в сфере духа вызвано противоречием двух диалектических моментов: (1) всеобщей «идеи» («субстанциальной» свободы) и (2) человеческих «страстей» («субъективной» свободы). Это противоречие «снимается» в их «конкретном» синтезе, каковым выступает «нравственная свобода государства» [76, с. 76]. В «нравственной свободе государства» обретается единство «субстанциальной» и «субъективной» свободы духа [76, с. 148].

Гегель особо подчеркивает, что «духовный мир есть субстанциальный мир», тогда как «физический мир» является «не истинным», поскольку подчинен первому [76, с. 72]. Маркс в упомянутом Предисловии к «Критике политической экономии», напротив, утверждает, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [170, т. 13, с. 7]. «Не истинным», следовательно, является историческое движение в сфере духа,

поскольку субстанциальными по отношению к последнему выступают изменения в материальной сфере: «...сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [170, т. 13, с.7]. Поэтому Маркс выводит противоположные гегелевским критерии прогресса, иначе определяет стадии всемирной истории. «В общих чертах, – пишет он в том же Предисловии, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [170, т. 13, с. 7]. В качестве главного критерия различения «прогрессивных эпох» выделяется уровень развития производительных сил. От степени их зрелости зависит, в конечном счете, переход от одной стадии исторического развития к другой. Если у Гегеля с восходом «внутреннего солнца свободы» над германским миром история заканчивается, то у Маркса с закатом «буржуазной общественной формации» заканчивается лишь «предыстория» [170, т. 13, с. 8], тогда как история только начинается. Эта мысль, пунктирно обозначенная Марксом в Предисловии к «Критике политической экономии», получила дальнейшее развитие в «Капитале».

«Механизм» прогресса мирового духа у Гегеля неясен. Дело в том, что невозможно научно объяснить движение духа, а также отсутствие сознания свободы у одних народов, и, напротив, высокий уровень сознания свободы у других, исходя лишь из посылки бытия духа у самого себя, т.е. эмпирически непроверяемого суждения. И надо заметить, что Гегель, хотя и признан наиболее последовательным идеалистом, не смог удержаться от того, чтобы не подкрепить свою историософскую концепцию аргументами, нарушающими принцип монизма. Так, пытаясь растолковать, почему славянские народы не приняли реформации, «все преобразующее солнце» которой возшло над германскими народами, он предлагает совершенно неуместное (с точки зрения идеализма) материалистическое объяснение: «*Славянские нации занимались земледелием*. Но благодаря этому занятию возникает такое отношение, при

котором существуют господа и холопы. В земледелии главную роль играет деятельность природы; человеческая деловитость и субъективная активность в общем менее применяются при этом труде. Поэтому у славян медленнее и труднее развилось основное чувство субъективной самостоятельности, сознание всеобщего, то, что мы прежде называли государственностью, и они не могли стать причастными к зарождавшейся свободе» [76, с. 426]. Концепция Гегеля, таким образом, теряет внутреннюю согласованность. Наконец, о какой-либо логической последовательности приходится вообще забыть, когда речь заходит о роли фактора «крови» в распространении реформации. Распространению последней способствует «цельность духа», а этим свойством характера обладает только германская нация. Что касается романских народов, то этого качества они определенно лишены, поскольку как народы они образовались в результате смешения римской и германской «крови» [76, с. 427].

Какова же прогностическая сила гегелевской философии истории? Даже если бы Гегель не прибегнул к «материалистическим» аргументам, чтобы доказать историческое превосходство германского мира над всеми остальными, имеющаяся в его концепции методологическая установка на конец истории лишает ее способности прогнозировать исторический процесс. Провозглашение же прусской монархии в качестве вершины всемирно-исторического развития и идеала свободного государственного строя иначе как курьезом не назовешь.

В отличие от историософской концепции Гегеля «механизм» Марксова «Капитала» прозрачен и понятен. Как уже отмечалось, исторический аспект в исследовании здесь подчинен логическому. Собственно логика «Капитала», т.е. метод, будет нами рассмотрена в следующей главе. Здесь же нас интересует воплощение в исследовании материалистического понимания истории и его результаты.

Маркс начинает анализ с товара как не только логической, но и исторической предпосылки капиталистического способа производства. Это значит, что товарное производство существовало и до капитализма, хотя и в

неразвитой форме. Более того, вскрывая присущий капиталистическому обществу товарный фетишизм, Маркс делает экскурс в историю с целью продемонстрировать преходящий характер товарного производства вообще, а не только его наиболее развитой – капиталистической – формы. Это дает возможность проследить, как сначала отношения личной зависимости вырастают из непосредственно общественного производства первобытного общества, постепенно вытесняя и подчиняя элементы последнего; как затем по мере роста товарного производства отношения личной зависимости (внеэкономического принуждения) сменяются отношениями экономической зависимости; наконец, как «самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного общества» [170, т. 23, с. 92], каковой является форма товара, превращается в капитал. И все это лишь прогрессивные стадии «предыстории», «царства необходимости». Здесь нет места «солнцу внутренней свободы», как наивно полагал Гегель, зато есть серьезные внутренние противоречия, которые толкают человечество вперед по пути прогресса. Эти противоречия имеют материальную природу, возникают в сфере материального производства. Следовательно, и историческое развитие возможно постольку, поскольку «снимаются» материальные противоречия. Капиталистический способ производства доводит указанные противоречия до исторического предела в том смысле, что их диалектическое снятие означает не просто еще один шаг в темном лабиринте «царства необходимости», а выход из него в «царство свободы». Только тогда человечество наконец-то избавится от терзавших его всю «предысторию» форм отчуждения, фетишизма и эксплуатации. Такова логика истории с материалистической точки зрения.

Критики Марксовой концепции истории часто соглашались с его оценкой общего хода исторического развития человечества и индустриальной стадии капитализма. Однако в упрек Марксу ставится то, что он серьезно ошибся в прогнозах относительно будущего капитализма. Ошибочные прогнозы бросают тень на открытые классиком законы истории вплоть до их полного отрицания.

Так ли это? Обратимся к рассмотрению этих законов и сделанных на их основе прогнозов.

Пожалуй, центральным пунктом в материалистическом понимании истории выступает закон прогрессивной смены общественно-экономических формаций (способов производства). С точки зрения критики «историцизма» данный «закон» в лучшем случае можно сформулировать как тенденцию примерно таким образом: «Существует тенденция прогрессивной смены общественно-экономических формаций». Как подчеркивал К. Поппер, тенденция есть экзистенциальное суждение, которое нельзя опровергнуть, тогда как закон – универсальное суждение, попадающее под действие принципа фальсификации [204, с. 34]. Поэтому напрашивается вывод, что формационная теория Маркса никакого исторического закона не формулирует, следовательно, научной не является. Думается, что это не так. Формально-логическое решение этой надуманной, как нам кажется, проблемы представляется очень простым: экзистенциальное суждение переформулируется в универсальное. Прделав указанную операцию, получаем такое высказывание: «Все общественно-экономические формации прогрессивно сменяют друг друга». Обратим внимание на то, что К. Поппера особо не интересовал вопрос, как, т.е. с помощью какого метода, исследователь получает то или иное универсальное высказывание. Для него главное, чтобы его можно было сфальсифицировать. Именно поэтому так важен прогноз. Формационная теория позволяет сделать прогноз, согласно которому на смену капитализму придет более прогрессивная общественно-экономическая формация. Следовательно, фальсифицирующим закон смены общественно-экономических формаций можно считать утверждение, что нет ни одной более прогрессивной общественно-экономической формации, которая бы могла прийти на смену капитализму. Таким образом, формационная теория является научной.

Однако научность формационной теории вовсе еще не означает, что ее прогноз не опровергнут. Казалось бы, исторический опыт СССР заставляет нас признать данную теорию сфальсифицированной. Против этого мнения

напрашиваются два суждения: во-первых, вопрос о том, был ли общественный строй в СССР более прогрессивным по отношению к капитализму, остается дискуссионным [224, с. 501]; во-вторых, как следует из концепции фальсификационизма К.Поппера, единственный случай, опровергающий теорию, нельзя считать репрезентативным, т.е. достаточным для того, чтобы отклонить теорию как сфальсифицированную¹. Сказанное позволяет сделать вывод, что закон прогрессивной смены общественно-экономических формаций не опровергнут.

Итак, фальсифицирующие закон прогрессивной смены общественно-экономической формации гипотезы пока ничем не подкреплены. Раз так, то у нас есть основания полагать, что упомянутый закон прошел тест на истинность.

Действие закона прогрессивной смены общественно-экономической формации объясняется другим законом истории – законом соответствия производственных отношений производительным силам. В известном Предисловии «К критике политической экономии» данный закон сформулирован следующим образом: производственные отношения «...соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [170, т. 13, с. 6]. Переформулировав его так, как того требует концепция фальсификационизма К. Поппера, получаем такое утверждение: «Во всех обществах производственные отношения соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил». Будучи универсальным высказыванием, оно отрицает существование такого общества, в котором бы производственные отношения не соответствовали определенной ступени развития их материальных производительных сил. Следовательно, фальсифицирующей гипотезой является суждение, что есть общество, в котором производственные отношения не соответствуют их материальным производительным силам.

¹ Совершенно независимо от концепции фальсификационизма на то обстоятельство, что неудачный исторический прецедент, каким был опыт построения социализма в СССР, не может служить опровержением закона прогрессивной смены общественно-экономических формаций, указывают отечественные исследователи А.В. Бузгалин, В.А. Вазюлин, С.А. Мусаелян [См.: 45, с. 139-140; 54, с. 96-97; 182, с. 369].

В истории человечества мы не найдем примера, когда бы феодальные отношения развивались на основе производительных сил рабовладельческого общества, а капиталистические – на основе производительных сил феодального общества. На это можно возразить, указав на существование тех или иных форм производственных отношений, не характерных для определенной общественно-экономической формации. Действительно, в средневековой Европе, где царил феодализм, в городах параллельно развивались буржуазные отношения, а мировой капитализм, как продемонстрировали представители школы мир-системного анализа Ф.Бродель [40, с. 259-273; 41, с. 57, 257, 439, 459], И.Валлерстайн [59, с. 38; 60, с. 36], Б. Кагарлицкий [137, с. 183-203] и другие, в свое время подтолкнул Восточную Европу ко «второму изданию крепостничества», создал благоприятные условия для расцвета рабства в Америке. Рудименты рабства, «азиатского» способа производства, феодализма можно обнаружить и в современном мире. Однако все эти фрагментарные производственные отношения соответствуют столь же фрагментарным производительным силам. Другими словами, все эти примеры свидетельствуют лишь о многоукладности известных общественно-экономических формаций. С другой стороны, попытки искусственно установить, внедрить, распространить и развить более прогрессивные формы производственных отношений на основе менее прогрессивных производительных сил в любом обществе обречены на исторический провал. Именно так, например, интерпретирует историческую драму советской истории А.В. Бузгалин: строительство социализма в СССР на неадекватном (отсталом) технологическом укладе оказалось «забеганием вперед», породившем «мутантный социализм», а потому «тупиковой» ветвью всемирной истории [49, с. 287-288, 296, 560-565]. Схожую позицию по данному вопросу занимают В.А.Вазюлин [56] и И.А. Гобозов [89, с. 18]. Таким образом, XX век дает нам надежное подкрепление закона соответствия производственных отношений производительным силам в виде подтвердившегося прогноза.

В свою очередь развитие производительных сил определяется законом возрастания материальных потребностей, суть которого Маркс раскрыл в «Немецкой идеологии»: «...Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям...» [170, т. 3, с. 27]. Закон сформулирован достаточно ясно и корректно даже по меркам придирчивого позитивиста. Подкрепить же его эмпирическими фактами в эпоху «общества потребления» не составляет труда. Наконец, объяснение этому закону мы находим в «телесной организации» человека. Так мы возвращаемся к самой предпосылке материалистического понимания истории, к его основам.

Резюмируем результаты сравнительного анализа идеалистической философии истории Гегеля и материалистического понимания истории Маркса в соответствии с дедуктивной моделью проверки теорий, предложенной К.Поппером. Историософская концепция истории Гегеля не выдержала испытания ни по одному из четырех тестов (на внутреннюю непротиворечивость, эмпиричность/тавтологичность, прогрессивность, способность давать «предсказания»). Напротив, материалистическое понимание истории является теорией (1) внутренне непротиворечивой, (2) эмпиричной, (3) прогрессивной, (4) «предсказывающей». Это позволяет нам категорически не согласиться с аттестацией К. Поппером «соединения диалектики и материализма» как варианта «даже худшего», чем «диалектический идеализм» [206, с. 546].

Английскому историку Э. Карру приписывают красивое высказывание о том, что «в битве под Сталинградом сошлись в смертельной схватке две школы гегелевской философии» [199, с. 7]. За этой, казалось бы, всего лишь фигурой речи скрывается, как нам кажется, глубокий философский смысл: как Красная Армия в том великом сражении взяла верх над сильнейшим и опаснейшим врагом, каким был тогда германский вермахт, тем самым совершив перелом в войне, так и диалектика Маркса превзошла диалектику Гегеля, навсегда перехватив у нее историческую инициативу. По справедливому замечанию

Э.В.Ильенкова, «величие Гегеля, как и его ограниченность, целиком определяется тем, что он исчерпал возможность разработки диалектики на базе идеализма, в рамках тех аксиом, которые идеализм навязывает научному мышлению» [132, с. 150]. Познавательную силу гегелевской диалектике придает сам метод. В нем кроется опасность для всякого метафизического миропонимания. Серьезно же ослабляет этот метод, делает его малоприменимым для целей научного познания собственно «гегельянщина», идеализм гегелевской философии. «Идеализм, обуславливая смешение процессов мышления с отраженным предметом, ведет к отрицанию диалектики предмета и путей ее раскрытия или к их извращению», – так оценивал перспективы тандема идеализма и диалектики А.А. Зиновьев [123, с. 47]. Вместе с тем трудно не согласиться с мыслью В.Ф. Асмуса, что «философия истории Гегеля во многих своих утверждениях полна «предчувствия» правильного решения вопроса, но не доходит до него» [18, с. 69]. Открытие Марксом материалистического понимания истории показало, что «предчувствие» не было напрасным. Философия Маркса поставила метод Гегеля на адекватную для него материалистическую основу, тем самым вознес диалектику на новую высоту эвристических и прогностических возможностей.

2.3. Дискуссионные социальные прогнозы «Капитала» К. Маркса

Содержащиеся в «Капитале» К. Маркса социальные прогнозы не раз становились предметом научной критики. Пожалуй, наибольшей критике был подвергнут выводимый из «всеобщего закона капиталистического накопления» прогноз, согласно которому в капиталистическом обществе будет расти бедность. Споры относительно его достоверности не утихают и сегодня. Часть исследователей считает данный прогноз исторически опровергнутым [152, с. 26; 189, с. 93-94]. Однако в общественном сознании сегодня высказываются и прямо противоположные суждения [23, с. 21; 219, с. 368; 255, с. 160]. Любопытно, что

правоту К. Маркса иногда косвенно признают и те деятели, чьи интересы, казалось бы, в первую очередь должны задевать выводы из «всеобщего закона капиталистического накопления» [233, с. 142-143].

Впрочем, речь идет все-таки об относительном обнищании. А как же быть с абсолютным? «Я думаю, – заявляет И. Валлерстайн, – Маркс оказался прав в одном из самых скандальных своих прогнозов, от которого впоследствии открестились сами марксисты. Эволюция капитализма как исторической системы действительно ведет к поляризации и к *абсолютному*, а не только *относительному* обнищанию большинства» [59, с. 42]. Другой представитель мир-системного анализа – С. Амин – не только соглашается с известным прогнозом К. Маркса, но и приводит свои собственные оценки изменения уровня бедности в мире: «Главная общественная трансформация, характерная для продолжительного периода во второй половине XX века, может быть описана следующим наводящим на размышления показателем: *пропорция масс трудящихся, находящихся в рискованной ситуации, выросла с показателя менее 1/4 до более чем 1/2 глобального городского населения; этот феномен обнищания проявился в значительных масштабах и в самых развитых центрах*» [11, с. 55].

Но если обратиться к официальной международной статистике, то выяснится, что в мире в целом уровень бедности постепенно снижается, причем это происходит не за счет показателей в развитых странах, где пауперизм почти равен нулю, а за счет роста благосостояния населения в странах развивающихся. В то же время возрастает разрыв между богатыми и бедными странами [108, с. 40-43]. Выходит, «всеобщий закон капиталистического накопления» верен лишь в той части, в которой говорится об относительном обнищании. Тезис же об абсолютном обнищании следует признать исторически опровергнутым.

Для того чтобы судить о том, опровергнут ли данный закон дальнейшим ходом истории или нет, думается, нужно исходить из правильного понимания логики «Капитала».

Однако логику «Капитала» невозможно понять без «Науки логики» Гегеля, на что справедливо указывал еще В.И. Ленин. Общая логика диалектики дана именно в этом бессмертном труде великого немецкого идеалиста, по отношению к которой логика «Капитала» является особенной. Хотя, как блестяще показал в своем сравнительном исследовании В.А.Вазюлин, логика «Капитала» есть не просто нечто особенное в сравнении с «Наукой логики», а диалектическое «снятие» последней, т.е. углубление и прояснение ее, наполнение конкретным содержанием [55, с. 79], тем не менее в полном, развернутом виде диалектическая логика по сей день представлена лишь в этом гениальном произведении классика немецкой философии [203, с. 4; 232, с. 28]. Отсюда следует, что, реконструируя логику «Капитала», мы всегда должны иметь в виду ее основания, лежащие в «Науке логики», постоянно обращаться к ним для уточнения подлинного логического смысла тех или иных разделов фундаментального труда К. Маркса. В то же время мы ни на миг не должны забывать о связанных с этим рисках подмены марксизма гегельянством. О том, что такие риски очень велики, свидетельствуют реверансы лишь в сторону диалектики Гегеля некоторых видных отечественных методологов.

Как могут при этом различаться позиции по ключевым теоретико-методологическим вопросам марксистов и гегельянцев, показывает, например, дискуссия между В.Я. Ельмеевым и И.К. Смирновым, предметом которой было понимание закона с точки зрения диалектики. Так, И.К. Смирнов, ссылаясь на «Науку логики», замечает, что категория закона относится к сфере сущности, следовательно, нет никаких законов бытия [227]. С данным тезисом справедливо не соглашается его оппонент, по словам которого «определение понятия закона следует начинать с того, что оно отражает в сфере бытия» [114]. Данная контрверза обретает конкретные политэкономические черты, когда речь заходит о том, что считать основным законом капиталистического способа производства («всеобщего товарного производства»). И.К. Смирнов в качестве такового называет закон стоимости. Однако хорошо известно, что закон стоимости – это основной закон простого товарного производства. Этот закон

раскрывается К. Марксом в первом отделе «Капитала», соответствующем с точки зрения диалектической логики сфере *бытия*. Таким образом, исключая категорию закона вообще из сферы *бытия*, И.К. Смирнов вытесняет закон стоимости в сферу *сущности* капиталистического способа производства, что противоречит логике «Капитала».

В логическом аспекте система изложения диалектических категорий в «Науке логики» не может полностью совпадать с системой изложения политэкономических категорий в «Капитале» по той простой причине, что они имеют разные предметы. Предмет «Капитала» конкретен, а предмет «Науки логики» – абстрактен, а потому логическая схема Гегеля служит лишь *формальным основанием* для субординации политэкономических категорий Маркса. Вот почему, например, правомерно ставить вопрос о *законах* уже на уровне исследования товарного обращения, хотя в логическом аспекте последнее есть сфера *бытия*, а не сфера *явления*, где категория *закона* и обретает место с точки зрения «Науки логики»².

Сказанное означает, что догматическая приверженность «Науке логики» имеет серьезные последствия не только для политэкономии, но и для диалектики, ведь, как точно замечает В.Я. Ельмеев, «существуют законы, которые выражают движение качества и количества» [114]. Действительно, категории качества и количества суть категории сферы *бытия*. Если же нет никаких законов в сфере *бытия*, то и нет диалектического закона взаимного перехода качества и количества. Но в таком случае сам логический переход из сферы *бытия* в сферу *сущности* оказывается случайным, что недопустимо с точки зрения диалектики.

Возвращаясь к закону «всеобщего капиталистического накопления», заметим, что оценка достоверности вытекающего из него прогноза зависит от определения его логического статуса в системе категорий «Капитала» К.Маркса.

² И.К. Смирнов не совсем точен, когда утверждает, апеллируя к «Науке логики», что закон есть категория сферы сущности. Гегель выводит категорию закона лишь в сфере явления.

«*Сущность определяет самое себя как основание*», – читаем мы в «Науке логики» [77, с. 401]. Основанием прибавочной стоимости выступает производственный процесс. Товар, как известно, имеет потребительную стоимость и меновую стоимость. Соответственно производственный процесс можно рассматривать с двух сторон. Первая сторона – процесс труда, создающего потребительную стоимость. Это *абсолютное основание*. Вторая сторона – процесс труда, создающего стоимость. Это *определенное основание*. Однако сам труд, создающий стоимость, есть лишь *формальное основание* производства капитала, поскольку единство процесса труда и образования стоимости представляет собой лишь простое товарное производство. *Реальным основанием* служит процесс увеличения стоимости. «Если мы сравним теперь процесс образования стоимости и процесс увеличения стоимости, – пишет К.Маркс, – то окажется, что процесс увеличения стоимости есть не что иное, как процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта» [170, т. 23, с. 206]. Однако физически «процесс образования стоимости, продолженный далее известного пункта» неотделим от процесса труда. Таким образом, только единство «процесса образования стоимости, продолженного далее известного пункта» и процесса труда есть *полное основание* капиталистического производства. «Как единство процесса труда и процесса образования стоимости, – разъясняет автор «Капитала», – производственный процесс есть процесс производства товаров; как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, он есть капиталистический процесс производства, капиталистическая форма товарного производства» [170, т. 23, с.208].

Двойственный характер труда при этом не исчезает, а сохраняется в *снятом* виде в самом капитале. К. Маркс делит капитал на постоянный и переменный. В.А. Вазюлин определяет постоянный и переменный капитал в логическом аспекте как *видимость* [55, с. 273]. С нашей точки зрения, здесь исследование в логическом аспекте уже выходит на уровень *условия*. Последнее «...составляет *предпосылку* основания» [77, с. 426]. Действительно, постоянный

капитал постоянен потому, что стоимость его не может самовозрастать, т.е. он не может создавать новую стоимость. Если перевести сказанное на язык гегелевской «Науки логики», то можно сказать, что постоянный капитал «имеет свое *тождество* с собой ... и потому составляет *материал* для основания» [77, с. 426]. Следовательно, постоянный капитал есть лишь *относительно необустроенное*, или *относительное основание*. «Напротив, – пишет К. Маркс, – та часть капитала, которая превращена в рабочую силу, в процессе производства изменяет свою стоимость. Она воспроизводит свой собственный эквивалент и сверх того избыток, прибавочную стоимость, которая, в свою очередь, может изменяться, быть больше или меньше. Из постоянной величины эта часть капитала непрерывно превращается в переменную. Поэтому я называю ее переменной частью капитала, или, короче, переменным капиталом» [170, т. 23, с. 220]. Происходит же это в силу двойственного характера труда: «В одно и то же время труд, в силу одного своего свойства, должен создавать стоимость, а в силу другого свойства должен сохранять или переносить стоимость» [170, т. 23, с. 210]. Первое свойство труда – его абстрактность; второе свойство труда – его конкретность. «Отсюда двойственность результата труда, совершаемого в одно и то же время», – заключает автор «Капитала» [170, т. 23, с. 212]. Рабочая сила как способность к труду, таким образом, есть *абсолютно необустроенное*, или *абсолютное основание* капитала.

Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости можно отразить в гегелевской категории *суть дела*. Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости есть *суть* капиталистического производства. Затем прибавочная стоимость превращается в капитал, что означает в логическом аспекте *переход сути в существование* [77, с. 431]. Далее К. Маркс раскрывает так называемый «всеобщий закон капиталистического накопления» [170, т. 23, с. 655]. С нашей точки зрения, данный закон есть закон *перехода сути в существование*. Согласно же В.А.Вазюлину, всеобщий закон капиталистического накопления следует

рассматривать как *полное основание* сущности [55, с. 309]. Аргументируем нашу позицию.

Всеобщий закон капиталистического накопления гласит, что рост капитала ведет к росту бедности. Однако это означает, что всеобщий закон капиталистического накопления в своем основании имеет закон прибавочной стоимости. Действительно, капиталистическое накопление возможно только потому, что возможно производить прибавочную стоимость. Последняя же производится тогда, когда деньги встречают специфический товар – рабочую силу. В логическом аспекте такая ситуация возникает в момент перехода из сферы *бытия* в сферу *сущности* капиталистического способа производства. Но сама прибавочная стоимость возникает не в момент этой встречи в сфере *бытия* (сфере обращения), а непосредственно в сфере *сущности* (сфере производства), когда потребляется потребительная стоимость рабочей силы. Всеобщий же закон капиталистического накопления вступает в силу уже по завершению этого процесса, в момент перехода из сферы *сущности* в сферу *явления*. Бедность есть следствие, а не *полное основание* капиталистического накопления.

Почему же тогда К. Маркс называет данный закон «всеобщим» да еще и «абсолютным»? Всеобщим его нужно считать постольку, поскольку он выходит за рамки экономической сферы, захватывая сферу собственно социальную. Нельзя забывать, что политическая экономия потому и политическая, что она рассматривает экономические проблемы в тесной связи с проблемами социальными, а не абстрагируется от них, как, например, экономикс [107, с.215]. Чтобы понять такие явления, как социальное неравенство, бедность и классовая борьба, недостаточно исследовать лишь процессы, наблюдаемые на уровне «надстройки» общества. Всеобщий закон капиталистического накопления оказывает колоссальное влияние на последнюю, но само это влияние проистекает из экономической сферы – «базиса» общества.

Абсолютный же этот закон в том смысле, что он есть единство условия и основания, т.е. «...такое условие, которое само есть основание» [77, с. 430].

Действительно, разве безработица и бедность, порождаемые капиталистическим накоплением не становятся сами в свою очередь условием данного процесса, а следовательно, его основанием?

«...Условие, которое само есть основание» – таково определение *абсолютно необусловленного*, которое выводит Гегель в «Науке логики», причем делает он это уже после того, как вывел категорию *полного основания*. Таким образом, наша интерпретация всеобщего закона капиталистического накопления в большей мере опирается на «Науку логики», чем та, которую предложил В.А. Вазюлин.

Если считать данный закон *полным основанием* капиталистического накопления, то трудно объяснить улучшение материальных условий жизни трудящихся, снижения уровня бедности сначала в странах Запада, а несколько позднее в некоторых других странах мира. Если же мы говорим об этом законе как о *переходе сути в существование*, то становится понятным, почему К.Маркс говорил о том, что указанный закон «модифицируется многочисленными обстоятельствами» [170, т. 23, с. 659]. Высказывание классика означает, что всеобщий закон капиталистического накопления следует рассматривать как «тенденцию» [216, с. 106]. Тенденция же не может быть *полным основанием* чего-либо.

Критические замечания, которые имеют цель опровергнуть прогноз об относительном и абсолютном обнищании широких масс населения в капиталистическом обществе, правомерны только тогда, когда «всеобщий закон капиталистического накопления» в логическом аспекте отождествляется с *полным основанием* сущности. Если же мы говорим об этом законе как о *переходе сути в существование*, т.е. как о связующей сферу *сущности* в сферу *явления* логической категории, то тогда известные критические замечания в его адрес служат лишь хорошей иллюстрацией данного закона.

Например, утверждается, что Марксов закон был опровергнут «...благодаря организованному рабочему движению и деятельности социал-демократических партий, которые сумели заставить капиталистов пойти на

серьезные уступки классовым требованиям пролетариата» [189, с. 93]. Однако очевидно, что для «опровержения» закона делается ссылка на следствие действия «закона всеобщего накопления капитала», что не опровергает, а подтверждает его. Обнищание пролетариата усилило его политические требования, что заставило капиталистов пойти на серьезные уступки. Абсолютное обнищание прекратилось. Но отождествив «всеобщий закон накопления капитала» с *полным основанием* капиталистического способа производства, нам бы пришлось признать такое изменение самой *сущности* капитализма, в результате которого последний может существовать без *полного основания*, что абсурдно. Отсюда возникает дилемма: либо признать «всеобщий закон накопления капитала» сфальсифицированным, к чему нас и подталкивают критики К. Маркса, либо придать «всеобщему закону накопления капитала» иной логический статус, что и было нами предложено, и тогда известные исторические факты приобретают совсем другой смысл. В случае интерпретации «всеобщего закона накопления капитала» как *перехода сути в существование* этот закон, на что мы уже указывали ранее, приобретает вид *тенденции*, что согласуется с утверждением К. Маркса, согласно которому данный закон «модифицируется многочисленными обстоятельствами». *Суть*, переходя в *существование*, может видоизменяться, но в целом *сущность*, включая *полное основание*, остается прежней.

Недопонимание диалектики «Капитала», на наш взгляд, как раз и заставило некоторых марксистов (на что сетует И. Валлерстайн) отказаться от прогноза, который вытекал из «всеобщего закона накопления капитала». В частности, это касается одного из крупнейших современных японских экономистов Макото Ито. Опираясь в своих исследованиях на марксистскую методологию, он тем не менее отмечает, что Марксов вывод относительно поляризации капиталистического общества недостаточно обоснован и плохо согласуется с другими теоретическими положениями «Капитала», например, раскрывающими циклический характер капиталистического накопления и

показывающими снижение уровня безработицы и рост зарплаты в фазах экономического подъема [285, р. 349].

Макото Ито совершенно прав, указывая на *существование* циклов расширенного воспроизводства капитала. И одна из заслуг К. Маркса в области политэкономии как раз и состоит в их изучении. Но проблема, однако, заключается в том, относил ли автор «Капитала» эти циклы к сфере *сущности* капиталистического способа производства или нет. Вставая на сторону японского экономиста, мы тем самым логически вводим циклы накопления капитала в сферу *сущности*. Методологическими издержками такого решения будет откат от диалектической логики к метафизическому способу мышления, утверждение идеи вечного возвращения, отрицающей преходящий характер капиталистического способа производства. Говоря же о «всеобщем законе накопления капитала» как о *переходе сути в существование*, мы логически выносим циклы накопления за пределы сферы *сущности*, что дает нам право ставить вопрос об историческом прехождении самой *сущности* капиталистического способа производства.

К. Маркс действительно выделяет фазы циклического подъема, на что справедливо обращает внимание Макото Ито. Так, в «Капитале мы читаем: «В периоды процветания, большого расширения, ускоренного и энергичного процесса воспроизводства рабочие заняты полностью. В большинстве случаев наступает и повышение заработной платы, несколько выравнивающее ее падение ниже среднего уровня в другие периоды коммерческого цикла» [170, т. 25, ч. 1, с. 490]. Однако заметим, что данная цитата приведена из третьего тома «Капитала», который в логическом аспекте представляет собой сферу *действительности* капиталистического способа производства. Таким образом, в логическом аспекте циклы относятся к сфере *действительности* капитала. А поэтому как цена производства не опровергает закон стоимости, так и циклы накопления капитала не опровергают «всеобщий закон накопления капитала».

В сфере *действительности* К. Маркс открывает еще один закон, а именно «закон тенденции нормы прибыли к понижению». Эту задачу классик

решает в третьем отделе третьего тома «Капитала». По словам М.М.Розенталя, «этот отдел третьего тома «Капитала» представляет собой конкретизацию тех глав первого тома, в которых Маркс исследует всеобщий закон капиталистического накопления и историческую тенденцию капиталистического производства» [216, с. 463]. Обобщив, можно сказать, что и цена производства, и циклы накопления капитала, и «закон тенденции нормы прибыли к понижению» суть конкретизация законов и категорий *бытия* и *сущности* капиталистического способа производства. Сделанное обобщение необходимо принять в расчет, оценивая те исторические прогнозы, которые делаются на основе законов сферы *действительности*.

С другой стороны, выявленные в сфере *действительности* тенденции позволяют лучше понять, почему содержащиеся в первом томе «Капитала» прогнозы не реализовались и не могли реализоваться в чистом виде. Прежде всего это касается известного прогноза К. Маркса, в котором говорится об упразднении капиталистической частной собственности: «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [170, т. 23, с. 773]. Сегодня против этого высказывания К.Маркса возражают многие исследователи. В частности, утверждается, что капиталистическое производство не создавало экономических предпосылок для упразднения частной собственности, «...так как параллельно с процессами капиталистического обобществления средств производства происходила и диффузия капитала, умножение мелких и средних предприятий, рентабельность которых стала возможной благодаря научно-техническому прогрессу» [189, с. 268]. При этом критика подкрепляется ссылкой на тот факт, что в современных западных странах половина валового национального продукта производится малыми и средними предприятиями.

На самом деле «умножение мелких и средних предприятий» обусловлено вовсе не научно-техническим прогрессом, а тем закономерным процессом

централизации капитала, который пытается опровергнуть оппонент К. Маркса. Никакой научно-технический прогресс не способен сделать так, чтобы на одном и том же рынке в долгосрочной перспективе с крупным капиталом мог бы конкурировать малый капитал: последний либо должен будет стать крупным, либо уйти с этого рынка. Интерес представляет второй случай: малые капиталы устремляются на те рынки, на которые еще не проникли крупные капиталы. Как правило, такие рынки имеют либо низкую рентабельность, либо высокие риски, например, в силу инновационного характера деятельности. Но следом за снижением рисков и/или ростом рентабельности приходят крупные капиталы, а малым ничего другого не остается, как искать для себя новые рыночные ниши. Таким образом, в сфере *сущности* капиталистического способа производства мы наблюдаем централизацию и концентрацию капитала, тогда как «диффузия» капитала происходит в сферах *явления* и *действительности*. Прогноз К. Маркса имел прямое попадание в самую *сущность*.

Не должно вызывать сомнений и то, что процессы в сфере *сущности* выступают, в конечном счете, определяющими по отношению к процессам в сферах *явления* и *действительности*. Это объясняет, например, почему указанные К. Марксом причины, противодействующие падению нормы прибыли капитала, берут верх над законом понижения нормы прибыли, а сам закон, таким образом, приобретает статус «тенденции».

Итак, мы приходим к выводу, что содержащиеся в «Капитале» спорные прогнозы исторически достоверны.

2.4. Использование методологии «Капитала» К. Маркса в социальном прогнозировании

Социальные прогнозы К. Маркса суть научные прогнозы, раскрывающие определенные исторические тенденции. Реализация этих тенденций

предполагает ивариатность первоначальных условий. Однако, как нами было уже выяснено ранее, социальные прогнозы имеют обратную связь. Капитализм за более чем полуторовековую историю своего развития с момента выхода первого тома «Капитала» претерпел некоторые изменения (прежде всего в западных странах), в том числе и потому, что были извлечены уроки из марксовых прогнозов. Естественно возникает вопрос: как может быть использована методология «Капитала» для социального прогнозирования в современных условиях?

Одной из таких интересных и серьезных попыток применения методологии «Капитала» К. Маркса к прогнозированию будущего является фундаментальное исследование В.А. Вазюлина «Логика истории» [57]. На наш взгляд, оно открывает новую главу в трудном и увлекательном поиске скрытых от нас горизонтов будущего с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Для оценки прогностического потенциала разработанной отечественным философом концепции разберем сначала основные ее положения. Историческое развитие общества есть процесс развития «органического» целого. Следовательно, в своем развитии общество проходит через те же самые стадии, что и любой другой живой организм. Выделяются следующие стадии: 1) образование исторических предпосылок общества; 2) возникновение общества; 3) формирование общества; 4) зрелость общества. Причем первые три стадии суть этапы становления общества [57, с. 224-225]. Данная периодизация истории названа периодизацией «по *типам* исторического процесса», где «типы исторического процесса» суть «отрезки спиралевидного движения» [57, с. 246].

Предложенная периодизация истории отличается от формационной. Недостаток последней, по мнению В.А. Вазюлина, заключается в том, что в ней «не фиксируется положительно развитие общества», поскольку «формации представляются как *внешние* по отношению друг другу». «В нашей же периодизации, – пишет автор «Логики истории», – прямо указывается на то, что

речь идет о стадиях развития общества и периодизация дается с точки зрения всего развития человечества в целом, т.е. речь идет о периодизации истории человечества по внутреннему для процесса развития основанию» [57, с. 245]. Тем не менее обе периодизации согласуются друг с другом. В частности, стадия возникновения общества соответствует первобытнообщинной формации, стадия формирования общества – рабовладельческой, феодальной и капиталистической формациям, стадия зрелости общества – коммунистической формации. Иначе говоря, формационная схема истории служит дополнением к предложенной В.А. Вазюлиным периодизации, как бы накладывается на нее для более тщательной прорисовки этапов исторического развития.

Кроме того, автор «Логике истории» усматривает «односторонность» формационной теории в том, что она, акцентируя внимание на внутренней стороне общества, его *сущности* (способе производства), игнорирует внешнюю сторону общественного развития, т.е. природные связи. Отсюда делается вывод, что «...периодизация истории должна происходить на основе единства внутреннего и внешнего, существенного и несущественного и т.д., т.е. по *стадиям* процесса *развития*, как единство природного (в том числе биологического) в обществе и истории общества. В противном случае неизбежно недооценивается, недостаточно верно понимается роль природного (в том числе биологического) в обществе и в истории общества» [57, с. 348].

Заметим сразу, что при всей важности «природного» последнее относится к несущественному моменту исторического развития. Следовательно, логично было бы предположить, что не формационная схема должна как бы накладываться на периодизацию В.А. Вазюлина, а, напротив, последняя добавляла бы некоторые несущественные штрихи к исторической картине формационной теории. В этой связи у нас возникли опасения, что вместе с рассуждениями о необходимости учитывать «природное» в истории в концепцию В.А. Вазюлина проникает принцип, противоречащий материалистическому пониманию истории.

При ближайшем рассмотрении концепции, изложенной в «Логике истории», наши опасения подтвердились. Как нам представляется, крен в сторону природных связей обернулся методологической ошибкой, которую мы назвали *задержкой на досоциальной стадии развития*. Попробуем выяснить, где именно эта ошибка закралась. По мнению В.А. Вазюлина, нельзя смешивать категорию *начала* с простейшим отношением. Последнее – это уже *начало* в снятом виде. Но если природные связи составляют простейшее отношение, то еще более глубокие природные основания имеет *начало*. Таким образом, две исходные категории в «Логике истории» ничего общего с собственно социально-историческим процессом не имеют: природное снимается в природном, а логического перехода к социальному не происходит. Характеризуя же «стадию первоначального возникновения» общества в целом (вторую по порядку в данной периодизации), В.А. Вазюлин говорит о «конкретном тождестве» биологического и социального.

Думается, что автор «Логики истории» прав, когда заявляет о неправомерности смешения простейшего отношения и категории *сущности*. Поэтому мы полностью согласны с утверждением, что труд не может выступать в качестве «простейшего отношения общества». Однако отсюда совсем не следует, что последнее нужно понимать как природное. В «Капитале» К. Маркса простейшее отношение – это товарное отношение. В логическом аспекте товар есть категория *начала*. Следовательно, у К. Маркса *начало* и простейшее отношение совпадают. Но товар (как *начало* и как простейшее отношение) представляет собой социальную категорию. Значит, социальной должна быть и категория *начала* (простейшее отношение) истории в целом. На это можно возразить, указав на недопустимость аналогии, поскольку капитализму предшествовали другие стадии развития общества, тогда как в концепции В.А. Вазюлина речь идет о *начале* истории общества вообще, а не какого-то отдельно взятого позднего этапа его развития. И все-таки подход К. Маркса имеет универсальное значение в том смысле, что *началом* в логическом и историческом аспектах любой социальной системы

должна выступать именно социальная категория. У В.А. Вазюлина мы видим отход от этого правила.

Итак, не только первая, но и вторая стадия исторического развития истории в представленной концепции оказалась на самом деле стадией «досоциального развития». И лишь на третьей стадии – стадии формирования общества – происходит «постепенное превращение» социального фактора в «господствующий» [57, с. 239]. Этот процесс превращения заканчивается только с переходом к коммунистическому обществу – стадии зрелости, а на всем протяжении формирования общества социальный фактор остается «ведущим».

Заслуживает особого внимания то, как рассматривается процесс формирования. Он «...разделяется на три стадии, или периода: 1) начальный период формирования, преобразования унаследованной основы; 2) возникновение адекватной, новой основы; 3) завершение образования адекватной, новой основы» [57, с. 248]. С этой точки зрения только при капитализме частная собственность на средства производства обретает адекватную основу. Дело в том, что основным средством производства при рабовладельческом и феодальном строе выступала земля, поскольку «определяющим видом общественного производства» было сельское хозяйство (земледелие). Но земля есть природный ресурс, данный человеку изначально, но не произведенный им самостоятельно. Капитализм же пробуждает силы крупной промышленности, в результате чего большая часть богатства общества производится не аграрным, а индустриальным способом, т.е. с помощью искусственных (созданных самим человеком), а не естественных средств производства. Как следствие, роль частной собственности на промышленные средства производства в обществе становится более значительной в сравнении с частной собственностью на землю.

Хотя в концепции В.А. Вазюлина об этом явно и не говорится, но вполне понятно, что сама «адекватность» средств производства частной собственности заключается в их социальном, а не природном тождестве. Частная

собственность есть социальный институт, которому должны соответствовать социальные, т.е. произведенные самим обществом, а не данные ему природой, средства производства. Но отсюда вытекает одно теоретико-методологическое затруднение, которое, как нам кажется, осталось незамеченным автором «Логике истории». Выходит, что производственные отношения, формой чего и является институт частной собственности, изначально опережают в развитии производительные силы. Частная собственность – это своего рода «рубашка на вырост» для производительных сил общества на стадии его формирования. Здесь опять возникает диссонанс с материалистическим пониманием истории. Впрочем, обнаруживается и внутренняя несогласованность концепции, т.к. в другом месте совершенно верно утверждается, что производительные силы более зрелой стадии развития общества начинают формироваться в лоне менее зрелой [57, с. 244]. Другими словами, более прогрессивные производительные силы возникают в условиях менее прогрессивных производственных отношений, с чем трудно не согласиться.

По той же причине, а именно из-за преобладания природных (естественных) средств производства в экономической жизни, в обществе на рабовладельческой и феодальной стадиях развития отношения и связи между людьми имели «природный» («естественный»), а не социальный характер. В силу «естественности» существовавших в рабовладельческих и феодальных обществах связей «масштабы» внеэкономического принуждения, по мнению В.А. Вазюлина, не были так велики, как принято считать среди марксистских исследователей. Однако принуждение не могло быть и чисто экономическим. Следовательно, необходимо иначе взглянуть и на происхождение феодальной ренты: последняя включает в себя «естественно возникшее отношение к земле» [57, с. 288].

Сила «природных», или «естественных», связей так велика, что борьба эксплуатируемых классов за свое освобождение не способна была привести к переходу от рабовладельческого строя к феодальному, а от феодального – к капиталистическому. Смена рабовладельческой и феодальной общественно-

экономических формаций произошла под воздействием внешних по отношению к их сущности социальных сил. В случае с рабовладельческим обществом речь идет о «варварах», еще пребывавших в стадии «первоначального возникновения общества» и не перешедших в стадию «формирования общества», а в случае с феодальным обществом – о классе буржуазии, принадлежащем к более передовой по отношению к феодализму, капиталистической, общественно-экономической формации. Но в отличие от «варваров» буржуазия была необходимым следствием «внутреннего развития» того общества, могильщиком которого она являлась. «Капитализм же уничтожается *внутренней для его сущности, силой* (силой пролетариата), *порожденной его внутренним развитием*» [57, с. 295]. Таким образом, социальная сила, уничтожившая рабовладельческий строй была случайной как по отношению к *сущности* разрушенного общества, так и по отношению к *сущности* возникшего на обломках старого нового общества; социальная сила, уничтожившая феодализм была случайной по отношению к *сущности* разрушенного общества, но необходимой по отношению к *сущности* возникшего на обломках старого нового общества; наконец, социальная сила, которая должна уничтожить капитализм, является необходимой как по отношению к *сущности* того общества, которое она должна разрушить, так и по отношению к *сущности* нового общества.

Капитализм, так же как феодализм и рабовладельческая общественно-экономическая формация, проходит через ряд стадий развития. «*Стадии развития капитализма*. 1. Стадия начала капитализма (до первоначального возникновения его сущности) – образование ремесла в недрах феодализма. 2. Стадия первоначального возникновения сущности капитализма – переход к ремеслу, свободному от цеховых пут (вообще от пут его феодальной организации). 3. Стадия формирования сущности капитализма – мануфактурный период, переход к широкому производству машин ремесленным, мануфактурным способом, переход к производству машин машинами. 4. Стадия зрелости капитализма – господство производства машин

машинами. 5. Стадия загнивания и умирания капитализма – империализм» [57, с. 305]. Любопытно, что если пределом экстенсивного развития рабовладельческого способа производства, по мнению В.А. Вазюлина, было сельскохозяйственное освоение мягких земель, а феодализма – «использование всей территории Земли, пригодной для земледелия», то пределом экстенсивного развития капитализма – «вся поверхность Земли и ее недра» [57, с. 296, 306-307, 315], что подразумевает образование мирового рынка.

Стадия «зрелости» капитализма характеризуется как «господство производства машин машинами». Внутренние противоречия капитализма на этой стадии достигают кульминационного момента, поскольку из производства вытесняется ручной труд. Последний в наибольшей степени соответствовал духу частной собственности на средства производства, т.к. ручной труд нуждается в ручных средствах труда по определению. Сами средства производства, таким образом, несли на себе отпечаток их «природного» (биологического) происхождения и применения: они создаются и используются конечностями человеческого организма, его руками. Но это значит, что и частная собственность имеет рудименты «природных» связей. И капиталистическая частная собственность – не исключение. «В самой развитой исторической форме частной собственности, капиталистической, естественно возникшие отношения как подчиненный момент вошли внутрь ее, в самый состав ее плоти и крови, и все же они остаются непреобразованными до конца» [57, с. 303]. Производство машин машинами, напротив, субстанциально и функционально не связано с организмом человека. «Природные» связи, следовательно, между человеком и средствами производства, между человеком и человеком в процессе производства машин машинами разрываются. Машинный ритм производства противоречит биологическим ритмам жизни человека. Поэтому человек постепенно вытесняется из промышленного производства. Более того, производство машин машинами противоречит и частнособственническим производственным отношениям. Разрешение же этого противоречия требует смены общественно-экономической формации.

В политэкономическом аспекте нарастающее противоречие между производительными силами и производственными отношениями выражается в том, что общественный способ производства, т.е. *сущность* капитализма, перестает подчиняться закону стоимости. Обусловлено это тем, что человек постепенно из непосредственного производителя превращается в работника, обслуживающего, контролирующего и совершенствующего процесс производства. Его участие в производственном процессе, таким образом, не может больше измеряться затраченным рабочим временем [57, с. 309-312]. В данном месте В.А. Вазюлин лишь повторяет известное положение К. Маркса из «Экономических рукописей 1857-1859 годов» [170, т. 46, ч. 2, с. 213-214].

Тем не менее автор «Логик истории» отрицает возможность «автоматического» краха капитализма, т.к. труд не может абсолютно исчезнуть, а поэтому всегда будет сохраняться возможность для его эксплуатации.

Достигнув зрелости, капитализм переходит в заключительную стадию своего исторического бытия – империализм. Прогресс сменяется регрессом, поскольку пределы достигают как экстенсивное, так и интенсивное развитие капитализма. Признаками достижения пределов экстенсивного развития являются господство монополий, завершение формирования мирового рынка и т.д. Интенсивное развитие также достигает своих пределов, т.к. машинное производство становится «автоматизированным» [57, с. 314]. Собственно последний момент и является решающим в процессе гибели капитализма и перехода к коммунизму.

Размышления В.А. Вазюлина о гибели капитализма и переходе к коммунизму мы относим к области исторического прогнозирования, хотя сам автор «Логик истории» так не считал по той простой причине, что писал свою работу еще в советский период, когда сам факт существования СССР воспринимался как доказательство прехождения капитализма и возникновения коммунизма. Сегодня мировая капиталистическая система по-прежнему существует, втянув в свою орбиту и те страны, которые еще относительно недавно назывались «социалистическими». Это заставляет с особой

серьезностью отнестись к размышлениям автора «Логике истории», касающихся перспектив капитализма, поскольку так мы сможем оценить не только истинность данной концепции, но и ее прогностический потенциал.

Историческая необходимость становления коммунизма объясняется стремлением «органического» целого, каковым является общество, обрести состояние зрелости. «Коммунизм в широком смысле слова есть зрелое человеческое общество, в отличие от всей предшествующей истории человечества как истории незрелого человеческого общества» [57, с. 319]. Если состояние незрелости общества характеризуется как такое, в котором господствующими социальными отношениями выступают «природные» («естественно возникшие») связи, то отличительная особенность зрелого общества – «господство специфически человеческих отношений», под которыми подразумеваются «отношения людей преимущественно как личностей».

Предпосылки перехода к коммунизму созревают в лоне капиталистического общества по мере расширения «автоматизированного» производства, которое только и способно, по мнению В.А. Вазюлина, создать «постоянное изобилие» материальных благ – необходимое условие формирования коммунистического общества. «Автоматизированное» производство означает не только новый и более прогрессивный уровень производительных сил, дающий обществу «постоянное изобилие», но и качественное изменение производственных отношений. Такое производство представляет собой систему особой сложности, внутреннее единство которой обеспечивается в планетарных масштабах, что исключает партикуляризм экономической деятельности. С исчезновением «хозяйственной обособленности» упраздняется частная собственность, а вместе с ней навсегда исчезают остатки «природных» («естественно возникших») связей в обществе.

Итак, коммунистическое общество рассматривается во всемирно-историческом масштабе. Но коммунистическое общество, как и общество вообще, не есть некое застывшее образование, а представляет собой

исторический процесс. Оно проходит через те же стадии развития, что и предшествующие ему типы общества: 1) образование исторических предпосылок; 2) первоначальное возникновение; 3) формирование; 4) зрелость. Что касается исторических предпосылок коммунизма, то они, как нам уже известно, «образуются в недрах капитализма». Под «первоначальным возникновением коммунизма» В.А. Вазюлин понимает «социалистическую революцию». Структурно более сложным является этап формирования коммунистического общества. «Здесь, как и во всяком процессе формирования, выделяются три периода. Первый, начальный период формирования – существование коммунизма на унаследованной технической основе. Второй период – начало создания адекватной материально-технической основы коммунизма. Третий период – завершение создания адекватной материально-технической основы коммунизма. Это период преимущественно перерастания социализма в высшую фазу коммунизма» [57, с. 322].

Стадия формирования коммунистического общества, по мнению В.А.Вазюлина, есть «социализм». Социализм, как и любая другая стадия развития общества, не свободен от внутренних противоречий. Главным противоречием социализма автор «Логике истории» считает «противоречие между общественной собственностью на средства производства и незрелостью общественного характера производства» [57, с. 324]. Здесь мы снова встречаем уже знакомую нам по данной концепции идею об опережающем относительно производительных сил развитии производственных отношений. Действительно, ведь «незрелость общественного характера производства» говорит о том, что производительные силы еще недостаточно развиты для того, чтобы утвердилась «общественная собственность на средства производства». Однако последняя в результате «социалистической революции» уже существует как господствующая форма производственных отношений. Выходит, что сначала устанавливаются более прогрессивные производственные отношения, а затем под их уровень развития как бы подтягиваются отстающие от них в своем развитии производительные силы.

Ранее мы уже обращали внимание на то, что идея опережающего развития производственных отношений противоречит материалистическому пониманию истории. Правда, можно попытаться выйти из этого затруднения, сказав, что производственные отношения в своем развитии опережают производительные силы только до момента достижения определенной общественно-экономической формацией стадии зрелости, после чего с точки зрения лидерства производительные силы и производственные отношения меняются местами. Но все-таки и исторически и логически приоритет остается за производственными отношениями.

Теоретико-методологический изъян «Логики истории», о чем писалось выше, мы усматриваем в *задержке на досоциальной стадии развития*. Выдвинем предположение, что ошибка была обусловлена подспудным желанием автора объяснить исторический факт образования и существования СССР – явления, противоречащего принципам классического марксизма. Выделение и анализ периодов развития социализма в концепции В.А.Вазюлина, на наш взгляд, суть описание исторического опыта СССР в терминах *адекватности/неадекватности* производительных сил советского общества коммунистическим общественным отношениям. Поскольку Октябрьская революция произошла в отсталой и истощенной войной аграрной стране, то степень *неадекватности* производительных сил была просто катастрофической. Но общество «реального социализма» не только выстояло, но и укрепило и расширило свое влияние после Второй мировой войны, что для современников могло означать высокую жизнеспособность более прогрессивных общественных отношений, даже если они не имеют под собой «адекватной» материально-технической основы. Этот уникальный исторический пример мог приобрести универсальное значение, если бы его удалось вписать в общую логику всемирно-исторического процесса. В.А.Вазюлин предпринял такую попытку, подведя исторический опыт СССР под категорию *формирования коммунистического общества*. Однако через стадию *формирования* проходят и другие общественно-экономические

формации, а также общество вообще. Поэтому процесс *формирования коммунистического общества* есть отражение диалектики *общего, особенного и единичного* в процессе *формирования общества* вообще, причем *неадекватность* производительных сил есть то *общее*, что присуще любому формационному типу *формирования общества*. Таким образом, *задержка на досоциальной стадии развития* была методологически неизбежной, поскольку только так *формирование* любой общественно-экономической формации, начиная с первобытнообщинной и заканчивая коммунистической, может описываться как процесс на *неадекватной* материально-технической основе.

Против сказанного можно возразить, сославшись на К. Маркса, который тоже предполагал, что коммунизм в своей «первой фазе» будет развиваться не «на своей собственной основе» [170, т. 19, с. 18]. И все-таки эта «основа», хотя и достается коммунистическому обществу от капиталистического, но должна быть адекватна задачам развития первого на его ранней стадии. Речь идет о *конкретном тождестве*, т.е. тождестве с различиями (иначе дальнейшее развитие невозможно). В концепции же В.А. Вазюлина производительные силы, унаследованные более прогрессивной общественно-экономической формацией, теоретически архаизируются. Ведь только так можно было представить становление коммунизма в отсталой аграрной стране как закономерный процесс. У К. Маркса же на этот счет, как нам представляется, была другая точка зрения.

По мнению автора «Логике истории», пока коммунистическое общество не войдет в фазу «зрелости», в нем будут сосуществовать как социалистические, так и капиталистические производственные отношения, в частности планомерность и товарно-денежные отношения. Для того чтобы последние были окончательно изжиты, необходимо, чтобы машинное производство (*неадекватная основа*) превратилось в «комплексно автоматизированное» (*адекватную основу*), в результате чего исчезнут и «существенные» различия между физическим и умственным трудом. Начало образования *адекватной* материально-технической основы коммунизма

относится ко второму периоду стадии «формирования» коммунистического общества. Как считает В.А. Вазюлин, СССР в 50-60-е годы XX века вступил в этот период развития.

«Зрелое коммунистическое общество – это общество, для материально-технической базы которого характерна комплексная автоматизация, производство автоматов автоматами» [57, с. 334]. На этой стадии достигается «постоянное изобилие» материальных благ, резко сокращается продолжительность рабочего дня, преобладающим становится творческий труд («труд по совершенствованию, развитию автоматизированного производства»), а вместе с ним – свободное, а не необходимое рабочее время. Исчезают «существенные» различия между физическим и умственным трудом.

По такому показателю, как «постоянное изобилие» материальных благ, можно судить о том, является ли коммунистическое общество зрелым или нет. Важно поэтому правильно определить критерий «постоянного изобилия». «Границей, за которой начинается изобилие, – утверждает В.А. Вазюлин, – служит возможность обеспечения *оптимума* для поддержания биологического существования индивидов» [57, с. 334]. К сожалению, трудно согласиться с данным тезисом. Дело в том, что указанную «границу» уже давно перешагнули развитые капиталистические страны, от чего они не перестали быть капиталистическими. Таким образом, мы опять сталкиваемся с теоретической архаизацией исторической схемы.

В «зрелом» коммунистическом обществе труд будет совершаться не ради нужды в материальных благах, а в силу внутренней потребности человека в самом труде. Из средства удовлетворения материальных потребностей он превратится в самоцель. «Однако труд как самоцель, труд, совершаемый ради удовлетворения внутренней физической и духовной потребности, по законам истины, добра и красоты *уже и не есть труд*, а есть *культура* в ее всестороннем действии, жизнь культуры в ее основных проявлениях, *всесторонняя культурная деятельность*» [57, с. 337]. Однако отсюда должно с логической необходимостью следовать, что собственно экономическая

деятельность прекратится, а экономическая сфера растворится, говоря словами В.М. Межуева, в «пространстве культуры» [174, с. 158].

Возникает ситуация, аналогичная той, что существовала на «досоциальной стадии развития» общества, в том смысле, что человек не участвует в процессе производства непосредственно, а получает необходимые материальные блага уже в готовом виде. Иначе говоря, происходит «как бы возвращение к исходному пункту», к «первоначальному возникновению общества». «Как бы *возвращение* к исходному пункту заключается в том, — поясняет В.А. Вазюлин, — что человек опять начинает иметь дело с такими процессами создания предметов, способных удовлетворять его потребности, которые (процессы) совершаются в немалой степени сами собой, без непосредственного труда» [57, с. 338]. На стадии «первоначального возникновения общества» человек потреблял продукты, производство которых было уделом природы, т.е. это были продукты природного (биологического) производства. Нечто подобное будет происходить и в «зрелом» коммунистическом обществе с поправкой на то, что функцию природы будет выполнять «комплексно автоматизированное» производство. «В конечном счете производство, по нашему мнению, — заключает автор «Логике истории», — станет преимущественно *биологическим*» [57, с. 339].

Достижение «постоянного изобилия» приведет к демографическому взрыву. Все это вместе взятое ускорит истощение ограниченных природных ресурсов и подвигнет человечество к переходу от «земной цивилизации» к «космической» [57, с. 340]. Таким образом, вместе с прехождением коммунизма заканчивается земная история человечества. Коммунизм, следовательно, есть «итог» земной истории, завершение ее полного цикла, «*отрицание отрицания* предшествующей истории» [57, с. 344]. Но в недрах коммунизма возникают предпосылки нового исторического цикла, но уже космического масштаба.

Как видим, метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет заглянуть за линию горизонта не только капиталистического общества, но даже

коммунистического. Прогноз поражает своей смелостью и дальновидностью, что говорит лишь в пользу лежащего в его основе метода. Тем не менее не со всеми прогностическими выводами можно согласиться, что обусловлено нашим принципиальным несогласием с некоторыми исходными посылками концепции В.А. Вазюлина, о чем мы уже высказывались по ходу ее изложения.

Резюмируем наши замечания. Во-первых, положение, гласящее, что «исходное отношение – естественно возникшее» [57, с. 338], т.е. «природное», противоречит материалистическому пониманию истории. Это влечет за собой «натурализацию» социальных отношений, низведение их до животного уровня. За этим следует теоретическая архаизация производительных сил и производственных отношений общества на всех стадиях его развития, причем на каждой стадии развития общества формирование производительных сил отстает от господствующих производственных отношений.

Во-вторых, неправомерно периодизацию истории строить на несущественных с точки зрения *сущности* социальных отношениях «природных» связях. Не формационная схема должна служить неким теоретическим дополнением или уточнением, а схема, учитывающая внешние относительно *сущности* общества обстоятельства, в частности отношение общества к природе.

В-третьих, «натурализация» социальных отношений по существу означает принятие принципа экологического (биологического) детерминизма в качестве основополагающего. В исторической схеме В.А. Вазюлина экологический детерминизм довлеет над историческим процессом даже на стадии «зрелости» общества, где «комплексно автоматизированное» производство функционально тождественно силам природы, а субстанциально зависимо от них (поскольку конечность природных ресурсов является «естественной» границей существования «комплексно автоматизированного» производства). Экологический (биологический) детерминизм не имеет ничего общего с марксизмом, но представляет собой, на наш взгляд, форму фатализма.

В-четвертых, тезис об абсолютной ограниченности природных ресурсов нам представляется мальтузианским по духу, а потому ошибочным. Следовательно, не это обстоятельство должно стать главной причиной перехода человечества от «земной цивилизации» к «космической».

В-пятых, неверно интерпретируется, на наш взгляд, советская история. Мы считаем, что в СССР не было социализма как раз потому, что для перехода к коммунистической общественно-экономической формации недостаточно были развиты производительные силы, причем не только средства производства, но и сам человек как главная производительная сила.

Наконец, в-шестых, недооценивается роль субъекта истории – самого человека и его труда. По мнению В.А. Вазюлина, «комплексно автоматизированное» производство станет неким «рогом изобилия», из которого на общество польются материальные блага в таком количестве и качестве, что это не только навсегда избавит человека от необходимости заниматься хозяйственной деятельностью, трудиться вообще, но и навсегда излечит его от таких социальных недугов, как частная собственность, деление на классы, эксплуатация и т.д. Здесь на экологический накладывается технологический детерминизм, который только усиливает фатализм данной концепции. «Пока количество и качество продукции существенно зависят от способностей непосредственных производителей применять готовые произведенные средства труда, – утверждает в «Логике истории», – до тех пор не может стать принципиально устойчивым производство постоянного изобилия материальных благ» [57, с. 328]. Получается, что не человек как таковой способен изменить общественные отношения, а некая внешняя («природная») сила – «комплексно автоматизированное» производство. Возникает вопрос: а если в таком обществе «комплексной автоматизации» произойдет технический сбой, то тогда снова вернется эксплуатация человека человеком, частная собственность и деление на классы? Очевидно, слишком узким и ненадежным является основание у такого общества – общества, в котором от человека и его труда ничего не зависит. В.А. Вазюлин, кажется,

недооценивает инновационный характер труда, его способность получать результаты, превышающие затраты, на чем справедливо настаивают многие марксистские исследователи [113, с. 396].

Проблема вовсе не в автоматах и машинах. Так, автоматизация имеет место уже при капитализме, но это приводит лишь к сокращению занятости, с одной стороны, и увеличению продолжительности рабочего дня (часто вопреки законодательству, но в соответствии с внутрикорпоративной этикой) для счастливых обладателей рабочих мест – с другой.

Высказанные замечания направлены не против метода как такового, а против попытки В.А. Вазюлина теоретически «снять» материалистическое понимание истории. Данная концепция, на наш взгляд, без достаточных на то оснований претендует на роль более прогрессивной концепции исторического развития, якобы преодолевающей историческую ограниченность материалистического понимания истории [57, с. 348-349].

Тем не менее «Логика истории» В.А. Вазюлина имеет для нас определенную методологическую значимость в социально-философском аспекте, которая заключается в следующем.

Совершенно справедливо, на наш взгляд, что объектом социально-философского прогнозирования выступает не какое-либо отдельное общество, а *общество вообще* как «органическое» целое. Конечно, исследователь должен отдавать себе отчет в том, что речь идет о некоем методологическом допущении, поскольку *общества вообще* не было и нет в реальной исторической действительности. Но благодаря такому исследовательскому приему впоследствии удастся выявить «главное направление» всемирно-исторического развития [57, с. 224].

Между тем не следует путать данную логическую операцию с сугубо умозрительным «конструированием» социальной реальности. Принцип материализма требует отталкиваться в историческом познании от самой истории, законы которой универсальны и носят объективный характер. А универсальность, или всеобщность, исторических законов лучше всего

отражается в категории *общества вообще*, вбирающей в себя «сущность всеобщего», поскольку, по меткому замечанию М. Барга, «сущность всеобщего – это вычлененная силой абстракции сфера чистого закона данного объекта» [25, с. 22].

Другой важный вывод состоит в том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному есть не только логический, но и исторический метод. Это означает, что логические сферы восхождения от абстрактного к конкретному могут быть приведены в соответствие с историческими стадиями развития общества как «органического» целого. Например, «сфера бытия есть в логическом аспекте сфера поверхности, простейшего отношения, а в историческом – сфера предпосылок, начала процесса развития» [57, с. 345]. Данное обстоятельство позволяет по мере восхождения от абстрактного к конкретному с логической необходимостью выявить общую направленность исторического развития общества, а следовательно, получить исторический прогноз, достоверность которого с высокой степенью вероятности зависит от корректности реализации метода восхождения от абстрактного к конкретному и соблюдения принципов материалистического понимания истории.

Завершая данную главу, отметим, что не может быть сомнений в том, что метод должен быть адекватен теории. Как мы постарались показать, единственно надежным теоретическим основанием метода восхождения от абстрактного к конкретному является материалистическое понимание истории. Конкретизацией последнего выступает формационная теория К. Маркса, которая в современном обществознании имеет различные версии интерпретации. Их исследование станет задачей следующей главы.

Глава 3. Диалектико-материалистические основания социального прогнозирования и контрверзы формационной теории в современном общественном сознании

3.1. Формационная теория и технологический детерминизм

Современные исследователи, разделяющие принципы марксизма, нередко для характеристики состояния, тенденций и перспектив развития капитализма XXI века используют термины, заимствованные из концепций постмодернизма и постиндустриализма. Проблема состоит в том, что вместе с терминологией в марксизм проникают чуждые ему идеи: умаляется значимость труда и человека труда, творчество противопоставляется труду, отрицается определяющая роль экономики в жизни общества и т.д. и т.п. Так, например, в одной из работ проводится мысль, что в XX веке в истории человечества произошел качественный «перелом», связанный с переходом «от *труда* к *разуму (науке)*» как главному созидателю общественных благ», а сам этот переход был предсказан еще К. Марксом. Для большей убедительности приводятся цитаты из «Экономических рукописей 1857-1859 годов» и «Капитала», которые якобы демонстрируют данный прогноз [53].

В.А. Вазюлин предпринял смелую попытку придать более строгую логическую форму теории общественно-экономических формаций К. Маркса, но он стремился реализовать поставленную цель путем «снятия» материалистического понимания истории. Его прогноз, по существу, строится на «переключении» исторического процесса с режима действия принципа экологического (биологического) детерминизма на режим действия принципа технологического детерминизма. В самом деле, ведь достижение наивысшей стадии развития общества, его «зрелости» есть заслуга «автоматизированного производства».

Очень близкой по своему характеру и замыслу к концепции В.А.Вазюлина является версия формационной теории, предложенная философом А.Д. Майданским. По его мнению, К. Маркс, хотя и заложил основы формационного подхода, но не применил в исторической теории метод восхождения от абстрактного к конкретному, столь блестяще использованный классиком при изучении капиталистического способа производства. С целью восполнить этот методологический пробел А.Д. Майданский осуществляет синтез формационной теории и метода восхождения от абстрактного к конкретному [166]. Постараемся выяснить, насколько эта попытка оказалась успешной.

А.Д. Майданский начинает с определения труда как *субстанции* истории. «Овнешнение органической потребности» составляет *сущность* труда. *Сущность* являет себя в четырех абстрактных формах. Всемирная история представляет собой поочередное проявление всех этих четырех абстрактных форм. Иначе говоря, абстрактные формы труда суть его исторические *моменты*. От того, какой момент выступает в качестве главного, зависит тип общественно-экономической формации.

Первой абстрактной формой труда выступает рабочая сила – «природная потенция» человека. Нетрудно заметить тождество и различие между первой абстрактной формой труда А.Д. Майданского и простейшим отношением общества В.А. Вазюлина. Тождество заключается в их естественности, природной обусловленности. Различие же состоит в том, что рабочая сила, хотя и представляет собой «природную потенцию», вместе с тем есть *момент* труда, тогда как простейшее отношение общества, по мнению В.А. Вазюлина, – это обусловленное биологическими потребностями нетрудовое взаимодействие человека с природой и другими людьми.

Рабочая сила есть главный *момент* труда в «архаической» формации – первой стадии развития общества. Рабочая сила как возможность труда обусловлена формой собственности на землю, определяемой в свою очередь природными особенностями самого человека и окружающей среды. Под

категорию «архаической» формации подводятся такие общества, в которых земля находилась в «непосредственно-общей собственности», принадлежала «земледельческим общинам». В чистом виде она существовала на Востоке, а потому К. Маркс называл эту форму собственности «восточной» или «азиатской». Ссылаясь на классика, автор анализируемой концепции выделяет и две «относительно чистых» формы «непосредственно-общей собственности» – «античную» и «германскую». Отклонения от «восточного» эталона детерминированы природно-климатическими различиями.

Три основные черты «архаической» формации таковы: 1) производство потребительных стоимостей служит экономической целью общества; 2) «собственность на условия труда принадлежит работникам»; 3) орудия труда суть «удлиненные органы человеческого тела».

Рабочую силу как главный *момент* труда со временем сменяет следующая абстрактная форма труда – «живая деятельность». «*Непосредственное тождество* труда и собственности», характерное для «архаической» формации, «превращается в их *различие* и *противоположность*». Так возникает «первая чисто историческая форма собственности», в результате чего между собственностью и трудом появляется зазор. Следовательно, возникает необходимость в промежуточном звене, соединяющем собственность и труд. В качестве такого звена выступает «воля» человека («отношение присвоения чужой воли человека»). Отсюда проистекают отношения рабства и феодальной зависимости – формы одной и той же, «личной», зависимости или эксплуатации. Таким образом, между рабовладельческой и феодальной формами собственности нет существенной разницы, а потому рабовладельческую и феодальную общественно-экономические формации нужно рассматривать как единую «вторичную» формацию.

«Вторичную» формацию сменяет капиталистическая. Здесь в качестве главного *момента* труда выступает «опредмеченный труд». Как видим, в определении места капиталистической общественно-экономической формации

А.Д. Майданский расходится с В.А. Вазюлиным. Последний, руководствуясь собственным критерием периодизации всемирной истории («по стадиям процесса развития»), включал капитализм в стадию «формирования» общества вместе с рабовладельческим строем и феодализмом. А.Д. Майданский же, используя такой критерий, как «абстрактная форма труда», рассматривает капиталистическую формацию отдельно от внутренних единств рабовладения и феодализма, образующих «вторичную» формацию.

Принципиальное отличие отношений, складывающихся в капиталистической формации, от существовавших во «вторичной» состоит в том, что характерные для последней внутренние противоречия между трудом и собственностью превращаются в некий внешний контур противоречий, развивающихся внутри самих труда и собственности. Внутри процесса труда это выражается в антиномии «живого» и «опредмеченного» («овеществленного») труда; внутри отношения собственности – в антиномии собственности на рабочую силу и собственности на средства производства. Если «вторичной» формации присущи отношения «личной» зависимости, то капиталистической формации – отношения «вещной» зависимости.

«Пролетарская» революция лишь «формально» упраздняет частную собственность, а следовательно, не устраняет глубоких противоречий капиталистической формации. Однако это не означает, что капитализм дан человечеству на веки веков. Но здесь мы уже входим в область исторического прогнозирования.

Капиталистическую формацию, по прогнозу А.Д. Майданского, должна сместить «посткапиталистическая» формация. Связано это с тем, что все большую роль в обществе будет играть четвертый *момент* труда – «разумное умение». Процесс этот закономерен, т.к. сам капитал стремится свести физический труд к наименьшим размерам, что повлечет за собой исчезновение пролетариата. Технологически возможным это станет при широком внедрении «автоматических машин», приводимых в движение «энергией природы», а не людьми. Работу этих машин будут обслуживать «работники-интеллектуалы», а

не пролетарии. Отсюда стремительно возрастет значение «разумного умения», интеллектуального труда, продуктами которого будут «идеи», не поддающиеся стоимостной калькуляции и выпадающие из товарно-денежного обмена. Затратный принцип, лежащий в основе закона стоимости, перестанет работать, поскольку ценность «идеи» состоит не в количестве потраченного на ее производство рабочего времени, меру необходимости которого определить просто невозможно, а польза, приносимая обществу, от ее реализации. «Идея» по своей природе неотчуждаема, а следовательно, ее невозможно втиснуть в товарную форму, отношения частной собственности вообще. Особую ценность в посткапиталистическом обществе, таким образом, приобретет не рабочее, а, как и полагал К. Маркс, *свободное* время. Опять же в полном соответствии с воззрениями классика происходит как бы возврат к «непосредственно-общей собственности», но на совершенно ином уровне развития общества, в котором основной мотивацией труда являются не «природные» потребности, а потребность в самом труде.

В становлении так называемой «посткапиталистической» формации, как мы видим, у А.Д. Майданского «автоматизированное производство» («автоматические машины»), как и у В.А. Вазюлина, – решающий фактор. По поводу данного положения как отражения принципа технологического детерминизма мы ранее высказались отрицательно. Наши возражения против внедрения принципа технологического детерминизма и сциентизма в формационную теорию можно подкрепить фактическими данными, причем многие из них содержатся в работах теоретиков постиндустриализма и постмодернизма, что далеко не случайно, учитывая описательный характер этих направлений социально-гуманитарной мысли. Ирония в том, что теории постиндустриализма и постмодернизма сегодня во многих чертах воспроизводят те же самые положения, что присутствовали в теории «научного коммунизма» в пору существования советского обществознания. Разница же в том, что явления, которые рассматривались советскими теоретиками исключительно как достижения и атрибуты будущего коммунистического

общества, теоретиками постиндустриализма и постмодернизма интегрируются в систему воспроизводства так называемого «когнитивного» капитализма, т.е. современного капитализма, в котором наука и технология (включая пресловутое «автоматизированное производство») поставлены на службу капиталу, полностью сращены с ним и ему подчинены. И все это уже имеет место не только и не столько в теории, сколько на практике. «В значительной степени утратив ореол невинности (после катастроф XX века сохранить его было трудно), – пишет по данному поводу М. Маяцкий, – наука в капиталистическом обществе активно пошла на превращение знания в товар, согласилась на отказ знанию в особом статусе. Превратившись в предприятие, наука и со знанием стала обращаться, как это положено с товаром: создавая монополии, играя на конкуренции, скрывая информацию, искусственно создавая ‘редкость’. Наука уже вовсе не ускользает от экономики, она стала новым полем экономической брани. Эти тенденции особенно усилились с 90-х годов и, скорее, всего не случайно» [171, с. 235]. Указанные тенденции отмечает и В.Г. Федотова с соавторами: «...сегодня наука приватизируется, продается, скупается и испытывает все превратности прежних производительных сил» [241, с. 455].

Итак, наука и производство идей оказались вовсе не так неподатливы капитализации, как это представляется некоторым марксистским исследователям. «Субстанционально капитал характеризуется затраченным трудом, сегодня включающим и труд умственный» [241, с. 456]. Продукты подчиненного капиталу интеллектуального труда довольно легко подпадают под действие частного права. Правовая же защита интеллектуальной собственности – не менее грозное оружие, применяемое капиталом для собственного воспроизводства, чем юридическая защита какой-либо «опредмеченной» («овеществленной») формы собственности, и обеспечить такую защиту, превращая способности, знания, навыки и умения индивида в «человеческий капитал», не труднее, чем предотвратить обычные кражи [171, с.237].

Тем более не стоит переоценивать в становлении коммунистического («посткапиталистического») общества значение «автоматизированного производства». Как доказывает экономист И. Ставинский, автоматизация и роботизация производства могут успешно разрешить многие противоречия капиталистического способа производства без изменения общественного строя как такового, но лишь поспособствовав переходу капитализма на новую (более прогрессивную) ступень своего развития. Суть метаморфозы заключается в том, что капитал из «частного» превратится в «общественный», т.е. «изменится только форма управления капиталистическим производством без всякого ущемления прав капиталистов на их собственность и на получение прибыли» [234, с. 107].

Опустим пока доводы И. Ставинского, касающиеся возможности «общественного» капитала решить такие хронические болезни капитализма, как безработица, кризисы перепроизводства и т.д. и т.п. Важен другой аспект, а именно наличие эксплуатации труда и деления общества на классы. Как утверждают некоторые марксистские исследователи «автоматизация производства» устраняет эксплуатацию труда, частную собственность на средства производства, а следовательно, деление общества на классы. Напротив, И. Ставинский убедительно показывает, что автоматизация и роботизация производства вполне совместимы со всеми этими явлениями капитализма, для чего лишь нужно сменить «частную» форму капитала на «общественную». Последняя устраняет товарное обращение внутри самой себя. Рыночные связи перестают существовать, «их заменяют прямые технологические связи между производящими предприятиями всего общественного капитала» [234, с. 114]. Таким образом, частные капиталы больше не будут противостоять друг другу на рынке, они больше не будут конкурировать и вступать друг с другом в товарно-денежные отношения. Капиталисты превратятся в акционеров, получающих прибыль пропорционально их доли участия в «общественном» капитале, но только в случае реализации конечного продукта – предметов потребления. Границы

между классами от этого не только не исчезнут, но станут гораздо более явными и четко определенными.

Многое из того, что предлагает И. Ставицкий в качестве мер «спасения» и «оздоровления» капитализма, уже воплотилось в жизни современного общества. Однако мы принципиально не согласны с автором модели «общественного» капитала в том, что речь идет о мерах, согласующихся с духом и законами капитализма.

Сейчас же заключим следующее: идея «автоматизированного производства» как главного фактора перехода капитализма к коммунизму не выдерживает критики, а потому такой социальный прогноз очень проблематично назвать достоверным.

3.2. Формационная теория, культурологический детерминизм и цивилизационный подход

Если более внимательно присмотреться к концепциям некоторых современных марксистов, то можно обнаружить в них нарушение принципа исторического монизма, соскальзывание к многофакторному подходу и эклектичность теоретических выводов и исторических прогнозов. По существу, их позиция сближается с воззрениями авторов, заявляющими, что «XIX в. был веком геополитики, XX – геоэкономики», а «XXI в. предстоит стать веком геокультуры» [168, с. 59]. Иначе говоря, каждый переход к следующей исторической эпохе знаменуется сменой детерминирующего фактора общественного развития.

Указанный недостаток, на наш взгляд, имеют и те попытки марксистских исследователей, в которых формационная теория совмещается с принципом культурологического детерминизма. В частности, утверждается, что К. Маркс под коммунистическим обществом («царством свободы») подразумевал такое, в котором «базисом» уже будет не экономика, а культура [174]. Раз так, то «в

самом общем виде социализм и есть идея общества, живущего по законам культуры, отдающего им приоритет перед экономическими и политическими законами» [188, с. 60]. Из сказанного можно заключить следующее: во-первых, «базис» общества не есть «величина постоянная», а представляет собой переменный фактор; во-вторых, коммунизм (социализм) есть общество, «базисом» которого является культура; в-третьих, смена «базиса» есть результат «волевого» решения, принятого самим обществом, т.е. никаких законов общества как объективных (независящих от сознания людей) связей на самом деле не существует.

Однако любопытен сам механизм трансформации экономического «базиса» в культурный. Оказывается, по мере превращения науки в главную производительную силу экономика будет поглощаться культурой, пока полностью не растворится в последней. А втиснуть культуру в прокрустово ложе законов рынка не представляется возможным. «Частная собственность на средства материального производства не распространяется на воплощенное в них научное знание, что и отличает его от стоимости – сгустка абстрактного труда, измеряемого всего лишь рабочим временем. Можно приватизировать электростанцию, но нельзя приватизировать теорию электричества. Она, как и любое другое научное знание, принадлежит каждому» [188, с. 62]. Понятно, что по этой логике, если доля научного знания в средствах материального производства будет постоянно возрастать, то постоянно будет сокращаться сфера общественных отношений, охватываемых и регулируемых институтом частной собственности и законом стоимости. Наконец, настанет момент, когда эта сфера общественных отношений совсем исчезнет, а вместе с ней канут в прошлое и частная собственность вместе с законом стоимости.

На первый взгляд все это кажется вполне убедительным. Но как тогда объяснить существование патентов, авторского права, платного образования, грантов? Разве эти факты не свидетельствуют о том, что коммерциализация есть удел не только собственно экономики, но и всех остальных сфер жизнедеятельности современного общества, включая культуру? И разве не

было уже доказано советскими философами, что «культурный фетишизм» по своей природе ничем не отличается от «товарного» [161, с. 142]?.

«Культурный фетишизм» идет рука об руку с «товарным фетишизмом», а последний – с «фетишизмом техническим, научным, информационным» [195, с.498]. Иначе говоря, «культурный фетишизм» есть обратная сторона «технического фетишизма», поскольку оба они суть лишь формы «товарного фетишизма». Культура же, превращенная в «фетиш», не может нести в себе никакого освободительного потенциала, а, напротив, служит орудием духовного закрепощения человека, подчинения его интересам капитала. Все это уже было известно представителям Франкфуртской школы. Сегодня эти идеи развивают С. Жижек [116, с. 162], З. Бауман [27, с. 120] и другие исследователи, отмечающие, что современные люди превратились в потребителей «субъективных переживаний» и «коллекционеров ощущений».

Сторонники культурологической интерпретации теории К. Маркса считают, что духовная деятельность не может быть подчинена законам рынка. Но социальная практика, к сожалению, нам говорит о другом. Современное искусство, например, давно уже функционирует по закону стоимости, хотя это и негативно отразилось на качестве самих произведений. «Труд художника сам по себе ничего не стоит, – пишет известный художник и искусствовед М.Кантор, – но, проходя через соответствующие инстанции (мнение галереи, рекомендации кураторов, сертификаты музеев), он превращается в товар. Причем каждая из инстанций имеет свой материальный интерес и, соответственно, повышает товарную стоимость изделия. Так пальто, сшитое сербскими наемными рабочими, увеличивает товарную стоимость, если его скроили в Венгрии, пришили к нему английскую бирку, а продают в России. Трудовой процесс, как правило, занимает минуты: прибить палочку, сфотографироваться обнаженным, закрасить квадратик. Однако сопутствующая деятельность (организация и презентация выставок, реклама, пресса, транспорт, страховка, каталоги, фильмы и т. п.) требует огромных денег, и стоимость этого процесса входит в совокупную цену произведения» [140]. Таким образом,

современное искусство представляет собой хорошо налаженную индустрию, имеющую разветвленную и сложную инфраструктуру, глубокое разделение труда и строгие стандарты. Нет никаких сомнений, что потребительная стоимость произведений такого искусства, как правило, невелика, а настоящих шедевров среди них, быть может, и нет совсем. Но отсюда тем более не следует, что такое искусство может каким-либо образом бросить вызов существующему капиталистическому порядку. «Инсталляции Дамиена Херста стоят дороже, чем картины Петрова-Водкина или Модильяни, бессмысленный холст Джексона Поллока стоит больше, чем великий холст Рембрандта, – и это происходит ровно потому же, почему пенсии дешевле, чем обед в ресторане» [140].

Не лучше обстоят дела и в науке. В этой связи уместно привести следующую пространную цитату В. Цаплина, которая, как нам кажется, не оставляет никаких иллюзий по поводу освободительной миссии науки в частности и культуры вообще в ближайшем или каком-то отдаленном будущем: «Любой вид человеческой деятельности, в том числе и «познавательно-информационный», протекает в рамках определенной материальной структуры. И совершенно ниоткуда не следует, что распоряжение этой структурой со всеми вытекающими последствиями не будет носить тот же частнособственнический характер, что и ныне. Как и раньше, капитал будет покупать людей – носителей знаний и информации либо непосредственно, либо опосредованно, через право владеть инфраструктурой производства и приложения знаний и информации. Ученый не сможет работать без лабораторного оборудования и помещения, которыми будет владеть не он и, следовательно, не он же будет распоряжаться результатами. Единственное, что ему доступно, – пытаться как можно выгоднее продать свои знания, но это не повлияет на возможность распоряжаться результатами. Владение знаниями оторвано от распоряжения инфраструктурой развития знаний и их приложения» [256, с. 185].

Кроме того, не выдерживают критики и представления о «сервисной экономике» как экономике, основывающейся на совсем иных принципах организации труда, нежели экономика индустриальная. В частности, концепция макдональдизации американского социолога Дж. Ритцера демонстрирует, что рано говорить о закате эпохи фордизма, поскольку последний не только не ослаб, а распространился на сферу услуг, превратившись в «макдональдизм» (термин является производным от названия глобальной сети ресторанов быстрого питания) [214, с. 192, 497-499]. Особо выделим такой принцип макдональдизма, как «просчитываемость», опровергающий тезис о том, что производство услуг не поддается измерению рабочим временем, а потому закон стоимости якобы перестает здесь действовать [215, с. 76-78, 222-255]. Заметим, что речь идет не только о трудоемких секторах экономики с низкоквалифицированным персоналом, но и таких сферах, как здравоохранение, наука и образование, повышение значимости которых Д. Белл [31, с. 19] считал верным признаком становления «постиндустриального» общества.

Эмпирические данные и приведенные выше критические суждения заставляют нас признать культурологическую версию Марксовой теории идеалистической. Она не только не согласуется с реалиями жизни современного общества, но и противоречит материалистическому пониманию истории. Поскольку в ее основе лежит принцип культурологического детерминизма, то отсюда с логической необходимостью следует, что этот принцип несовместим с формационной теорией.

Вообще, в доводах сторонников культурологического детерминизма улавливается неявное предубеждение, что экономика и труд, вовлеченных в нее людей, несут на себе клеймо чего-то непристойного, низкого и постыдного. Каким-то странным образом получается, что причиной всех общественных зол (эксплуатации, деления на классы и т.д.) является труд непосредственных производителей материальных благ сам по себе, который поэтому требуется искоренить. Вероятно, это связано с тем, что производительный труд в

антагонистических обществах всегда был, во-первых, уделом эксплуатируемых классов, а во-вторых, как правило, был трудом физическим, находившимся в подчинении труду интеллектуальному, а потому непроизводительному. Однако проблема разделения труда на интеллектуальный (непроизводительный) и физический (производительный) решается марксистскими авторами, разделяющими принципы культурологического и технологического детерминизма, односторонне: интеллектуальный (непроизводительный) труд сохраняется, а физический (производительный) труд должен исчезнуть. Когда это произойдет, тогда и восторжествует коммунизм («посткапиталистическое» общество).

Интересно, что марксистские авторы, мечтающие об освобождении производительного труда от капитала посредством «постиндустриальных» технологий, максимально сближаются с теоретиками постиндустриализма и постмодернизма, неумолимо желающих избавить капитал от «тягот» производительного (физического) труда. Разница лишь в понимании того, когда или при каких условиях это произойдет. «Творческие» марксисты, например, уверяют, что «постиндустриальные» технологии адекватны лишь типу общественных отношений, присущих коммунистической формации («царству свободы») [44]. Авторы же концепций постиндустриализма и постмодернизма убеждены в том, что это произойдет и уже происходит в так называемом «постиндустриальном» («информационном», «постэкономическом» и т.д. и т.п.) обществе, причем в угоду собственно капиталу, а не вопреки ему. В «постиндустриальном» обществе на смену индустриальному капитализму приходит «культурный» («когнитивный» и т.п.) капитализм. Последний больше не испытывает потребности в производительном труде, поскольку источник прибыли теперь переместился из сферы материального производства в сферу непроизводительного потребления, в сферу досуга. Это дает право, например, «гуру» постмодернизма Ж. Бодрийяру провозгласить конец труда и производства. Но, как учтиво, с еле скрываемой иронией добавляет

французский философ, «это делает сам капитал. Именно он отменяет детерминированность общества способом производства» [38, с. 54].

Мир постмодерна, где труд умер, а капитал торжествует, представляет собой апокалиптическое зрелище. То, каким он грезится его провозвестникам, на наш взгляд, очень точно передал А.У.Гоулднер: ««Поп-арт» объявляет, что пришел конец различию между высоким искусством и рекламой... Члены мафии становятся бизнесменами, а полицию иногда трудно отличить от хулиганов, разве что по форме; гетеросексуальность и гомосексуальность некоторые начинают рассматривать как различие, сходное с различием, существующим между праворукостью и леворукостью; телевизионные программы становятся дефиницией реальности. Антигерой делается героем. Некогда установившиеся иерархии ценностей и достоинств поколеблены, и священное и профанное теперь смешалось в гротескной близости» [96, с. 443-444].

Конечно, как показывает С. Жижек, постмодернистский дискурс является, хоть и очень изощренным, но всего лишь одним из диалектов, на котором сегодня говорят идеологи «капитализма без трений». В свете же господствующей ныне в мире идеологии «...работа сама по себе (ручной труд в противовес «символической» деятельности), а не секс становится тем непристойным пространством, которое следует скрывать от глаз общества» [116, с. 164-165]. Показательно, что «если взять все голливудские фильмы, то производственный процесс во всей его интенсивности мы сможем увидеть лишь тогда, когда герой проникает в секретную область преступного бизнеса, туда, где размещена активная рабочая сила (очистка и упаковка наркотиков, производство ракеты, которая должна уничтожить Нью-Йорк...)» [117, с. 89]. Цель проникновения героя в это криминальное подполье заключается в уничтожении места производства. Только так западный (а теперь и российский) обыватель может вновь обрести спокойствие в мире, где нет работы.

«Постмодернизм, безусловно, является логикой действия глобального капитала», – уверяют А. Негри и М. Хардт [252, с. 148]. По словам же

З.Баумана, «постмодернизм – это одно из многих возможных толкований постсовременной реальности – всего лишь выражает кастовый опыт глобалистов – шумной, решительно заявляющей о себе, влиятельной, но относительно узкой группы «экстерриториалов» и «глобтроттеров». Он не учитывает и не выражает иных разновидностей опыта, которые также являются неотъемлемой частью постсовременного пейзажа» [27, с. 142-143]. Но раз так, то именно в глобальном характере капитала необходимо искать ключ к разгадке постмодернистской тайны смерти труда. «Основная интуиция заключается в том, – пишет С. Жижек, – что «культурный капитализм» – это не целостность; чтобы понять его во всей полноте, нужно включить оба полюса, то есть производство культурных переживаний и «действительное» материальное производство. Для «позднего капитализма» характерен разрыв между производством культурных переживаний, как таковым, и его (отчасти скрытым) материальным базисом, между Спектаклем (театрального переживания) и его тайным сценическим механизмом; материальное производство вовсе не исчезает, а наоборот, сохраняется, становясь опорным механизмом сценического производства» [116, с. 165].

«Культурный» капитализм – лишь верхний слой многослойного пирога, чья начинка содержит все те же ингредиенты индустриального капитализма, «вкус» которого был хорошо знаком еще К. Марксу. Суть процесса, широко разрекламированного постмодернистами и теоретиками постиндустриализма как переход к постиндустриальному обществу или эпохе постсовременности, на самом деле заключается в деиндустриализации стран Запада посредством одновременной индустриализации развивающихся стран. Сфера материального производства, переносимая в развивающиеся страны, таким образом, географически отрывается от сферы потребления, остающейся на прежнем месте. Поскольку это влечет за собой удешевление производства, то автоматически расширяется и сфера потребления в странах развитого капитализма, создавая видимость процветания там «постиндустриального» общества.

Сегодня, похоже, эпоха «постиндустриализма» на Западе близится к завершению. И вовсе не потому, что культура, включая науку, выбивается из-под власти капитала, а по совсем прозаичной для капиталистического способа производства причине – рабочая сила в развивающихся странах, в частности в Китае, утрачивает свою былую привлекательность, заключающуюся в ее чрезвычайно низкой стоимости. Поэтому в США, например, на повестке дня стоит вопрос о реиндустриализации экономики страны [293].

В свете обозначенных тенденций нам кажутся необоснованными рассуждения видных представителей «творческого» марксизма о том, что «царство свободы» человечество обретет на «постиндустриальном» общественном «базисе». Причем данные высказывания делаются наряду со справедливой критикой позиции, согласно которой «...само по себе развитие технического прогресса и сокращение рабочего времени приведет к все большему прогрессу «пространства культуры», равно коммунизма, как бы незаметно и неявно все более и более вводя граждан Запада в мир царства свободы» [47, с. 239]. «Творческие» марксисты прекрасно осознают, что за рассуждениями об «автоматическом» становлении «царства свободы» благодаря расширению «пространства культуры» скрывается установка на признание легитимности существующего капиталистического строя, смирение со сложившейся ситуацией. Но критика такого дискурса была бы последовательной, если бы не допускала смешения формационной теории с идеями постиндустриализма. Как нам кажется, «творческим» марксистам не всегда удается избежать этого. Так, например, утверждается, что «законы классического индустриального капитализма не должны и не могут действовать в том виде, в каком они описаны в «Капитале»», и среди прочих причин этого называется начавшаяся «постиндустриальная революция» [48, с. 249]. Соскальзывание к риторике постиндустриализма является, на наш взгляд, слабой стороной «творческого» марксизма.

По-видимому, видные представители «творческого» марксизма не совсем верно интерпретирует мысль К. Маркса о «царстве свободы». Да, в третьем

томе «Капитала» классик пишет, что «царство свободы ... лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». Но отсюда вовсе не следует, что последнее должно исчезнуть или перестать быть «базисом» общества, а ведь все эти спекуляции на тему «постиндустриальных» технологий как раз отрицают основополагающую или определяющую роль материального производства в будущем обществе. Между тем К. Маркс подчеркивал, что «...истинное царство свободы ... может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [170, т. 25, ч. 2, с. 387].

И.А. Гобозов, обращая внимание на сокращение занятости в сфере материального производства, вместе с тем справедливо возражает тем обществоведам, которые данную тенденцию воспринимают как переход к постэкономическому обществу. Значение экономики, отмечает он, определяется не количеством занятых в ней людей, а ее функциональной ролью – удовлетворять первичные человеческие потребности. Человеческая природа в этом смысле неизменна, а потому именно производство материальных благ будет оставаться детерминирующим фактором общественного развития и на всех последующих стадиях [89, с. 19]. С таким взглядом на место и роль материального производства в обществе полностью солидаризируются и другие крупные марксистские исследователи, выражающие при этом свое категорическое несогласие с подходом «творческих» марксистов, девальвирующим ценность материального производства в современном обществе [125, с. 10-11].

Добавим к сказанному, что масштаб сокращения занятости в сфере материального производства теоретиками постиндустриализма сильно преувеличивается. Более того, если сравнить доли работающих в мировом промышленном производстве в начале XX века и начале XXI века, то окажется, что действительно произошли некоторые изменения, но не в сторону уменьшения, что соответствовало бы логике постиндустриалистов, а, напротив, в сторону некоторого роста [207, с. 144].

Итак, разгадать тайну «постиндустриального» общества не составляет большого труда. Для этого исследователю нужно освободиться от шор так называемой «контейнерной» теории общества, мешающих увидеть взаимосвязь социальных процессов в глобальном мире [30, с. 48-49; 164, с. 169]. Но к этому его может побудить принцип материалистического монизма, а не культурологический детерминизм.

Между тем весьма плодотворной для целей социального прогнозирования нам представляется инициированная «творческими» марксистами дискуссия вокруг проблемы соотношения формационной теории и цивилизационного подхода. Дело в том, что некоторые видные марксисты считают, что эти два подхода дополняют друг друга, оставляя при этом приоритет за формационной теорией [85, с. 124-125; 147, с. 152; 148, с. 120]. Напротив, «творческие» марксисты утверждают, что никакого «обогащения методологии» в случае обращения к цивилизационному подходу не происходит. Камнем преткновения в данном научном споре стала оценка исторического статуса института рынка.

Здесь, нам кажется, уместно сделать небольшое историческое отступление и обратиться к другой острой научной дискуссии, развернувшейся в 1960-е гг. между так называемыми «товарниками» («рыночниками») и «антитоварниками». Первые считали, что рынок и социализм совместимы; вторые выступали категорически против этого тезиса [107, с. 231-242]. В названной дискуссии приняли участие не только экономисты, но и философы, в частности Э.В. Ильенков [130, с. 414-424].

Спор о природе товарного производства означал нечто большее, чем просто схоластические упражнения в области политэкономического знания. Это была битва за диалектический метод К. Маркса. Отношение к логике «Капитала» определяло позицию исследователя и по всем другим сугубо специальным вопросам. Так, данная дискуссия выявила обратную корреляцию между отношением к диалектической логике и отношением к товарному производству. Исследователи, подчеркивающие непреходящее значение диалектической логики, отрицали внеисторичность товарного производства.

Напротив, исследователи, отрицавшие непреходящее значение диалектической логики, подчеркивали внеисторичность товарного производства. Таким образом, в советской политэкономической науке возникла проблема выбора между универсальностью законов диалектики и универсальностью законов товарного производства.

Дискуссия между «товарниками» и «антитоварниками» не привела к корректировке экономического курса. Советская экономика продолжала спокойно дрейфовать на волне своих былых успехов в сторону безбрежного океана товарно-денежных отношений, пока ее полностью не захлестнула стихия рынка, утопив слабые ростки коммунистических отношений. Таким образом, историческая катастрофа советской экономики доказывает правоту «антитоварников».

Драма советской политической экономии заключалась в отказе ее генерального направления от диалектики в пользу эклектики. Так называемая «политическая экономия социализма» методологически все больше сближалась с западной неоклассической теорией (экономиксом), широко использовавшей описательный метод [107, с. 195]. Однако, по выражению С.С. Дзарасова, «если о неоклассической теории можно сказать, что она является утонченным и математически элегантным выражением самосознания буржуазии, то политическая экономия социализма представляла собой упрощенно-примитивное самосознание советской бюрократии» [107, с. 200]. Нечто похожее происходило и с советским «истматом», который, как и западная «академическая социология», стал ставить во главу угла проблему сохранения существующего общественного порядка, одновременно избавляясь от идеи его качественного преобразования [96, с. 504-531].

Постсоветские марксисты, выступающие за симбиоз формационной теории и цивилизационного подхода, напоминают советских политэкономов-«товарников» с тем лишь отличием, что в теоретических построениях первых рынок ассоциируется не с социализмом, а с цивилизацией. Рынок – атрибут цивилизации. Раз так, то рыночные отношения приобретают непреходящий

характер, они вечны и универсальны, что, конечно же, противоречит «формационной методологии». По словам А.В.Бузгалина, «...более 90% своей истории даже в классовом обществе экономика была по преимуществу не рыночной. Рынок стал одной из особенных, порожденных долгим историческим развитием специфических социальных форм организации производства совсем недавно» [46, с. 137].

Серьезная методологическая ошибка сторонников цивилизационного подхода заключается в том, что их представления о социальных институтах утрачивают историчность. «Цивилизационщики» абсолютизируют имеющиеся различия между институтами сравниваемых ими обществ или цивилизаций, воспринимают их как некие социокультурные инварианты, тогда как ничего неизменного нет. Любопытно, что мыслители, остающиеся приверженными классической философской традиции, расценивают такое выпячивание социокультурных различий как признак упадка философии [139, с. 16]. Напротив, авторы, справляющие «поминки по Просвещению», охотно принимают «плюралистский взгляд», согласно которому «...глубокое различие культур присуще всей истории человечества и является неискоренимой чертой многих современных обществ, точнее сказать, их большинства» [97, с. 268].

Представители цивилизационного подхода нередко упрекают формационную теорию за ее методологическую индифферентность к вопросу о цивилизационной специфике исторического процесса, за то, что категория общественно-экономической формации игнорирует культурное многообразие, или вариативность, общественного развития. Между тем предметом анализа в формационной теории являются не только межформационные переходы и различия, но и внутрiformационные, что, в частности, нашло выражение в разработанном М.А. Баргом «принципе предельности». Этот принцип предполагает наличие широкого «спектра» внутрiformационных разновидностей общественного развития [25, с. 42].

При ближайшем рассмотрении проблемы цивилизационной специфики выясняется, что «...большая часть «специфических черт» современных

восточных и европейской цивилизаций оказывается обусловлена уровнем и историческими условиями перехода от той или иной формы добуржуазных социально-экономических отношений к той или иной форме буржуазных (о различиях западноевропейского, китайского, индийского, арабского и т.п. типов добуржуазных формаций, равно как и о различных моделях капитализма марксисты написали горы текстов, хотя эта тема, конечно же, далека от исчерпания)» [46, с. 139-140].

В работах отечественных «цивилизационщиков» российская история нередко мистифицируется, причем настолько, что это граничит с отказом признать полноценными иные культуры. Ни к чему другому, кроме как притупляющей разум великодержавной гордыни и крайне опасного для самих россиян шовинизма, это не может привести. Как точно подмечено «творческими» марксистами, считающиеся исконно русскими некие религиозно-этические ценности на самом деле являются общечеловеческими. Приписывая их только русским, мы просто закрываем глаза на факты, прощаемся с наукой и встаем на скользкую дорожку идеологических предрассудков и пропаганды. Сказанное относится не только к ценностям, но и социальным институтам (включая экономические и политические).

Социокультурная инаковость при более внимательном рассмотрении оказывается характеристикой определенной исторической стадии развития. Между обществами, находящимися на одной и той же стадии исторического развития, гораздо больше сходства, чем между различными стадиями одного и того же общества. «Если мы сравним Францию эпохи позднего феодализма, с одной стороны, с Россией конца XIX – начала XX в. (а это период, к которому принадлежит большая часть тех мыслителей, которых цитируют «русофилы»), а с другой – с современной Францией, то мы найдем гораздо больше общего между Францией XVII в. и Россией конца XIX в., чем между Францией XVII в. и Францией XXI в.» [50, с. 5]. Пользуясь терминами, предложенными И.М.Савельевой и А.В. Полетаевым, можно сказать, что вместо «синхронизации асинхронии» цивилизационного подхода «творческие»

марксисты настаивают на «десинхронизации синхронии» [222, с. 331]. Действительно, многое становится на свои места, если мы просто не будем забывать о неравномерности развития обществ. Впрочем, цивилизационный подход склоняет исследователей к тому, чтобы вообще отказаться от идеи исторического развития как такового.

Для диалектического способа мышления одинаково неприемлемо, как выпячивание особенного без учета того общего, на фоне которого это особенное проявляется, так и обесцвечивание, смешение всех красок и оттенков изучаемых объектов, стирание между ними всяких граней и различий. Единство общего и особенного образует единичное. Российская история есть единство всемирно-исторических (универсальных) и специфических закономерностей развития российского социума. На наш взгляд, «творческим» марксистам удалось выявить специфику российской истории. Она заключается в мучительно долгом и трудном переходе российского общества к капитализму. Этот переход, или трансформация, характеризуется частыми сбоями, прерываниями, попятными движениями, рецидивами добуржуазных («позднефеодальных») отношений, что демонстрирует и «сталинский проект», и постсоветский опыт реформирования России. «Незавершенность буржуазной трансформации» [50, с. 9] – таков «инвариант» последних двух столетий российской истории, но не российской истории вообще. Последний момент нельзя упускать из виду, если мы не хотим снова оказаться на рыхлой почве метафизики цивилизационного подхода.

В ходе дискуссии был вскрыт один из существенных изъянов в методологии цивилизационного подхода. Он проявляется в том, что «...цивилизационный подход вообще редко обращается к методологии каузальности, к поиску причин, закономерностей, сущностей, предпочитая описание конкретных исторических процессов при минимальной их генерализации на основе признаков, очевидных для обыденного сознания («здравого смысла»))» [46, с. 133]. Описательность, скольжение по поверхности,

рассуждения на уровне чувственной непосредственности суть то, чего не терпит диалектика, на которую опирается формационная теория.

Стремление диалектики проникнуть вглубь изучаемых процессов, раскрыть их сущность не имеет ничего общего с упрощением их восприятия, пресловутым редукционизмом. Так, А.В. Бузгалин, обращая внимание на нелинейность и дискретность перехода незападных обществ к капитализму, говорит о необходимости дальнейшего развития такого нового направления в социальной науке, как «диалектика мультисценарной эволюции» [49, с. 142]. Последняя предполагает изучение таких теоретико-методологических проблем, как «диалектика тупикового развития старых и новых систем», «диалектика регресса» и др. В данной методологической установке, как нам кажется, заключается огромный эвристический потенциал формационной теории, который сможет себя проявить не только при объяснении сложных перипетий российской и мировой истории в прошлом, но и в случае научного предсказания будущего.

3.3. Формационная теория и глобально-эстафетный принцип

Следует согласиться с А.Д. Майданским, что формационной теории не хватает логической строгости, поскольку для ее построения не был использован метод восхождения от абстрактного к конкретному. Все известные оговорки К.Маркса по поводу того, что его теория не претендует на правдивое отражение всей истории человечества, и прежде всего истории неевропейских обществ, указывают на то, что выводы, к которым пришел классик, получены с помощью индуктивного метода. Здесь, как нам представляется, кроется причина многочисленных и очень жарких научных дискуссий вокруг вопросов о количестве формаций в истории человечества и отдельных обществ, о существовании рабовладельческого и феодального способов производства в странах Востока и России, о месте во всемирной истории так называемого

«азиатского способа производства» и т.д. и т.п. [4; 5; 22; 273]. Если признать, что метод индукции был для К. Маркса основным способом познания исторической действительности, то понятно негодование историков, каждый раз находивших все новые и новые факты, опровергающие формационную схему. И если в период существования СССР советским историкам приходилось каким-либо образом с этим мириться и как-то к этому приспосабливаться, то после распада Советского Союза представители этого профессионального цеха стали как будто наперегонки сводить счеты с «давно» надоевшей им формационной схемой, побивая ее своим излюбленным и самым грозным оружием – «ползучим эмпиризмом» [98].

Среди немногих историков, пытающихся все-таки отстаивать позиции формационной теории, необходимо назвать Ю.И. Семенова – автора фундаментального труда «Философия истории» [224]. Немного современных исследований могут сравниться с этой работой по глубине и энциклопедичности содержания. В «Философии истории» Ю.И. Семенов выстраивает защиту формационной теории, очищая ее «ядро» (материалистическое понимание истории) от налепившихся на него вульгаризмов, связанных с формационной схемой.

Во-первых, это касается положения, что всякое общество (Ю.И.Семенов использует термин «социор») проходит через все стадии формационного развития. На самом деле во всей истории человечества не найдется ни одного общества, которое бы сменило хотя бы две формации. Так, например, западноевропейские общества знают только один межформационный переход – от феодализма к капитализму. Что касается рабовладельческой формации, то вместе с ее гибелью погибло и само общество.

Отсюда следует, во-вторых, что действием одних лишь внутренних (эндогенных) причин невозможно объяснить все межформационные переходы. Существуют также внешние (экзогенные) причины. Так, например, феодализм есть результат синтеза рабовладельческой формации разрушенного древнеримского общества и уже начавшей к тому времени разлагаться

первобытнообщинной формации древнегерманских обществ. Таким образом, исторический переход от одной формации к другой может быть обусловлен как внутренними, так и внешними причинами. В случае межформационного перехода, обусловленного внутренними причинами, мы имеем дело с «линейным» механизмом; в противном случае – с «эстафетным». Каждый из механизмов межформационного перехода за всю историю человечества срабатывал дважды: «линейный» – при становлении «древнеполитарной» и капиталистической общественно-экономических формаций; «эстафетный» – при становлении рабовладельческой (античной) и феодальной общественно-экономических формаций.

Значит, в-третьих, требуется отказаться от традиционного для советского обществознания «линейно-формационного» подхода, заменив его на разработанный Ю.И. Семеновым «глобально-формационный» подход. Последний учитывает не только «линейный» механизм (получивший в концепции название «эндогенной стадияльной трансформации») перехода от одной формации к другой (когда смена формаций происходит самостоятельно внутри отдельного общества), но и «эстафетный» (когда переход от одной формации к другой представляет собой передачу исторической эстафеты от одного общества другому).

В-четвертых, в странах Востока и России никогда не было рабовладельческой формации и феодализма. Там до прихода капитализма существовал Марксов «азиатский способ производства», для обозначения которого Ю.И. Семенов предпочитает использовать термин «политарная формация».

В-пятых, СССР не был социалистическим обществом. Общественный строй в нем не претерпел существенных изменений в сравнении с дореволюционной Россией. Он оставался политарным по своей сути, но создал индустриальную материально-техническую основу. Поэтому советское общество было «индустрополитарным», или, что одно и то же, «неополитарным».

С некоторыми из высказанных замечаний мы можем согласиться. В частности, важно, на наш взгляд, признать, что ни один из «социоров» не проходил через все формационные стадии развития. Мы также разделяем тезис, что в СССР не был построен социализм. Вместе с тем, нам кажется, что предложенный «глобально-формационный» подход не является строго логическим, поскольку он не в меньшей степени обременен недостатками «односторонне-индуктивного способа обобщения» [132, с. 208], чем «линейно-стадиальный» подход. По словам Ю.И. Семенова, «выявить внутреннюю объективную необходимость любого реального процесса можно, лишь освободив его от той конкретно-исторической формы, в которой она проявилась, лишь представив этот процесс в «чистом» виде, в логической форме, т.е. таким, каким он может существовать лишь в теоретическом сознании» [224, с. 131-132]. Но сочетание в данной концепции сразу двух – «линейного» и «эстафетного» – принципов вызывает сомнения, что автору удалось достичь в ней желаемой «чистоты» и «свободы» от эмпирических форм. Более того, как нам представляется, методология «глобально-формационного» подхода нарушает принцип монизма, соскальзывает к дуализму. Постараемся это ниже показать.

«Линейный» принцип указывает на существование так называемых «межстадиальных» связей, а «эстафетный» – «межсоциорных». Задача исторической теории заключается в том, чтобы раскрыть закономерный характер межстадиальных переходов. Исторический монизм предполагает, что причина последних должна быть всегда одной и той же. Если руководствоваться «линейным» принципом, то причину перехода «социора» в следующую стадию развития необходимо искать внутри самого «социора»; если руководствоваться «эстафетным» принципом – то вне данного «социора». Ю.И. Семенов настаивает на том, что во всемирной истории попеременно действует то одна, то другая причина. Следовательно, не один, а два фактора суть причины межстадиальных переходов, что противоречит принципу исторического монизма.

Нас, в конечном счете, интересует прогностический потенциал предлагаемого подхода. Какой же прогноз дает «глобально-формационный» подход? Капитализм в странах Запада (так называемый «ортокапитализм») вступил в свою «позднейшую» стадию развития, характеризуемую абсолютным обнищанием и процессом разрушения «государства всеобщего благоденствия». У этой системы нет будущего. «Объективной необходимостью является смена его другим более прогрессивным общественным строем – коммунистическим» [224, с. 547]. Самостоятельно общества, где царит «ортокапитализм», осуществить межформационный переход не в силах. В этом им помогут страны периферийной зоны мирового капитализма – «паракапиталистическая периферия», т.е. в очередной раз во всемирной истории сработает «эстафетный» механизм межформационного перехода. Произойдет это посредством «глобальной классовой войны» (войны «глобальных классов»). Здесь опять же ощущается влияние дуализма, поскольку «глобальные классы» имеют два основания – 1) «социорную» идентичность и 2) «индивидуальную» принадлежность. Иначе говоря, действует «двойной принцип рекрутирования глобальных классов» [224, с. 615]. Правда, роль в рекрутировании «социорного» фактора все-таки выше, т.к. бедность в большей мере есть удел «паракапиталистической периферии», нежели «ортокапиталистического» Запада. Поэтому-то и возникает необходимость объединения периферии, причем первую скрипку в этом процессе должны будут сыграть лидеры крупнейших периферийных государств – России, Индии и Китая. Более того, поскольку «при материальной поддержке других периферийных государств российская наука способна обеспечить независимое от Запада развитие новейших технологий», постольку «позиция России является ключевой» [224, с. 622].

Возможны, по мнению Ю.И. Семенова, различные варианты развертывания «глобальной классовой войны». Два крайних из них – «пессимистический» и «оптимистический». В случае реализации «пессимистического» сценария периферия не объединится, а США установят

диктатуру над всем миром. И только исламистское движение еще будет способно сопротивляться, прибегая повсеместно к террористическим формам борьбы. Все это закончится крахом «ортокапитализма», но мир будет ввергнут в состояние, похожее на то, в котором оказалась Европа в результате падения Римской империи. «Если человечество даже и выживет, наступит всеобщее одичание» [224, с. 652].

«Оптимистический» вариант состоит в том, что страны периферии объединятся, образовав «вторую мировую систему». Как следствие, «исчезнет паракапитализм», а вместе с ним «рухнет глобальное классовое общество», а значит, «ортокапитализм» лишится необходимых для собственного воспроизводства ресурсов. «Уничтожение паракапитализма с неизбежностью приведет к крушению и ортокапитализма. Капитализм на земле перестанет существовать. Его сменит иной общественный строй» [224, с. 657].

Новый общественный строй – это коммунизм, характер производства и материально-техническую базу которого Ю.И. Семенов представляет себе примерно так же, как В.А. Вазюлин, А.Д. Майданский и другие марксистские исследователи: «...производство вещей окончательно превратится (а развитие ведет именно к тому) в автономный единый процесс, происходящий под контролем компьютеров, и во многом уподобится естественным, природным процессам...» [224, с. 658]. Но до момента полного торжества коммунизма рынок будет еще какое-то время выполнять вспомогательную функцию. Переходный период закончится и рынок исчезнет.

Попробуем разобраться в данном прогнозе. Сразу хотелось бы обратить внимание на признание автором исторической («объективной») необходимости коммунистической общественно-экономической формации, которая должна будет сменить капиталистическую. Другими словами, прогноз монистичен, а не плюралистичен, несмотря на формальную возможность реализации «пессимистического» сценария, которую нужно рассматривать как историческую случайность.

Однако монистический прогноз не согласуется с дуализмом «глобально-формационного» подхода. Действительно, как из «эстафетного» принципа можно вывести «объективную» необходимость становления коммунистической общественно-экономической формации? Думается, что такое умозаключение с логической необходимостью должно следовать только из «линейного» принципа.

Ю.И. Семенов в своем прогнозе невольно сближается с теми современными отечественными исследователями, которые утверждают, что «...социализм приходит на смену капитализма не изнутри капитализма по схеме Маркса, а извне его, рождаясь из общинных оснований цивилизаций «Востока», в том числе в России» [237, с. 434]. Такова, например, позиция А.И.Субетто, который вслед за С.Г. Кара-Мурзой [143, с. 196-200] разделяет теорию накопления капитала Р. Люксембург, отрицавшей саму возможность существования расширенного капиталистического воспроизводства без эксплуатации некапиталистической периферии.

На наш взгляд, если «социор», как на том и настаивает сам Ю.И.Семенов, представляет собой «исторический организм», следовательно, у него есть своя история, а значит, и внутренняя причина исторического развития. Знания этой внутренней причины вполне достаточно для того, чтобы проникнуть в закономерности развития «социора». По отношению к развитию «социора» все «межсоциорные» связи будут носить внешний, или случайный, характер.

Но как же тогда быть с тем фактом, что не один из «социоров» в своем развитии не проходил через все известные общественно-экономические формации? Выйти из этого затруднительного положения вряд ли удастся, если продолжать руководствоваться «односторонне-индуктивным способом обобщения», с помощью которого и было получено понятие «социора». Между тем диалектика всеобщего, особенного и единичного дает нам ключ к разгадке данной головоломки. Прежде всего, понятие «социор» фиксирует в себе то *единичное*, что присуще *обществу вообще*. Следовательно, нет такого «социора», который хоть в чем-то не отличался от другого «социора». Однако

при всех имеющихся различиях «социоры» должны иметь в себе нечто общее, что позволяет о них говорить именно как о «социорах». Это есть *всеобщее*, выступающее по отношению к отдельным обществам в качестве *субстанции* [132, с. 281]. Говоря словами Гегеля, «всеобщее есть поэтому *свободная* мощь; оно есть оно же само и охватывает собой свое иное, но не как нечто *насильственное*, а как то, что в этом ином скорее покоится и находится *при самом себе*» [77, с. 553]. Связующим звеном между *всеобщим* и *единичным* служит *особенное*, которое одни «социоры» делает типологически схожими, а другие – типологически различными. В формационной теории типологические сходство и различия отражаются в понятии «общественно-экономическая формация».

Стоит особо подчеркнуть, что речь идет о диалектике всеобщего, особенного и единичного *общества вообще*, понимаемого как *конкретно-всеобщее*, а не отдельно взятого, эмпирически определяемого общества («социора» в терминологии Ю.И.Семенова). «Теория (т. е. логическое, систематически развитое понимание предмета в отличие от простого описания его), – писал Э.В. Ильенков, – отражает ведь именно всеобщие, инвариантные формы и законы исторического существования своего объекта – те его конкретные формы и законы, которые продолжают характеризовать данный предмет на всем протяжении времени от рождения до его гибели. Эти конкретно-всеобщие, т. е. конкретно-исторические, «параметры» объекта и есть, собственно, то, что единственно и интересует теоретическую мысль» [132, с. 245]. Понятие «социора» не вполне соответствует требованиям, предъявляемым научной теорией всемирной истории к своему предмету в том смысле, что «наука все же исследует один и тот же предмет, хотя и на разных ступенях его исторической зрелости. Если это другой предмет, то нужна и другая наука» [132, с. 245]. При подходе же, предметом которого становится *общество вообще*, интерес к «межсоциорным» связям ослабевает, а «эстафетный» принцип утрачивает познавательную ценность по мере восхождения от абстрактного к *конкретно-всеобщему*.

3.4. Формационная теория и мир-системный анализ

Одним из идейных источников рассмотренного выше глобально-формационного подхода (помимо собственно формационной теории К.Маркса), в котором именно «межсоциорные» связи приобрели особую важность, является мир-системный анализ (МСА). Это направление в социальных науках, выступающее за их интеграцию, возникло в начале 1970-х годов как итог основных обществоведческих дискуссий, разгоревшихся после Второй мировой войны: 1) вокруг концепции «ядро-периферия», разработанной Экономической комиссией ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) во главе с аргентинским экономистом Раулем Пребишем; 2) на тему «азиатского способа производства» К. Маркса; 3) о путях перехода от феодализма к капитализму; 4) по поводу концепции «тотальной истории» французской школы Анналов [64, с. 65-66].

Концепция «ядро-периферия» опровергала догму экономической ортодоксии, приписываемую Давиду Рикардо, об имеющихся у всех участников международного разделения труда «сравнительных преимуществах», позволяющих им тем самым получать максимальную выгоду. Р. Пребиш со своими единомышленниками доказывал, что в международном разделении труда не существует равенства. Поэтому преимущества от международной торговли («добавочная стоимость») достаются экономически сильным странам «ядра». Экономически слабые страны «периферии», напротив, терпят убытки. «...Интернационализируется общество потребления, а интернационализация производства наталкивается на серьезные препятствия» [208, с. 49]. Это значит, что экспорт промышленных товаров беспрепятственно осуществляется только в одном направлении: из стран «ядра» в страны «периферии». Следовательно, никакой свободной международной торговли в реальной действительности не существует.

Впрочем, было бы совершенно несправедливо обвинять в распространении моральной безответственности именно Д. Риккардо. Достаточно обратиться к его «Началам политической экономии и налогового

обложения», чтобы убедиться в прямо противоположном. Д. Рикардо, ссылаясь на Адама Смита, с прискорбием отмечал, что в реальной практике современной ему международной торговли полной свободы нет, поскольку метрополии проводят политику дискриминации во внешней торговле со своими колониями. «В своих замечаниях о колониальной торговле Адам Смит показал самым удовлетворительным образом все выгоды свободной торговли и всю несправедливость, которую терпят колонии вследствие того, что метрополия мешает им продавать свои продукты на самом дорогом рынке и покупать необходимые им фабрикаты и материалы на самом дешевом» [213, с. 297].

Концепция «ядро-периферия» открывала новые эвристические возможности в осмыслении положения и траектории движения развивающихся стран. Она послужила появлению «теории зависимости». Определение «зависимости» дал бразильский социолог Теотоньо душ Сантуш в работе «Структура зависимости» (1970): «Под зависимостью мы подразумеваем положение, при котором состояние экономики той или иной страны определяется развитием и расширением другой экономики, с каковой она непосредственно взаимодействует» [111, с. 84]. Зависимостью развивающихся стран от развитых капиталистических объяснялись «отсталость в развитии» (Селсо Фуртадо, 1964), «неравное развитие» (Самир Амин, 1976), «развитие недоразвитости» (Андре Гундер Франк, 1966). Заметим, что крупные теоретики зависимости (С. Амин и А.Г. Франк) позднее стали ключевыми фигурами в МСА.

Дискуссия об «азиатском способе производства» посеяла сомнения (на наш взгляд, необоснованные) в способности формационной теории дать удовлетворительное универсальное объяснение разнообразию форм общественно-исторического развития.

Не менее важную роль в становлении МСА сыграл спор в отношении причин перехода от феодализма к капитализму, зачинщиками которого были два экономиста-марксиста – Морис Добб (Великобритания) и Пол Свизи (США). М. Добб и его сторонники решающее значение придавали внутренним

факторам (классовые отношения, структура производства); П. Свизи и его сторонники – внешним (внешняя торговля) [64, с. 70]. Данная дискуссия имела серьезные методологические последствия. Во-первых, экономистами была осознана необходимость сближения экономической и исторической науки. Во-вторых, экономистами был поднят вопрос о том, что считать объектом макроэкономического анализа (отдельно взятую страну или более обширный географический ареал, связывающий разные страны в единое экономическое пространство).

Наконец, решающий вклад в становление МСА внесла французская историческая школа «Анналов». Школа возникла еще в 1920-е гг. Ее отцы-основатели Люсьен Февр и Марк Блок поставили перед собой и своими учениками грандиозную задачу создать «тотальную» историю, которая освещала бы все грани исторического бытия человека. Реализовать эту задачу без обращения к другим социальным наукам было просто невозможно. Поэтому и М. Блок, и Л. Февр ратовали за междисциплинарный подход [178]. Однако подлинный триумф школа «Анналов» испытала только после Второй мировой войны, когда ее возглавил выдающийся историк XX века Фернан Бродель. «Эра Броделя ознаменовалась научной и институциональной борьбой с разобщенностью общественных наук» [64, с. 72]. Впрочем, сближение осуществлялось не только с общественными науками. Например, еще при написании первой своей крупной работы «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949), принесшей автору мировую известность, Ф. Броделю потребовались знания и естественно-географических дисциплин. Дело в том, что первая часть его исследования была посвящена «истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой» [42, с. 20]. Связано это было с тем, что исторические изменения происходят с неодинаковой скоростью на разных уровнях человеческого бытия. Иначе говоря, историческое время структурировано. Ф. Бродель выделил три уровня исторического времени: 1) географическое время; 2) социальное время; 3) индивидуальное/событийное время. Каждый из уровней требовал особого

рассмотрения, что и было последовательно осуществлено автором в трех частях его книги. Упреждая замечания критиков за «панорамный взгляд», Ф. Бродель писал следующее: «Может быть, история не столь уж безоговорочно осуждена возделывать сады, прочно огражденные высокими стенами. Ведь иначе она не сумеет приблизиться к достижению одной из своих нынешних целей, к решению сегодняшних насущных задач, к поддержанию контактов с такими молодыми, но столь бурно развивающими науками о человеке» [42, с. 21-22]. Основание в 1962 году в Париже «Дома наук о человеке», который возглавил Ф. Бродель, свидетельствует об успехе школы «Анналов» в этом деле.

Уже, будучи руководителем «Дома наук о человеке», Ф. Бродель публикует свою самую знаменитую книгу – «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.» (1979). По словам видного отечественного методолога исторической науки Б. Г. Могильницкого, эта книга до сих пор является «...непревзойденным опытом создания на междисциплинарной основе глобальной истории» [178, с. 28]. В этом фундаментальном исследовании Ф. Бродель впервые вводит в научный оборот столь важное для МСА понятие «мир-экономика». Говоря о мире-экономике, учёный имел в виду вовсе не мировую экономику в целом, а «...экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определённое органическое единство» [41, с. 14]. Мир-экономика представляет собой географически дифференцированное экономическое пространство. «Центр, так сказать «сердце», соединяет все самое передовое и самое разнообразное, что только существует. Следующее звено располагает лишь частью таких преимуществ, хотя и пользуется какой-то их долей; это зона «блистательных вторых». Громадная же периферия с ее редким населением представляет, напротив, архаичность, отставание, легкую возможность эксплуатации со стороны других» [41, с. 32]. Что не менее важно, Ф. Бродель различал не только географические зоны экономического пространства, но и уровни мира-экономики (возможно, по аналогии со структурированием

исторического времени). По его твердому убеждению, «...существует не *одна*, а *несколько* экономик» [39, с. 33]. В связи с этим он обосновывает «*трехчастную схему*» экономики: 1) материальная цивилизация (материальная жизнь); 2) рыночная экономика; 3) капитализм. Экономическая наука, утверждал мэтр школы «Анналов», изначально пошла по неверному пути, замкнувшись на «прозрачных» реальностях рыночной экономики, но совершенно упустив из виду две другие, непрозрачные, зоны экономики. Самый низший пласт экономики – материальная цивилизация: «Это та элементарная «базовая» деятельность, которая встречается повсеместно и масштабы которой попросту фантастичны» [39, с. 34]. Поверх нее располагается рыночная экономика, где в свободной конкурентной борьбе производятся и обмениваются товары. Наконец, замыкает сверху экономику «иерархические социальные структуры» или монополии. Это и есть капитализм. Здесь не существует свободной конкуренции, следовательно, не действуют законы рынка. Поэтому Ф. Бродель противопоставляет капитализм рыночной экономике, называя первый «противорынком» [40, с. 220]. «Концепция Броделя и по форме и по существу была прямым ударом по позициям экономистов-классиков (включая Маркса), которые рассматривали рынок и капитализм как нечто единое», - утверждает И. Валлерстайн [64, с. 77].

Любопытно сходство «трехчастной схемы» Ф. Броделя с «морфологией экономической истории» О. Шпенглера [264, с. 509-542]. Согласно этой морфологии экономика имеет пирамидальный вид. В ее основании лежит сельская экономика. Посреди нее возникают города. Над ними нависают «мировые столицы», по отношению к которым все остальное превращается в «провинциальную» экономику. Сеть этих «мировых столиц» образует «мировую экономику» или капитализм. На вершине капитализма находится мир финансов, устанавливающий абстрагированную от реальной экономики диктатуру денег.

О. Шпенглер попытался дать объяснение структурным различиям экономики с точки зрения идеалистической по своей сути теории цивилизации.

В отличие от него Ф. Бродель никакой теории под свои категории не подводил. Как заметил Б.Г. Могильницкий, «Бродель не признавал существование теории, способной адекватно объяснить все многообразие исторической действительности с помощью какого-либо одного универсального принципа, материалистического или идеалистического по своей онтологической природе, сводящего это многообразие к определяющему действию какого-либо одного фактора. Поэтому в его исторической концепции первичной всегда была эмпирия, а теория вторичной» [178, с. 30]. Иначе говоря, и «трехчастная схема», и понятие «мир-экономика» выводились из многочисленных скрупулезно собранных и изученных историком эмпирических данных, а не были теоретически дедуцированы. По ходу своих исследований Ф. Бродель обращался за методологической поддержкой других социальных и гуманитарных наук. В то же время проводимый в исследовании принцип методологического плюрализма не означал, что автор умалял роль исторической науки в общественном знании. «Широко используя в своем исследовании методы других наук, Ф. Бродель неизменно оставался на почве истории, не превращаясь в экономиста или социолога» [178, с. 32].

Итак, школа «Анналов» в лице Ф. Броделя внесла крупный вклад в развитие междисциплинарного подхода. Однако принцип междисциплинарности или методологического плюрализма все-таки сохраняет междисциплинарные границы. В начале 1970-х гг. возникает МСА, который бросает вызов всем дисциплинарным стереотипам. Основоположником МСА стал выдающийся американский социолог И. Валлерстайн. Ему принадлежит фундаментальный трехтомный труд «Современная мир-система», первый том которого вышел в 1974 году. Позднее к нему присоединились уже знакомые нам А. Г. Франк, С. Амин, а также Дж. Арриги.

Рассмотренные выше обществоведческие дискуссии повлияли на определение объекта МСА. Этим объектом («единицей анализа», как выражается И. Валлерстайн) стала «историческая система». Была предложена и типология исторических систем: 1) мини-системы; 2) миры-империи; 3) миры-

экономики. При построении типологии исторических систем были учтены идеи, выдвинутые Р. Пребишем, Ф. Броделем, а также К. Поланьи. Последний выделил три формы экономической организации: 1) взаимность; 2) перераспределение; 3) рынок. Соответственно, каждому из типов исторических систем была свойственна определенная экономическая организация: мини-системам – взаимность; мирам-империям – перераспределение; мирам-экономикам – рынок [64, с. 74-75].

В своих многочисленных публикациях и выступлениях И. Валлерстайн неустанно опровергает автономность существования различных сфер общественной жизни (рынка, гражданского общества и государства). Он доказывает, что такие представления, являясь продуктом либеральной идеологии, не имеют ничего общего с реальной действительностью. Следовательно, неправомерно разделять изучение единого предмета по дисциплинарному принципу. «Но миросистемный подход нельзя назвать мультидисциплинарным, поскольку он не признавал за всеми этими дисциплинами права на интеллектуальное существование. Миросистемный анализ выработал свой собственный, единойдисциплинарный, подход» [64, с. 78-79]. В данном месте обнаруживается некоторое расхождение во взглядах между Ф.Броделем и И. Валлерстайном.

И. Валлерстайн и его единомышленники, конечно, отдавали себе отчет в том, что МСА «покусился на множество священных коров» [64, с. 79]. Поэтому они ожидали получить в ответ негативную реакцию со стороны тех, кто бдительно стоял на страже этих артефактов. Среди критиков МСА особого внимания заслуживают так называемые «номотеты-позитивисты». Вот что пишет о позитивистской критике сам И. Валлерстайн: «Номотеты-позитивисты считали, что миросистемный анализ имеет слишком повествовательный характер, его теории зиждутся на гипотезах, которые никто досконально не проверял. Более того, частенько они доказывали, что утверждения миросистемного анализа невозможно проверить, а поэтому они несостоятельны по своему существу. Частично такого рода критика касается недостатка (или

отсутствия) количественных методов анализа, частично сводится к недостатку (или отсутствию) упрощений, когда сложные явления представляются в виде простых и четких переменных. К тому же здесь можно разглядеть намек на привнесение ценностно-нагруженной подоплеки в аналитическую работу» [64, с. 79].

Приведем в качестве примера точку зрения одного из видных отечественных номотетов-позитивистов. «При всех успехах миросистемного подхода, постоянно расширяющемся фронте исследований, – пишет Н.С. Розов, – приходится признать, что собственно теоретическая составляющая (в смысле построения объяснительных и предсказательных теорий, по Гемпелю) остается в этом направлении еще весьма слабой. В частности, несмотря на тысячи страниц, сотни статей, десятки книг, посвященных отношениям ядра, периферии и полупериферии, до сих пор не установлены законы, необходимые и достаточные начальные условия для подъема или снижения страны в этой иерархии» [217, с. 290].

Впрочем, Н.С. Розов проявляет снисхождение по отношению к Ф.Броделю. Последний сформулировал так называемые «правила» мира-экономики, представляющие собой, по мнению критика, не более чем «эмпирические индуктивные обобщения». Однако от историка «...ожидать большего было бы неблагоприятно» [217, с. 290]. Более требователен Н.С.Розов к социологу И. Валлерстайну. «Но беда в том, что у Валлерстайна нет даже направленности на построение объяснительных и предсказательных теорий. Поэтому его талантливые, насыщенные и концептуально и фактуально работы (десятки книг и многие сотни статей) все-таки не выходят за рамки описательного, социологизированного исторического нарратива» [217, с. 291]. Таким образом, «теоретизация миросистемного подхода еще впереди» [217, с.291].

Из всех высказанных номотетами-позитивистами критических замечаний И. Валлерстайн соглашается только с одним, а именно с тем, что МСА не является теорией. В этом он, между прочим, видит одну из причин грядущего

падения МСА [63, с. 264]. Что касается упреков в нарративности, в стремлении к сложности, а не простоте, то во всем этом мэтр школы видит плюсы, а не минусы МСА. Конечно, в таком случае происходит разрыв с принципами классической эпистемологии. Но как раз к этому МСА и стремится [63, с. 210]. Более того, данное стремление согласуется с кардинальным изменением эпистемологических ориентиров в естественных науках, традиционно выступавших для социальных наук образцом для подражания. Речь идет о так называемой «теории неравновесных систем», или синергетике. Если «ньтонова наука предполагала, что существуют простые основополагающие формулы, способные объяснить все и вся», то «теория равновесных систем утверждает, что все такие формулы могут в лучшем случае быть лишь частностями и самое большее – объяснять прошлое, но никак не будущее» [63, с. 283]. Такую смену эпистемологических ориентиров в науке Н.Н. Моисеев назвал «расставанием с простотой» [179, с. 39-42]. Онтологизация сложности окружающего мира означает, что истина носит комплексный характер. Самой же комплексной из существующих систем является социальная. Поэтому в новой научной парадигме именно социальной теории отводится место царицы наук, с помощью которой «...ученые (даже естествоиспытатели) будут извлекать новые эпистемологические истины» [63, с. 224]. Таким образом, вопрос о нарративном характере МСА теряет свою злободневность. «Ну, конечно, миросистемный анализ – концепция повествовательная. Более того, сторонники миросистемного анализа придерживаются той точки зрения, что все формы исследовательской деятельности должны обязательно использовать повествовательный жанр, другое дело, что одни повести отражают действительность лучше, другие – хуже» [64, с. 82-83].

Ранее мы уже отмечали, что синергетике присущ диалектический характер. Но, как вытекает из рассуждений И. Валлерстайна, МСА ориентируется прежде всего не на сильную (диалектическую), а на слабую сторону методологии синергетики, когда речь заходит о социальном прогнозировании. Именно идея отсутствия определенности в теории

неравновесных систем почему-то американскому социологу кажется особо привлекательной.

И. Валлерстайн присоединяется к тем исследователям, которые бросают эпистемологический вызов классическому рационализму. По словам Н.Н.Моисеева, «своеобразная «магия неба» в сочетании с простотой его ньютоновского описания, может быть, и была источником классического рационализма» [179, с. 56]. Но стоит ли менять ньютоновскую «магию неба» на принцип неопределенности, чтобы в реальной экономической жизни восторжествовала «алхимия финансов» Джорджа Сороса? Действительно, отдав предпочтение неопределенности, мы без сомнения соглашаемся с приоритетом «экономики казино» над реальной экономикой. Любопытно, что Дж. Сорос выводит «принцип человеческой неопределенности» из «постулата неотъемлемой ошибочности» человеческих представлений. Оба постулата противоречат рациональной модели поведения «*homo economicus*». Отсюда делается вывод, что финансовый рынок не может пребывать в состоянии равновесия. Следовательно, крайне нецелесообразно рассматривать его как равновесную систему. «Намного продуктивнее смотреть на финансовые рынки не как на нечто постоянно, вечно стремящееся к равновесию, а как на бесконечный исторический процесс, ход которого характеризуется неопределенностью» [233, с. 188]. Однако заметим, что «принцип человеческой неопределенности» не помешал Дж. Соросу стать миллиардером.

Дж. Сорос, оспаривая догму мейнстрима о находящемся в оптимальном равновесии рынке, призывает смотреть на рынок как на бесконечный исторический процесс. Между тем, по его словам, «для полноты картины необходимо подчеркнуть, что теории, опирающиеся на принцип человеческой неопределенности, тоже небезупречны, иначе они вступают в противоречие с этим принципом. Их изъян в том, что они не дают однозначных предсказаний» [233, с. 186]. Раз так, то откуда берется уверенность в исторической бесконечности рынка? Почему тогда постоянным объектом нашего внимания

должен быть рынок? Почему нас должна всегда заботить неопределенность «экономики казино»? Разве не может быть альтернативы?

Внедрение в науку логики биржевого спекулянта вряд ли можно назвать прогрессивным шагом. В отличие от Дж. Сороса И. Валлерстайн прекрасно понимает, что история не сводится к балансированию финансовых рынков между состоянием равновесия и ситуацией «бум/крах». Свидетельством тому является его концепция истории мирового капитализма, или современной мир-системы.

В работах И. Валлерстайна [60; 64] под современной мир-системой (СМС) понимается историческая система разделения труда, основной принцип функционирования которой заключается в бесконечном накоплении капитала. Возникнув в конце XV столетия в Западной Европе, она на протяжении всей своей истории расширялась, захватывая в свою орбиту все новые страны, входящие в так называемую «экстернальную» зону.

Существование СМС, или капиталистического мира-экономики (КМЭ), немыслимо без следующих трех условий:

- 1) единого рынка, при котором только и возможен капитализм, т.е. бесконечное накопление капитала;
- 2) неравнозначных по силе государственных структур, образующих политическую надстройку;
- 3) трехуровневой структуры присвоения прибавочного продукта. Трехуровневая структура подразумевает географическую, организационную и стратификационную иерархию и политическую дифференциацию в национальном и всемирном масштабе. Именно она обеспечивает устойчивость функционирования всей системы.

Разделение труда в пространстве проявляется в наличии трех географических зон: ядра, полупериферии и периферии. В результате неэквивалентного обмена ядро остается в выигрыше, а периферия – в проигрыше. Экономическая роль полупериферии незначительна, но она служит политическим стабилизатором системы. Россия в имперский период своей

истории является тому примером [59]. Во главе ядра поочередно находятся государства-гегемоны: Голландия, Великобритания и США. Гегемония означает способность одного государства навязать всем остальным государствам систему распределения власти.

Социальные процессы внутри КМЭ подвержены колебаниям. Под их воздействием она выходит из состояния «равновесия» и наступает «бифуркация». Здесь мы входим в область социальной прогностики. И.Валлерстайн выделяет несколько исторических трендов, которые, по его мнению, приближают конец СМС и начало ее трансформации [63, с. 177-180]:

- 1) исчезновение деревенской жизни;
- 2) рост социальных затрат, ведущий к увеличению цены продукции предприятий;
- 3) демократизация мировой системы;
- 4) крушение антисистемных движений «старых левых».

Первые три тенденции имеют негативные экономические последствия для накопления капитала, поскольку ведут к снижению нормы прибыли. Последняя тенденция, как это ни парадоксально, повышает политические риски для господствующего класса, т.к. между ним и «опасными классами» больше нет никаких посредников, которые бы институционализовали социальные протесты, тем самым стабилизируя функционирование СМС.

«Что придет ей на смену? Это может быть другая структура, в основе своей похожая на нынешнюю, а может быть, и структура, радикально от нее отличающаяся. Это может быть одна структура, общая для целого географического региона, или же множество структур в разных уголках планеты. Как аналитики мы не будем уверены в результате до тех пор, пока процесс не завершится» [63, с. 181].

Как видим ситуация неопределенности возникает в момент перехода от одной исторической системы к другой. Научно предсказать будущую историческую систему И. Валлерстайн не берется, но прогнозирует крах существующей исторической системы.

Впрочем, не все сторонники МСА являются концептуальными могильщиками капитализма. Например, А. Г. Франк считает, что СМС возникла не пять столетий, а пять тысячелетий назад. Выходит, что СМС древнее египетских пирамид. Сама всемирная история человечества, в изначальном единстве которой А.Г. Франк нисколько не сомневается, есть процесс нескончаемых циклических подъемов и спадов капиталистического накопления, в ходе которого происходит географическое смещение мировых центров капитализма с Востока (Китай) на Запад (Западная Европа и Северная Америка). В настоящее время центр мирового капитализма возвращается в исходный географический ареал – в Китай. Иначе говоря, наблюдается завершение глобального географического витка всемирной истории, но ни о каком переходе к другому типу мир-системы речь не идет [246; 247; 248]. Таким образом, капитализм существовал, существует, и будет существовать.

«Идея состоит в том, - пишет А.Г. Франк, - что мировое экономическое развитие представляет собой глобальную игру, в которой игроки бегают по кругу и кому-то удастся изменить положение, когда повторяющаяся музыка прекращается» [248, с. 16]. Это та же игра в рулетку с одной лишь разницей, что здесь игрокам приходится «крутиться» самим, а не лицеизреть действие со стороны. Здесь царит тот же принцип неопределенности с одной лишь поправкой, что солнце капитализма встает на Востоке, а заходит на Западе. Основная же задача заключается в том, чтобы в момент, когда «повторяющаяся музыка прекращается», оказаться там, где солнце капитализма находится в самом зените мировой истории. Фатализм (бесконечный «бег по кругу») и волюнтаризм (попытка занять привилегированное место) в концепции А.Г.Франка хорошо уживаются друг с другом. Как видим, методология неравновесных систем приводит к тем же теоретическим выводам, что и резко критикуемая ее сторонниками методология классического рационализма. Действительно, тот же фатализм («невидимая рука» рынка) и волюнтаризм (стремление к «своей собственной выгоде») мы находим и у Адама Смита [228, с. 443].

Наиболее интересной концептуальной разработкой школы мир-системного анализа, на наш взгляд, является работа «Долгий двадцатый век» итальянского исследователя Джованни Арриги. В ней автор обращает внимание на то, что не Ф. Бродель, а именно А. Смит первым противопоставил и структурно связал друг с другом рыночную экономику и капитализм, хотя, конечно, сам термин «капитализм» он не использовал. «Однако представления о связи между рыночной экономикой и ее капиталистической антитезой у Броделя и Смита различаются в одном важном отношении. Для Броделя эта связь в своей основе статична» [15, с. 61], для Смита – *диалектична*. Дж.Арриги признает методологическую правоту великого шотландца. Поэтому он берет на вооружение диалектический метод и преломляет его сквозь трехчастную схему Ф. Броделя, сосредоточиваясь, правда, лишь на «верхнем этаже» мировой экономики – капитализме. Для этого ему понадобилась диалектическая формула капитала К. Маркса: $D - T - D'$. «Денежный капитал (D) означает ликвидность, гибкость, свободу выбора. Товарный капитал (T) означает капитал, вложенный в особую комбинацию производства – потребления с целью получения прибыли. Поэтому он означает конкретность, негибкость и сужение или закрытие возможностей. D' означает расширение ликвидности, гибкости и свободы выбора» [15, с. 43]. Фаза $D - T$ есть историческая эпоха материальной экспансии мирового капитала. Фаза $T - D'$ есть историческая эпоха финансовой экспансии мирового капитала. Вместе они образуют «системный цикл накопления» мирового капитала. Таким образом, история капитализма предстает как череда системных циклов накопления мирового капитала [15, с. 44-45].

В истории мирового капитализма Дж. Арриги выделяет четыре системных цикла накопления: 1) генуэзский; 2) голландский; 3) британский; 4) американский. Каждый следующий системный цикл накопления был диалектическим отрицанием предыдущего. Это значит, что наиболее характерные черты предыдущего системного цикла накопления становились малохарактерными для следующего системного цикла. Третий же системный

цикл являлся отрицанием отрицания, т. е. как бы возвратом к первому, но на более высоком уровне развития капитализма. Так, генуэзский системный цикл накопления капитала характеризуется господством «космополитического (финансового) капитализма» («космополитически имперского»/экстенсивного режима накопления) и экстернализацией «издержек защиты»; голландский – господством «государственного (монополистического) капитализма» («корпоративно-национального»/интенсивного режима накопления) и «интернализацией издержек защиты»; британский – господством «космополитического (финансового) капитализма» («космополитически имперского»/экстенсивного режима накопления) и интернализацией «издержек производства» (индустриализмом) вместе с «интернализацией издержек защиты»; американский – господством «государственного (монополистического) капитализма» («корпоративно-национального»/интенсивного режима накопления) и интернализацией операционных издержек вместе с интернализацией «издержек производства» (индустриализмом) и «издержек защиты» [15, с. 202, 207, 238-239, 286-287, 310].

Переходы от одного системного цикла к другому Дж. Арриги объясняет с помощью закона тенденции нормы прибыли к понижению К. Маркса [15, с.290]. Иначе говоря, необходимость перехода к другому режиму накопления капитала возникает тогда, когда дальнейшее расширение производства и торговли в капиталистическом мире-экономике в целом становится невыгодным. Мировой капитал уходит в сферу финансовых спекуляций либо вообще покидает экономическое поприще, будучи конвертированным в развитие культуры (Ренессанс – яркий тому пример), меценатство и т.д. Это есть так называемый «сигнальный кризис». Окончательная замена существующего режима накопления капитала новым происходит в результате так называемого «терминального кризиса». Дж. Арриги удалось эмпирически определить временные интервалы между сигнальными кризисами первого (генуэзского) и второго (голландского), второго и третьего (британского),

третьего и четвертого (американского) системных циклов накопления капитала. Они составили соответственно 180, 130 и 100 лет. Обнаруженная тенденция указывает на сокращение времени наступления каждого нового сигнального кризиса [15, с. 281-284].

Концепция Дж. Арриги может выполнять прогностическую функцию, что делает ее привлекательной с научной точки зрения. Например, поскольку сигнальный кризис американского системного цикла накопления капитала уже наступил примерно около 1970 года, то можно ожидать, что новый сигнальный кризис следующего (за американским) системного цикла накопления капитала произойдет уже в первой половине XXI столетия. Дж. Арриги предвещает смещение центра КМЭ из США в Восточную Азию. «Пока неясно, наблюдаем ли мы смену караула у командных высот капиталистического мира экономики и начало новой стадии капиталистического развития. Но замена «старого» региона (Северная Америка) «новым» (Восточная Азия) в качестве наиболее динамичного центра процессов накопления капитала в мировом масштабе стала уже реальностью» [15, с. 418]. В связи с этим Дж. Арриги предполагает три возможных сценария дальнейшего хода всемирной истории: 1) образование «посткапиталистической мировой империи» старыми центрами капитализма во избежание утраты ими военно-политической гегемонии в мире; 2) образование «посткапиталистического мирового рыночного общества» в результате смены старого «караула» (США) новым (Япония/Китай) у «командных высот» КМЭ; 3) воцарение «системного хаоса», причем «будет ли это означать окончание одной только капиталистической истории или же истории всего человечества – сказать невозможно» [15, с. 448].

Все три сценария едины в том, что история капитализма все-таки закончится. Но вопреки К. Марксу конец капитализма наступит не в силу обострения противоречий между трудом и капиталом, а в силу возрастания конкурентной борьбы (экономической и военно-политической) между мировыми центрами (старыми и новыми) его накопления. Дело в том, что сфера труда/материального производства в данной версии мир-системного

анализа не затрагивается. Будучи сторонником трехчастной схемы экономики Ф. Броделя, Дж. Арриги концентрирует внимание только на ее «верхнем этаже». Он признает ограниченность своей «исследовательской программы», поскольку в ней упускаются из виду два «нижних этажа» – рыночная экономика и материальная жизнь. «Но нельзя сделать все сразу», – говорит исследователь в свое оправдание [15, с. 66]. Кроме того, на самый «нижний этаж», в «сокровенные недра производства», уже спускался К. Маркс, а вслед за ним многие другие историки и социологи. Рыночную экономику традиционно изучала экономическая теория. В изучение ее темной стороны внесли свою лепту теоретики зависимости. Напротив, на самый «верхний этаж», где располагается «противорынок», т. е. капитализм, рискнули подняться немногие. По мнению Дж. Арриги, «это взаимодополняемые, а не взаимоисключающие проекты» [15, с. 67].

С последним утверждением можно согласиться, но с некоторыми оговорками. Достоинство концепции Дж. Арриги заключается в применении диалектического метода. Напротив, методологический плюрализм не дал полностью раскрыть эвристические возможности последнего. Для этого бы потребовалось отказаться от броделевской трехчастной схемы экономики, разграничивающей капитализм («противорынок»), рыночную экономику и материальную жизнь (материальное производство). Тогда сразу бы стало ясно, что рынок и «противорынок» составляют диалектическое единство капитализма на уровне явления (сферы обращения), что сущность капитализма скрыта в материальном производстве и что, наконец, диалектическое единство материального производства и сферы обращения есть действительность капитализма.

Дж. Арриги различает «Смитову версию» и «Марксову версию» закона тенденции нормы прибыли к понижению, а также «смитовскую динамику рыночного экономического роста» и «броделевскую капиталистическую динамику». Рассмотрим эти вопросы поподробнее.

Что касается закона тенденции нормы прибыли к понижению, то Дж.Арриги справедливо замечает, что не К. Маркс, а А. Смит первым открыл эту тенденцию. Но одно дело открыть, другое – объяснить. А. Смит, конечно, предложил свое объяснение, но оно опиралось на многофакторную модель прибыли. Тенденция к понижению нормы прибыли возникала, по его мнению, вследствие обострения конкуренции, повышающей заработную плату и ренту. Предпринимательская прибыль как результат вычитания из общей прибыли двух последних факторов закономерно падала, ограничивая тем самым дальнейший рост капитала. Дж. Арриги уверен, что так на самом деле и происходит на всем протяжении каждого системного цикла накопления капитала. Лишь в моменты перехода от одного системного цикла накопления капитала к другому «закон» начинает работать так, как описал его К. Маркс. Последний якобы связывал тенденцию нормы прибыли к понижению с концентрацией капитала, что означало его безграничный рост в ущерб заработной плате. «Безусловно, в Марксовой схеме эта тенденция становится источником еще больших противоречий» [15, с. 290].

С точки зрения логики «Капитала» К. Маркса, однако, никаких двух версий закона тенденции нормы прибыли к понижению быть не может. К.Маркс подходит к раскрытию этого закона только в третьем томе своего фундаментального труда. В логическом аспекте здесь он уже исследует *действительность* капитализма – «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». Но для того чтобы познать *действительность*, необходимо сначала познать *сущность*. А вот *сущность* капитализма К. Маркс трактует принципиально иначе, нежели А. Смит. *Сущность* капитализма составляет закон прибавочной стоимости. Хотя А. Смит и был сторонником теории трудовой стоимости, он не был последователен в своих рассуждениях. Прибавочная стоимость у него смешивалась с прибылью, а стоимость у него складывалась из трех факторов: труд, земля и капитал. Поэтому не вызывает удивления, что закон тенденции нормы прибыли к понижению у А. Смита выводится из ограничения роста капитала двумя другими факторами (ростом

ренды и заработной платы). Напротив, К. Маркс последовательно проводил принцип материалистического монизма. Субстанцией стоимости у него мог быть только труд. Поэтому основное противоречие капиталистического способа производства заключается не в сфере перераспределения капитала (прибыли) между предпринимателями и рантье, а между трудом и капиталом. Стремление к получению большей массы прибыли заставляет капитал изменять свое органическое строение в пользу увеличения в нем доли постоянного капитала (средств производства и материалов) в ущерб доли переменного капитала (заработной платы). Благодаря этому растет производительность труда, т.е. норма прибавочной стоимости, общая масса прибыли, но сама норма прибыли падает, поскольку постоянный капитал никакой стоимости не создает. Эта тенденция потому и является законом, что она существует не только в переходные периоды развития капитализма от одного системного цикла накопления к другому, но и внутри каждого из них. Следовательно, он абсолютно исключает «смитовскую версию».

Теперь обратимся к рассмотрению «смитовской динамики рыночного экономического роста» и «броделевской капиталистической динамики». Дж.Арриги уверен в том, что последняя описывается с помощью общей формулы накопления капитала Маркса ($D - T - D'$), а первая – с помощью «формулы товарного обмена» опять же Маркса ($T - D - T'$) [16, с. 38]. По мнению же Дж. Арриги, «смитовская динамика рыночного экономического роста» неизбежно «попадает в ловушку высокого уровня равновесия». В такой «ловушке» оказался Китай в XVIII веке, вследствие чего там не развился капитализм и не произошла промышленная революция раньше, чем в Западной Европе [16, с. 27]. «Формула товарного обмена» Маркса якобы может раскрыть секрет исторически «высокого равновесия» экономического развития Китая.

Заметим, что К. Маркс категорично возражал против трактовки товарного обращения как равновесного процесса. «Трудно представить себе что-либо более плоское, чем догмат, будто товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами, так как каждая продажа есть в то же

время купля, и *vice versa* [наоборот]» [170, т. 23, с. 123]. Противоречие между методологическими установками Дж. Арриги и К. Маркса, таким образом, очевидно. Разрешить его, будучи сторонником броделевской структуралистской концепции капитализма, крайне затруднительно. Капитализм не может быть «верхним этажом» ни экономики в целом, ни торговли в частности. Он есть экономическая система в целом, включающая торговлю, причем исторически преходящая. Китай действительно угодил в «ловушку» высокого экономического равновесия, о чем свидетельствуют результаты ряда исторических исследований [93, с. 89-92; 158, с. 136-145]. Но произошло это не потому, что там существовала рыночная экономика, над которой потом был надстроен «верхний этаж» европейского капитализма, а из-за того, что в основе общественной формации Китая лежал иной способ производства, нежели в Западной Европе. Некоторые исследователи склонны называть его феодальным, другие – «азиатским». Не вдаваясь в дискуссию, важно понять одно: речь идет об иной исторической стадии общественно-экономического развития, на которой рыночные отношения являлись маргинальными экономическими формами. Следовательно, товарное обращение не могло там обрести некую «смитовскую динамику», загоняющую экономику Китая в «ловушку равновесия». «Смитовская динамика рыночного экономического роста» оказывается мифом. Она не была присуща ни развитию европейского капитализма, ни докапиталистическому экономическому развитию Китая. Трактовка капитализма, которую дал К. Маркс, нам представляется более убедительной.

Итак, мы приходим к выводу, что МСА отчасти отклоняется от монистической интерпретации истории. Это проявляется в том, что альтернативные варианты исторического развития рассматриваются как рядоположенные. Вместе с тем МСА (как и «глобально-эстафетная» версия формационной теории) имеет под собой материалистические основания в отличие от цивилизационного подхода и разного рода культурологических интерпретаций формационной теории. Поэтому в процессе социального

прогнозирования будущего методология МСА может способствовать различению формальных и реальных альтернатив исторического развития. Иначе говоря, если цивилизационный подход ослабляет прогностический потенциал формационной теории, а потому эти подходы проблематично рассматривать как совместимые в области социального прогнозирования, то МСА дополняет формационную теорию, усиливая ее прогностический потенциал в пространственном аспекте. Избыточность МСА обнаруживается тогда, когда в трактовке теории трудовой стоимости происходит откат от К.Маркса к А. Смиту (Дж. Арриги), в трактовке капитализма как «противорынка», наконец тогда, когда за различиями (геоэкономическими, геополитическими и геокультурными) между «ядром» и «периферией» теряется из виду их тождество.

Глава 4. Адаптация диалектико-материалистического подхода к задачам современного социального прогнозирования

4.1. Специфика социального прогнозирования на нисходящей стадии формационного развития

Диалектико-материалистический подход ориентирует социальное прогнозирование на «...изучение внутреннее присущих явлениям противоречий, на движение и разрешение последних...» [242, с. 30]. С этой точки зрения кризисные явления в обществе сигнализируют о внутренних противоречиях общественного развития, которые обязательно в какой-либо форме разрешатся в будущем. Метафизический подход либо вообще исключает из проблемного поля эти явления, либо подталкивает исследователя к тому, чтобы интерпретировать их как случайные и кратковременные нарушения устойчивого социального равновесия. Напротив, если рассматривать кризисные явления диалектико-материалистически, то нельзя уклониться от вопроса о том, скрываются ли за ними закономерные процессы перехода общества от одного качественного состояния к другому.

Анализ кризисов современного общества предполагает идентификацию последнего. Современным будем называть общество, которое существует, прежде всего, в странах Западной Европы и Северной Америки, словом, на Западе. Однако в орбиту современного общества в настоящее время вовлечены почти все страны мира. Это значит, что тот тип социальных отношений, который присущ Западу, с разной интенсивностью и скоростью развивается и в планетарном масштабе.

Переходя к рассмотрению тех кризисных явлений, с которыми сталкивается современное общество, ответим сначала на вопрос, что такое кризис. По определению А.А. Зиновьева, «кризис является таким отклонением от норм, которое возникает в результате действия внутренних закономерностей

общества, причем в условиях его нормальной и даже успешной жизнедеятельности» [122, с. 499]. На наш взгляд, данное определение нельзя назвать полным, исчерпывающим суть данного явления. Если обратиться к этимологии слова «кризис», то окажется, что в переводе с греческого оно означает «поворотный пункт» [226, с. 267]. Следовательно, кризис представляет собой не просто некоторое отклонение от нормальной ситуации, а такое отклонение, после которого уже нельзя вернуться к прежней траектории движения. Даже при самом мягком варианте развития событий разрешение или окончание кризиса может быть лишь относительным возвратом к докризисному состоянию. При самом жестком сценарии кризис может обернуться гибелью общества. Оба сценария, как ни странно, оказываются не двумя противоположными тенденциями, а моментами одной и той же ситуации, когда количественные изменения не переходят в качественные. Прямой противоположностью этой ситуации является такой кризис, который служит толчком к качественному преобразованию общества.

Какого рода кризисы мы наблюдаем в современном обществе? В зависимости от сферы распространения можно выделить такие кризисы, как экономический, экологический, социальный, политический и культурный.

Экономический кризис. Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008-2009 гг. стал свидетельством того, что современное общество не избавилось от экономических проблем, присущих так называемому «классическому капитализму». Вопрос о его причинах заслуживает серьезного анализа. Но сам по себе рецидив наводит на мысль о том, что этот кризис порожден теми же противоречиями, которые существовали и во времена К.Маркса, а следовательно, прав З. Бауман, когда говорит, что «обвинения, предъявленные Марксом капиталистическому рынку, не утратили своей силы» [28, с. 114]. С другой стороны, если смотреть на происходящее с исторической точки зрения, то правомерно задуматься о том, каков еще запас прочности у экономической системы современного общества. Не сигнализирует ли нам

последний кризис о том, что экономическая система современного общества, а значит, и само современное общество уже «устарели»?

Экологический кризис. Литература, посвященная проблемам экологии, исчисляется, пожалуй, тысячами томов. Нельзя сказать, что человечество на более ранних стадиях своего развития не осознавало важности взаимодействия природы и общества. Однако специфика современной ситуации заключается в том, что резко возросла роль антропогенного фактора. Если раньше человеку приходилось защищаться от природы, то сегодня, наоборот, природа нуждается в защите от человека. В конечном счете, речь идет о спасении человека от самого себя, поскольку природа лишь опосредствует результаты человеческой деятельности. Насколько тесной является связь между проблемами экологической безопасности и современным обществом показывают расчеты, согласно которым планета Земля не выдержит антропогенной нагрузки в том случае, если стандарты потребления современного общества, демонстрируемые сегодня США, станут общечеловеческими [272, с. 20].

Кризис политической системы. В отличие от экономического и экологического политический кризис не столь очевиден. Дело в том, что он распадается на ряд частных кризисов, из-за чего «за деревьями не видно леса». Однако сведя воедино все эти частные проявления, можно с твердой уверенностью говорить об их системной природе, то есть о кризисе политической системы в целом.

Прежде всего, следует указать на кризис «государства всеобщего благоденствия». Идея создания такого государства состоит в том, чтобы обеспечить всем слоям общества такой уровень жизни, который бы снял всю остроту классовых противоречий. Нельзя отрицать определенных успехов, достигнутых странами Запада в этом направлении. Однако в тот момент, когда, казалось бы, цель была достигнута, стал стремительно набирать обороты обратный процесс. Бремя «государства всеобщего благоденствия» для бизнеса вдруг оказалось непосильной ношей. Последний поэтому стал категорически отказываться от всех ранее взятых на себя социальных обязательств.

Экономически это выразилось в массовом бегстве западных капиталов в развивающиеся страны, оффшорные зоны и финансово-спекулятивный сектор. Таким образом, «государство всеобщего благоденствия» оказалось перед сложной деструктивной дилеммой. Действительно, если оно будет и дальше проводить социально ориентированную политику, то это приведет к снижению деловой активности; если же оно будет проводить политику, направленную на либерализацию бизнеса (политику неоконсерватизма), то это приведет к снижению общего уровня благосостояния в обществе. Но «государство всеобщего благосостояния» не может допустить ни того, ни другого. В первом случае будет подорвана его экономическая база, и «государство всеобщего благоденствия» окажется в буквальном смысле банкротом. Во втором случае будет разрушена его социальная база, и «государство всеобщего благоденствия» окажется политическим «трупом».

С кризисом «государства всеобщего благоденствия» тесно переплетается кризис национальной идентичности. Капитал по своей природе космополитичен. Ему чужды какие-либо национальные предрассудки и привязанности, хотя время от времени он может использовать в своих интересах и националистическую риторику. Более того, именно в интересах капитала национальные идентичности и создавались [60, с. 175; 241, с. 194]. Архитекторами национальных идентичностей были буржуазные государства. Конструируя нации, они превращались в национальные государства. Потребность в национальных государствах и идентичностях у капитала возникала в связи с необходимостью образования единых, достаточно крупных для расширенного воспроизводства внутренних рынков товаров и рабочей силы [239, с. 47]. Суверенитет национального государства обеспечивал защиту интересов национального капитала. Однако лояльность очень неоднородного по своему социальному составу населения по отношению к национальному государству была ненадежной гарантией национального суверенитета. Нужно было заручиться большей поддержкой. Для этого требовалось проводить такую государственную политику, посредством которой национальная идентичность

вытеснила бы все прочие социальные идентичности. Сначала такая политика сводилась лишь к националистической риторике. Но никакие софизмы идеологов национализма так и не смогли стереть социальные различия между бедными и богатыми. Поэтому был выдвинут проект создания «государства всеобщего благоденствия». Крах же этого проекта означает и крах национальной идентичности. Призыв к гражданам оставаться патриотами и сохранять единство нации в условиях, когда «вдохновитель» идеи национального государства – капитал – давно уже дезертировал, оставив после себя разруху и запустение, сегодня кажется весьма трагикомичным.

«Государство всеобщего благоденствия» пыталось удержать капитал у себя дома, проводя политику мультикультурализма. Внешне мультикультурализм предстает как идея мирного сосуществования в одном обществе различных этнических и религиозных групп, отношения между которыми строятся на принципе толерантности. Но за внешней стороной скрывается более глубокий, а именно экономический смысл. Экономический смысл заключался в интернационализации рабочей силы за счет роста иммиграции из неблагополучных стран. Для капитала это означало снижение издержек производства и падение привлекательности рынков труда развивающихся стран; для «государства всеобщего благоденствия» – увеличение налоговых поступлений, направляемых им на выполнение взятых на себя перед обществом социальных обязательств. Однако на определенном этапе политика мультикультурализма оказалась ущербной и для коренного населения – граждан титульной нации, и для иммигрантов. Последние находились в странах Запада на положении париев, а потому они, пожалуй, раньше других широких слоев современного общества почувствовали на себе и осознали крайнюю избирательность «всеобщего благоденствия». На деле мультикультурализм для трудовых иммигрантов обернулся социальной дискриминацией и культурным изоляционизмом. С другой стороны, коренные жители все больше проигрывали ценовую конкуренцию иммигрантам на рынке труда [239, с. 53]. Наконец, для государства всеобщего благоденствия настал

момент, когда социальные издержки из-за роста общей безработицы, этнической преступности и бедности перестали покрываться экономическими выгодами, получаемыми от иммиграции. Как следствие, толерантность стала уступать место ксенофобии, а политика мультикультурализма была признана провальной.

«Всеобщее благоденствие» означало не только гарантию всеобщего материального достатка, но и гарантию всеобщей безопасности. Решить последнюю задачу так же не удалось, как и первую. Современное общество столкнулось с такой острой политической проблемой, как терроризм. Его этническая и религиозная окраска в еще большей степени подрывает веру в мультикультурализм. Но более существенно другое. Терроризм, нанося сокрушительные удары по всей системе общественной безопасности, превращает суверенитет «государства всеобщего благоденствия» в некий политический фантом.

Итак, кризис «государства всеобщего благоденствия», распад национальной идентичности, дискредитация мультикультурализма и терроризм свидетельствуют о том, политическая система современного общества находится в глубоком кризисе.

Социальный кризис. Пожалуй, главная проблема современного общества – социальное расслоение. Эту проблему было призвано решить «государство всеобщего благоденствия», но дальше принятия им полумер процесс не продвинулся. Проводимые в странах Запада социальные реформы попали в ловушку «экономическая эффективность – социальная справедливость». Если государство ставило перед собой цель уменьшить разрыв в доходах между богатыми и бедными гражданами и таким образом хоть немного приблизиться к идеалу социальной справедливости, то это неизбежно оборачивалось снижением экономического роста, являющегося в современном обществе основным показателем экономической эффективности. Приоритет, в конечном счете, отдавался экономической эффективности. Поэтому борьба с социальным неравенством была крайне непоследовательной, а ее результаты – эфемерны.

Социальный кризис имеет и другие проявления. К ним можно отнести кризис института семьи и криминализацию современного общества. Судьба института семьи сегодня на Западе стоит под вопросом. Увеличение числа разводов, распространение однополых и поздних браков, снижение рождаемости, все более частый выбор сожительства в качестве альтернативы браку – все это указывает на то, что институт семьи уже не справляется с возлагавшимися на него прежде функциями.

Высокий уровень преступности – еще одна назревшая проблема современного общества. Правда, в некоторых западноевропейских странах криминогенная обстановка считается относительно благополучной. Однако таковой нельзя назвать ситуацию в США. Показательно, что по числу заключенных (как в абсолютном, так и в относительном выражении) эта страна – мировой лидер [297].

Кризис культуры. Понятие культуры часто трактуется очень широко, от чего его содержание становится сильно размытым. Определение данного понятия заслуживает особого рассмотрения. Но как бы то ни было, ясно, что образование и религия являются неотъемлемыми частями культуры современного общества. Уже в этом обнаруживается противоречие. Действительно, в основе современной культуры лежат идеи Просвещения, с его протестом против мракобесия, всего, что носит иррациональный характер, в том числе религии. Напротив, опирающееся на науку светское образование провозглашалось высшей культурной ценностью. Образование и сегодня не утратило своей ценности. Но наряду с этим происходит десекуляризация культуры. Причем речь идет не только о христианизации и исламизации, но вообще о распространении всевозможных религиозных культов, мистики, эзотерики и т.д. и т.п. Всему этому способствует массовая культура (киноиндустрия, СМИ, реклама, мода). Последняя имеет коммерческую направленность, в связи с чем она чаще всего апеллирует не к разуму человека, а к его инстинктам, бессознательному, грубым и похотливым желаниям. Массовая культура возвращает человека к мифологическому мировоззрению, в

котором возможно все самое невероятное и фантастическое. Таким образом массовая культура противодействует развитию у современных людей способности рационально и критически мыслить. Это благоприятствует тому, чтобы их «душами» легко завладели всякого рода религиозные проповедники и шарлатаны. Впрочем, религия – это не только «опиум народа», но и бизнес-предприятие. Так мы выходим на понимание того, почему современное общественное сознание представляет собой странную композицию, в которой одновременно находят свое место научная, религиозная и мифологическая картины мира.

Коммерциализация – вот то, что объединяет образование, науку, религию и массовую культуру в современном обществе. Коммерциализация детерминирует процесс десекуляризации культуры, с одной стороны, и негативно влияет на развитие науки и образования – с другой. Для науки это означает стагнацию фундаментальных исследований в той степени, в какой они связаны с огромными предпринимательскими рисками и медленной окупаемостью. В области же образования это приводит к тому, что обучение превращается в коммерческую услугу, качество которой зависит от платежеспособности клиента. Такая тенденция значительно снижает шансы стать высокообразованными людьми для тех, чей стартовый «капитал» составляют лишь талант и трудолюбие.

Представители школы МСА (Дж. Арриги и И. Валлерстайн) усматривают в наблюдаемых кризисных явлениях симптомы глубокой трансформации СМС, момент ее исторического прехождения. Другими словами, СМС вступила в нисходящую стадию своего развития и приближается к своему историческому финалу.

Но, может быть, авторитетные исследователи все-таки заблуждаются, воспринимая социальные кризисы как симптомы качественного преобразования современного общества? Методология МСА, на наш взгляд, не позволяет быть уверенным в правильности выбранных критериев, каковыми являются норма прибыли и географическое смещение центра КМЭ.

Действительно, ни смена лидерства, ни снижение нормы прибыли сами по себе не могут служить достаточным основанием для утверждения, что СМС вступила в фазу качественной трансформации.

В методологическом арсенале МСА отсутствует надежный способ верификации прехождения СМС. Попробуем выяснить, может ли служить для этой цели метод восхождения от абстрактного к конкретному. К.Маркс, раскрывая метод политической экономии, указывал на то примечательное обстоятельство, что «...более конкретная категория ... полнее развита при менее развитой форме общества» [170, т. 46, ч. 1, с. 40]. Для нас это означает следующее. Капиталистический способ производства есть экономическая основа современного общества. В «Капитале» благодаря методу восхождения от абстрактного к конкретному была выстроена система политэкономических категорий капитализма в строго логическом порядке. Эта система имеет несколько логических уровней (сфер): 1) *бытие*; 2) *сущность*; 3) *явление*; 4) *действительность*. Поскольку капитализм представляет собой исторически преходящий способ производства, постольку дальнейшее логическое восхождение предполагает *снятие* противоречий данной системы. Причем предпосылки (*начало*) новой системы имплицитно содержатся в предыдущей, а поэтому задача заключается в их экспликации. В логическом аспекте искомые предпосылки новой системы находятся в сфере *действительности* старой системы, т.к. именно эта сфера представляет собой логическое завершение (окончание) предыдущей системы. Здесь мы должны обнаружить ту «более конкретную категорию», которая впоследствии превратится в чистую абстракцию более «развитой формы общества». Движение мысли, таким образом, в случае познания будущего общества с помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному несколько отличается от того, которое имеет место при познании с применением того же метода уже существующего, вполне зрелого общества. Если К. Маркс настаивал на том, что политэкономия должна изучать предмет, отправляясь от «тощей» абстракции, а не от «хаотического представления о целом» [170, т. 46, ч. 1, с. 37], то это

требование справедливо только потому, что речь идет об исследовании развитого предмета. Напротив, «хаотическое представление о целом» есть исходный пункт в исследовании тогда, когда перед нами только предпосылки зарождающегося предмета, который в эмбриональном виде находится в чреве другого предмета, составляя с последним «органическое целое». Отсюда понятно, почему именно «более конкретная», а не более абстрактная категория должна прежде всего стать объектом научного анализа.

Итак, мы приходим к выводу, что для определения прехождения системы современного общества нужно обратиться к анализу ее логической сферы *действительности*. Выявление атипичных явлений на данном логическом уровне может стать отправным пунктом в прогнозировании направленности системной трансформации. Поскольку речь идет о «хаотическом представлении о целом», то ведущим методом на начальном этапе прогнозирования будет выступать индукция. Индукция не может гарантировать истинность результата. Другими словами, поиск атипичных явлений, выбор среди них тех, которые в дальнейшем превратятся в абстрактную сущность будущей системы, носит вероятностный характер, а, следовательно, случайность ошибки не исключена.

Среди таких атипичных экономических явлений современного общества мы выделяем *ренту*. О ее стремительно растущих масштабах и значении пишут многие современные исследователи. Так, например, К. Верчеллоне утверждает, что одной из наблюдаемых сегодня коренных тенденций в мире является «всеобщее распространение рентной экономики» [71, с. 153]. Эту мысль подхватывает и развивает С. Жижек. По его мнению, вопреки ожиданиям К.Маркса «всеобщий интеллект» не упраздняет капитал, а легко последним приватизируется, принося впоследствии, правда, вместо характерной для капиталистического способа производства прибыли ренту. В сети рентных отношений уже угодили не только добыча природных ресурсов и производство продуктов программного обеспечения, но и здравоохранение и другие сферы жизнедеятельности общества, не относящиеся к собственно экономике. Именно рента сегодня служит источником баснословных состояний наиболее успешных

и всемирно известных бизнесменов. В частности, «Гейтс сделался богатейшим человеком мира за пару десятилетий благодаря сбору ренты за позволение миллионам работников интеллектуального труда присоединиться к той форме «всеобщего интеллекта», которую он приватизировал и контролирует» [119, с. 390].

Если взглянуть на материалы международной статистики, то выяснится, что компании, входящие в десятку самых прибыльных в мире, это как раз те, которые в качестве главного источника доходов имеют ренту (в том числе интеллектуальную и финансовую) [282]. Насколько велика роль природной ренты в современной российской экономике, ни для кого не секрет [74, с. 48; 138, с. 133; 165, с. 26-28]. Однако из рассуждений С. Жижека вытекает, что понятие ренты выходит далеко за границы того привычного его значения, согласно которому рента есть доход, получаемый собственником природных ресурсов от их эксплуатации. Более того, интересующее нас здесь понятие имеет не только более широкий, но и более глубокий смысл, а потому его нельзя редуцировать и к сверхприбыли. Оно затрагивает саму сущность общественных отношений, касается самого способа производства, а вовсе не есть нечто наносное и поверхностное, как в случае сверхприбыли. Вот почему рента не является лишь уделом периферийной страны, отмеченной клеймом «ресурсного проклятия» [100], а есть тревожный симптом состояния всей мировой экономики, развития современного общества вообще как «органического» целого.

Было бы просто сразу дать формальное определение ренты, а затем, прибегнув к «ползучему эмпиризму», описать ее. Но как справедливо заметил С.С. Дзарасов, «собственное содержание понятия выявляется через соотнесенность с остальными элементами системы. Узор его смысла образуется рисунком логических связей, а не жесткими дефинициями» [107, с. 271]. Поэтому формальное определение было бы настолько же произвольным, насколько и далеким от истины, пустым и бесполезным. Руководствуясь

диалектикой, мы поступим иначе, а именно постараемся вывести это понятие, точнее, диалектически его дедуцировать.

К. Маркс в третьем томе «Капитала» подробно останавливается на изучении земельной ренты. Согласно определению, которое дает классик, земельная рента «...есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется, приносит доход [verwertet]» [170, т. 25, ч. 2, с. 167]. Таково формальное определение земельной ренты, мало что дающее для понимания ее природы. Для того чтобы получить реальное определение, автор «Капитала» раскрывает механизм «экономической реализации» земельной собственности. Этот механизм таков. В условиях капиталистического способа производства земельная собственность превращается в юридическое препятствие, ограничивающее экономическую область приложения капитала. Капиталист преодолевает установленный юридический барьер, отдавая «добавочную прибыль» собственнику земли. Таким образом, земельная рента есть «добавочная прибыль», присваиваемая земельным собственником.

При капиталистическом способе производства необходимым условием всякой земельной ренты (как «абсолютной», так и «дифференциальной»), как показал К. Маркс, является получение капиталом «добавочной прибыли». Последняя обязана своим возникновением относительно низкому органическому строению капитала в сельском хозяйстве и горном производстве, из-за чего стоимость производимых в этих отраслях товаров всегда выше их цены производства. Разница между товарной стоимостью и ценой производства здесь и образует источник «добавочной прибыли».

Более низкая цена производства в указанных отраслях объясняется тем, что в качестве средств производства там выступают силы природы, которые, как и труд, не имеют стоимости, а потому они не могут быть амортизированы, зато могут быть капитализированы. Цена земли, следовательно, есть «капитализированная рента», выражающая размер «добавочной прибыли», приносимой земельной собственностью ее собственнику.

Однако не земельная собственность как таковая является причиной «добавочной прибыли». Земельная собственность, как подчеркивает К.Маркс, ничего не создает. Действительно, «добавочная прибыль» есть лишь часть прибавочной стоимости, которую производит труд эксплуатируемых капиталом работников. Право («титул») же земельной собственности позволяет ее собственнику изъять эту часть прибавочной стоимости из «кармана» капиталиста и переложить в свой.

Как бы то ни было, «нормальной формой прибавочной стоимости» при капиталистическом способе производства является прибыль, а не рента. Наоборот, именно рента была «нормальной формой прибавочной стоимости» для феодального, рабовладельческого (античного) и «азиатского» способов производства. Исследуя генезис капиталистической земельной ренты, классик демонстрирует, что сначала земельная рента полностью совпадала с прибавочной стоимостью, была с нею тождественна. Затем постепенно сквозь это тождество стали проступать качественные различия между земельной рентой и прибылью. Несмотря на данную тенденцию, в докапиталистическом обществе «...не прибыль является границей ренты, а, наоборот, рента является границей прибыли» [170, т. 25, ч. 2, с. 362]. И только с приходом капитализма земельная рента и прибыль меняются местами: уже не рента является границей прибыли, а, наоборот, прибыль является границей ренты. Так рента становится капиталистической рентой.

К. Маркс, как мы видим, анализируя рентные отношения, сосредоточился лишь на земельной ренте. В настоящее же время объектом рентных отношений выступает не только и не столько земля. Исследователи пишут и об «экологической ренте» (Ю.В. Яковец и др.), и об «интеллектуальной ренте» (Д.С. Львов и др.) и т.д. и т.п. В первом приближении кажется, что расширение объема понятия ренты обусловлено научно-техническим прогрессом, благодаря которому возникли новые отрасли экономической и иных форм деятельности. На наш взгляд, причина лежит намного глубже.

Так, например, И. Валлерстайн сегодня оспаривает точку зрения классиков политической экономии, согласно которой «...в процессе истории рента эволюционировала в прибыль, что на языке нашего исторического мифа означало: буржуазия свергла аристократию». По мнению американского социолога, «на самом деле это неверно в двух отношениях. Хронологически процесс краткосрочен, а не долгосрочен, и он протекает в противоположном направлении. Любой капиталист стремится превратить прибыль в ренту. Это можно выразить следующим утверждением: главная цель любого «буржуа» – стать «аристократом». Это то, что касается кратковременного процесса, не долгосрочной перспективы» [61, с. 174].

Тезис о краткосрочности процесса представляется нам сомнительным, поскольку хорошо известно, что буржуазия все-таки «свергла» аристократию. Тем весомее мы считаем другое утверждение, а именно, что «любой капиталист стремится превратить прибыль в ренту», а сам при этом превратиться в аристократа. Причем, как будет показано ниже, такова не краткосрочная, а долгосрочная, хотя и имеющая исторический предел, перспектива развития капиталистического общества.

По словам И. Валлерстайна, рента – это такой доход, который «требуется гарантии со стороны политической власти». Если же такой гарантии со стороны власти не будет предоставлено, то рента просто перестает существовать. Отсюда выводится следующее уравнение: «рента = политической власти» [61, с. 175].

Но вернемся к вопросу об исторической перспективе ренты. И.Валлерстайн утверждает, что развитие капитализма подчиняется следующей логике: «...больше, а не меньше монополий, больше ренты и меньше прибыли, больше аристократии и меньше буржуазии» [61, с. 176-177].

Логика развития капитализма внутренне противоречива. Действительно, индивидуальные капиталы в краткосрочной перспективе стремятся к монополии, к ренте. Однако в долгосрочной перспективе это подрывает сами основы капиталистического способа производства, поскольку монополия

исключает конкуренцию, рента – прибыль, а следовательно, происходит вырождение и самого господствующего класса – класса буржуазии.

Чтобы лучше понять специфику наметившейся тенденции вытеснения прибыли рентой, обратим внимание на различия между докапиталистической и капиталистической формами ренты. Первая характеризуется непосредственным изъятием у производителя всей прибавочной стоимости; вторая – опосредованным изъятием у производителя части прибавочной стоимости («добавочной прибыли»). «Как функционирующий капиталист выкачивает из рабочего прибавочный труд, а тем самым в форме прибыли прибавочную стоимость и прибавочный продукт, – пояснял К. Маркс относительно капиталистической ренты, – так земельный собственник..., в свою очередь, выкачивает у капиталиста часть этой прибавочной стоимости или прибавочного продукта в форме ренты» [170, т. 25, ч. 2, с. 387]. В настоящее время возникает видимость попятного движения, иллюзия возвращения «темного средневековья» [181; 251; 259; 260; 269].

Если сторонники концепции «нового средневековья» полагают, что на наших глазах сейчас разыгрывается великая историческая драма декаданса цивилизации Модерна, то защитники принципов капиталистического мироустройства могут на это спокойно возразить, напомнив, что история капитализма представляет собой длинную череду циклических подъемов и спадов, а потому нет достаточных оснований для того, чтобы очередной системный кризис расценивать как окончательный упадок или катастрофу капиталистического общества. Действительно, что касается возврата к рентным отношениям, то такое неоднократно случалось в европейской истории. Например, в XVII веке такая участь постигла Северную Италию. Регионы, бывшие некогда самыми передовыми и процветающими, вдруг останавливались в своем развитии и переключались с прогрессивных в то время – буржуазных – форм производственных отношений на регрессивные – феодальные – формы производственных отношений. Капитал прекращал инвестироваться в расширенное воспроизводство, а тратился на покупку земли,

титолов и финансовые спекуляции [257, с. 76-78]. Впрочем, рента превращалась в один из основных источников дохода господствующего класса не только в период упадка капитализма, но и в период его стремительного подъема сначала в Северной Италии в XIV-XV веках, затем в Голландии в XVII веке. Дж.Арриги объясняет это стремлением буржуазии «утилизировать» так называемый «избыточный капитал», т.е. такой капитал, вложение которого в расширенное воспроизводство перестает приносить прибыль [15, с. 190]. Успешно справившись с этой задачей, буржуазия, однако, утрачивала свой прежний социальный статус, превращаясь в класс рантье.

Сказанное хорошо вписывается в концепцию «технологических укладов» [3; 83; 157; 274, с. 196-211]. Берущая свое начало в работах Н.Д. Кондратьева, данная концепция главным образом фокусируется на циклическом развитии техники и технологии, по существу игнорируя вопросы трансформации общественного устройства. Циклы в ней объясняются исчерпанием соответствующими технологическими укладами потенциала экономического роста. Речь, по существу, идет о динамике капиталистического расширенного воспроизводства. Технологические уклады приходят и уходят, а капитализм остается навсегда – таково кредо сторонников концепции технологических укладов. Поэтому приход «нового средневековья» может быть интерпретирован в данном контексте как всего лишь кризис ныне существующего – «пятого» – технологического уклада (микроэлектроника, информатика и т.), на смену которому спешит прийти новый – «шестой» – технологический уклад (нанотехнологии, молекулярная биология и т.д.).

Обычно, когда речь заходит о роли технических и технологических инноваций в экономическом и вообще общественном развитии, то апеллируют к одному из крупнейших экономистов XX века Й. Шумпетеру, который, отбросив догму неоклассической экономической теории об общем равновесии рынка, выдвинул свою теорию экономического развития. Сам Й. Шумпетер, во многом не соглашаясь с К.Марксом, именно ему отдавал приоритет в области разработки данной проблематики. Однако не только интерес к вопросу о

природе экономического развития сближает двух великих экономистов, но и оценка исторических перспектив капитализма. Не случайно сегодня прогнозы Й.Шумпетера подвергаются не меньшей критике, чем прогнозы К. Маркса. «Как и Маркса, – пишет, например, В.С. Автономов, – Шумпетера не назовешь провидцем. Большинство его прогнозов не оправдалось» [1, с. 26]. Проблематичность приведенного и подобных ему высказываний состоит в том, что Й.Шумпетера очень часто упоминают и почитают как раз те авторы, которые с особым усердием развивают сегодня модные и популярные среди обществоведов теории и концепции «постиндустриального» («информационного», «постэкономического» и т.д.) общества и «креативного класса». Как же данный факт совместить с представленным выше суждением, что большинство прогнозов Й. Шумпетера не оправдалось?

Дело в том, что Й. Шумпетер не ограничился «позитивным» описанием роли инноваций в развитии капиталистической экономики, но пошел дальше, предсказав вырождение капитализма. Современных критиков чаще всего не устраивает в теории Й. Шумпетера как раз последнее обстоятельство, а не «позитивное» описание, которое как раз полностью согласуется с методологией экономикса и не претит теоретикам постиндустриализма и технологических укладов.

Й. Шумпетер отрицал Марксову теорию трудовой стоимости, а потому и саму возможность получения прибыли в условиях «нормально» функционирующей капиталистической экономики. Прибыль возникает лишь как результат «новой комбинации» труда и земли [266, с. 228-240]. Получается, что «прибыль», по Й. Шумпетеру, есть то, что К. Маркс считал «относительной прибавочной стоимостью». Но успех реализации «новой комбинации», а следовательно, рост прибыли зависит только от личных способностей «предпринимателя». Последний, разумеется, не имеет ничего общего с марксистским образом капиталиста-эксплуататора и представляет собой скорее особый социально-психологический тип личности, нежели классовую идентичность. Это такой социально-психологический тип, которому суждено

постоянно быть в авангарде инноваций, поскольку за каждой «новой комбинацией», сулящей «предпринимательскую прибыль», посредством конкуренции происходит выравнивание цен средств и продуктов производства, эту прибыль устраняющее. Напротив, обретение «предпринимателями» классовой идентичности приводит к утрате ими тех специфических социально-психологических качеств, без которых выполнять «предпринимательскую функцию» абсолютно невозможно [266, с. 247-251, 514]. Происходит «отмирание предпринимательской функции». По словам Й. Шумпетера, «романтика прежних коммерческих авантюр отходит в прошлое, поскольку многое из того, что прежде могло дать лишь гениальное озарение, сегодня можно получить в результате строгих расчетов». Короче говоря, «новаторство само превращается в рутину». «Таким образом, – заключает известный экономист, – экономический прогресс имеет тенденцию становиться деперсонифицированным и автоматизированным. На смену личности приходят бюро и комиссии» [266, с. 513].

В данном месте ощущается влияние на Й. Шумпетера идей классиков немецкой социологии М. Вебера и В. Зомбарта. Нас, однако, интересует, как такой упадок «предпринимательского духа» скажется на исторической судьбе капитализма. Й. Шумпетер, как и В. Зомбарт (но вопреки М. Веберу), утверждает, что это повлечет за собой крах капитализма. Капитализм рухнет под тяжестью своих успехов. Оба исследователя подчеркивают в этом негативную роль бюрократизации, но если австрийский экономист делает акцент на «тенденции автоматизировать прогресс» [266, с. 515], то его немецкий коллега – на «сытом рантьеестве», «усвоении серьорских замашек» [126, с. 434-435]. Иначе говоря, в первом случае больше внимания уделяется способу получения дохода, а во втором – способу его использования.

Таким образом, возвращаясь к концепции технологических укладов, мы должны заметить, что имеются некоторые теоретические основания и за пределами марксизма для того, чтобы за кризисом «пятого» технологического

уклада разглядеть нечто большее, чем просто очередной переход к следующему технологическому укладу в рамках существующего капиталистического строя.

Несмотря на крайне неприязненное отношение Й. Шумпетера к диалектике, его концепция «созидательного разрушения» [266, с. 461] капитализма глубоко диалектична. Тем не менее для доказательства *прехождения* капитализма нужны более весомые аргументы, чем идеалистические ссылки на постепенный упадок «предпринимательского духа».

Об исторической исключительности складывающейся ситуации, выделяющей ее из уходящей вглубь истории капитализма череды локальных крахов капитализма (в Северной Италии и т.д.) и серии циклических кризисов, можно было бы вести речь, если бы было доказано следующее: 1) имеющая распространение в современной экономике так называемая «рента» не есть лишь эвфемизм монополистической прибыли, а представляет собой докапиталистическую форму ренты; 2) тенденция перехода от прибыли к докапиталистической форме ренты приобрела глобальный или тотальный характер.

Вырождение капитализма в Северной Италии было лишь обратной стороной его подъема в Голландии и т.д. Следует разобраться, наблюдается ли сегодня переход от прибыли к докапиталистической ренте в «ядре» КМЭ и коррелирует ли он с процессами в зоне «периферии». Особенно это касается тех очагов мирового экономического роста, которым эксперты предсказывают глобальное лидерство в недалеком будущем.

На роль такого нового глобального лидера, который якобы должен перехватить эстафету у США, многие исследователи выдвигают Китай. Действительно, уже сейчас по общему объему китайская экономика – вторая в мире, а по объему экспорта, промышленного производства, вкладу в мировой экономический рост – первая [276]. Учитывая стремительные темпы экономического роста, демонстрируемые Поднебесной на протяжении последних трех десятилетий, и самую высокую численность населения в мире

(а это означает не только самую большую армию труда, но и самый многочисленный потребительский рынок), прогнозы о мировой гегемонии Китая кажутся вполне реалистичными. Допустим на миг, что это так. Но тогда возникает вопрос: в каком же историческом направлении мчится этот пробудившийся азиатский гигант? Еще совсем недавно многие отечественные авторы, с восхищением глядя на успехи дальневосточного соседа России (особенно контрастировавшие на фоне социально-экономического хаоса и разрухи в нашей стране в 1990-е годы), всерьез воспринимали выдуманную китайскими партийными функционерами идеологическую уловку про «социализм с китайской спецификой», не замечая, что по мере стремительного продвижения реформ «социализма» в Китае оставалось все меньше, а «специфики» становилось все больше. И хотя еще и сегодня встречаются российские исследователи, полагающие, что китайский народ под руководством коммунистической партии строит «социализм», на Западе о Поднебесной уже говорят, как о People's Republic of Capitalism³. Однако и в этом случае в глаза западных экспертов и аналитиков бросается пресловутая «специфика», которую, правда, китайские власти вовсе не афишируют, а, напротив, стараются скрыть, чтобы сохранить высокую деловую репутацию и инвестиционную привлекательность страны в глазах мирового сообщества.

Что же это за «китайская специфика», которая ничего общего не имеет с социализмом, но в то же время настораживает, пугает и вызывает чувство тревоги и даже отвращения у любого либерального мыслителя и деятеля? Подсказку мы можем найти у великих европейских и русских философов и писателей прошлого. Голдсмит, Руссо, Гегель, Милль, Герцен, Мережковский и многие другие обращали свои пытливые взоры на эту огромную и таинственную страну.

О. Голдсмит в своем сатирическом сборнике философских эссе не преминул упомянуть от лица «китайского философа» о том, что англичане

³ Именно под таким названием в США вышел документальный фильм, посвященный современному развитию Китая.

«обычно восхищаются всем китайским» [92, с. 267]. Исключение, быть может, составляет политическое устройство, о котором «китайский философ» сообщает читателю с неимоверным чувством гордости и превосходства: «Империя, размерами равная всей Европе, управляется единым законом, признает власть одного монарха и только один раз за четыре тысячи лет претерпела более или менее основательные перемены — это настолько величественно и удивительно, что в сравнении другие государства кажутся мне достойными лишь презрения» [92, с. 110]. И все это благодаря «сыновнему повиновению» каждого китайца государству, олицетворением которого является император.

О том же, но уже вполне серьезно и крайне резко размышляет Жан-Жак Руссо. Отмечая, что в Китае правят «осыпанные почестями» ученые мужи, вместе с тем он подчеркивает, что все это лишь способствовало превращению империи в страну, которую населяют «рабы и злодеи» [220, с. 15].

В «Философии истории» Гегеля Китаю посвящен целый раздел. У китайцев, по словам немецкого философа, отсутствует «существенное сознание понятия свободы» [76, с. 118]. У них нет различия между «объективным бытием и субъективным стремлением к нему», поскольку нет его между «субъективной свободой» и самой «субстанциальностью» [76, с. 159]. Последняя есть «нравственное начало». Однако «для китайцев их моральные законы являются как бы естественными законами, внешними положительными предписаниями, правами принуждения и принудительными обязанностями или правилами вежливости по отношению друг к другу». Это «нравственное начало» выступает «...делом, касающимся государства, и подлежит ведению правительственных чиновников и судов» [76, с. 118], а потому, в конечном счете, оно «...господствует не как убеждение субъекта, а как деспотизм главы государства» [76, с. 159]. В Китае нарушается диалектика всеобщего, особенного и единичного. Здесь царит лишь *всеобщее*, сплошная *тотальность*, подавляющая любые обособления и противопоставления себе *особенного* и *единичного*. По выражению Гегеля, «...общая воля непосредственно

определяет, что должен делать отдельный человек, и последний так же без рефлексии и безлично повинуется» [76, с. 163]. А чтобы доведенное до полного автоматизма поведение каждого отдельного человека было еще и безошибочным, применяется такой метод воспитания, как «муштровка». Эффективность последней состоит в том, что она не требует от подданных «вменяемости» [76, с. 169]. Китайский народ, заключает Гегель, «...всегда проявляет лишь наихудшее самомнение и считает себя созданным лишь для того, чтобы влачить колесницу мощи императорского величия; отягощающее его бремя представляется ему его неизбежной участью, и ему не кажется ужасным продавать себя в рабство и жить в неволе» [76, с. 178].

А.И. Герцен пишет о китайском народе, как о «слабом внутренним началом», но зато отличающимся «самым щепетильным рационализмом» [81, т. 1, с. 264, 452]. Он цитирует Дж. Ст. Милля, утверждавшего, что «в развитии народов, кажется, есть предел, после которого он останавливается и *делается Китаем*». Происходит это тогда, когда «...личности начинают стираться, пропадать в массах, когда все подчиняется принятым обычаям...» [81, т. 2, с. 275]. Обычаи и превращают народы, по мнению А.И.Герцена, в «*китайские муравейники*» [81, т. 2, с. 278]. Но не только обычаи. Обобщая вывод Дж.Ст.Милля о том, что Англия пойдет по пути Китая, русский мыслитель предрекает этот путь и всем остальным странам в том случае, если в мире восторжествует мещанская цивилизация, а вместе с ней сотрутся личности, произойдет сужение ума, измельчание общественной жизни до уровня торговой конторы. Вот тогда человечество и впадет в «китайский маразм» [81, т. 2, с. 363].

Подхватывая мысли Дж. Ст. Милля и А.И. Герцена, Д.С.Мережковский повышает уровень тревоги перед надвигающейся «китаизацией» мира до максимальной отметки. В своей пророческой статье «Грядущий хам» он пишет: «Китайцы – совершенные желтолицые позитивисты; европейцы – пока еще несовершенные белолицые китайцы. В этом смысле американцы совершеннее европейцев. Тут крайний Запад сходится с крайним Востоком» [175, с. 85].

Человечество, опасался русский мыслитель, станет тогда подобным «паюсной икре, сжатой из мириад мещанской мелкоты».

Удивительно, но Д.С. Мережковский предвосхитил процесс, начало которому положили рыночные реформы Дэн Сяопина и американская внешняя политика «открытых дверей»⁴; процесс, который уже в 1980-е получил название «глобализация», а уже в нулевые годы XXI века заставил исследователей говорить о симбиозе двух сверхдержав – США как сверхдержаве капитала, и Китае как сверхдержаве труда, который эксплуатирует американский капитал [116, с. 166]; наконец, процесс, который превратил США в самого крупного должника Китая, а последнего – в самого крупного кредитора США [287].

Д.С. Мережковский не исключал, что между Западом и Китаем могут произойти войны, что, как мы знаем, и случилось в XX веке. Но при этом он сделал одно, на наш взгляд, верное предположение: «Может быть, война желтой расы с белой – только недоразумение: свои своих не узнали. Когда же узнают, то война окончится миром, и это будет уже «мир всего мира», последняя тишина и покой небесный. Небесная империя, Серединное царство по всей земле от Востока до Запада, окончательная «кристаллизация», всечеловеческий улей и муравейник, сплошная, облепляющая шар земной, «паюсная икра» мещанства, и даже не мещанства, а хамства, потому что достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство есть хамство» [175, с.87].

Сегодня видный российский китаевед В. Малявин, разоблачая миф о «желтой угрозе», в насаждении которого он винит Д.С. Мережковского, А.И.Герцена и Дж.Ст. Милля, пытается раскрыть сущность этого мифа. По его словам, «это чисто современный страх дегуманизации жизни, расчеловечивания человека, когда личность низводится до винтика экономических и государственных механизмов, растворяется в скотоподобной массе» [169]. Однако надо отдать справедливость европейским и русским

⁴ Примечательно, что 5 января 2009 года в честь 30-летней годовщины установления дипломатических отношений между США и КНР была проведена праздничная церемония именно на Нью-Йоркской фондовой бирже [72].

мыслителям, чьи размышления по поводу Китая мы приводили выше. Ведь для них китайская тематика вовсе не представляла собой проблему расовую и/или геополитическую. Для них это социально-философская проблема, связанная с основами общественного устройства вообще, закономерностями исторического развития человечества в целом. «Китай» в этом смысле есть всего лишь аллегория, необходимая для лучшего уяснения трудностей общественного развития. «Китай» не представляет внешней опасности для Запада и/или России, а является внутренней болезнью человеческого социального организма. И если Д.С. Мережковский, А.И. Герцен и Дж.Ст. Милль били тревогу о «китаизации», то сегодня У. Эко – о «вьетнамизации» [269], а другие современные западные исследователи – о «бразилизации» и «балканизации».

Тем не менее мы обратились к трудам великих мыслителей, чтобы лучше понять ту «китайскую специфику», которая является атрибутом стремительного экономического взлета и продолжающегося подъема Поднебесной в конце XX – начале XXI веков.

«Китайская специфика» теперь гораздо лучше прорисовывается. Несмотря на фантастический динамизм, современный Китай по-прежнему не знает политических свобод. Рыночные преобразования в стране нисколько не продвинули общество в этом направлении, а, напротив, питаются теми достижениями маоистского режима, которые развитию политических свобод сильно противодействуют. Главная же заслуга маоистского режима перед современным капитализмом заключается в том, что он довел методику «муштровки» собственного населения до совершенства, превратив его в самую великую и дисциплинированную армию труда, какую когда-либо знало человечество, с помощью которой глобальный капитал сегодня добывает последние осколки некогда грозного и единого рабочего класса Запада. Нет больше того «гештальта рабочего», притязающего на свое «пространство работы» и тем самым обеспечивающего себе «господство» над «бюргерским миром», как предполагал Э. Юнгер [271]. Мелкие разрозненные партизанские отряды старого западного пролетариата еще безнадежно ведут арьергардные

бои за право работать и носить синие воротнички, но война уже проиграна. Возможно, первыми это осознали постмодернисты, которые не упустили удобного момента, чтобы поупражняться в своем излюбленном занятии – позлорадствовать над случившимся, используя для собственного веселья самые циничные софизмы. «Всегда будут существовать заводы и фабрики, чтобы скрыть, что труд умер, что производство умерло, или же что оно теперь всюду и нигде», – писал Ж. Бодрийяр в 1970-е гг. [38, с. 71].

Участь потерпевших сокрушительное поражение вчерашних «синих воротничков» – попытаться хоть как-нибудь прикрепиться к невероятно разросшемуся «офисному планктону» придуманного Д. Беллом «постиндустриального» общества. Это совсем не лучше того, что предрекал человечеству Д.С. Мережковский, когда писал о «паюсной икре, сжатой из мириад мещанской мелкоты». Офис сегодня – это «потогонный цех для белых воротничков» [Цит. по: 245, с. 129].

И все-таки, хотя житель Поднебесной в XXI веке еще не успел приобрести гражданские права и свободы, западный обыватель их еще не утратил.

В соответствии с «концепцией социальных порядков», разработанной всемирно известным экономистом Д. Нортом с соавторами, переход от личных отношений, насилия и ренты как механизмов воспроизводства так называемого «естественного государства» к «порядку открытого доступа», ассоциируемого со свободной конкуренцией и безличными отношениями в политике и экономике, необратим. Тем не менее рента и личная зависимость до сих пор, по оценкам Д. Нортона, отягощают жизнь 85% человечества [186, с. 33].

«Возможно, – отмечает С. Жижек, – это-то и вызывает тревогу в сегодняшнем Китае: подозрение, что его авторитарный капитализм – это не просто остаток нашего прошлого, повторение процесса капиталистического накопления, которое происходило в Европе в XVI-XVII веках, а знамение будущего?» [119, с. 114]. Однако речь идет хоть и об «авторитарном», но все же капитализме, что ставит под сомнение докапиталистический характер ренты в

стране, претендующей на глобальное лидерство в будущем. Следовательно, на данном этапе анализа проблематично утверждать, что в истории капитализма возник переломный момент. Требуется спуститься в сами недра производства и рассмотреть тенденции, наметившиеся в производственных отношениях.

4.2. Прогностическая функция «закона зеркальности»

Отсутствие личной свободы в экономических отношениях указывает на общественный способ производства, основывающийся на *внеэкономическом принуждении*. Именно последнее обстоятельство является подлинной причиной докапиталистической ренты [170, т. 25, ч. 2, с. 353, 355].

Внеэкономическое принуждение есть инструмент, используемый собственником средств производства по отношению к непосредственному производителю с целью присвоения прибавочной стоимости. Таким образом, можно определить докапиталистическую ренту как прибавочную стоимость, присваиваемую собственником средств производства посредством механизмов внеэкономического принуждения.

Внеэкономическое принуждение, однако, было атрибутом докапиталистических способов производства – рабовладельческого (античного), феодального и «азиатского». Широкое распространение механизмов внеэкономического принуждения в современной экономике, следовательно, доказывало бы, что капитализм вступил в завершающую стадию своего существования, в стадию упадка, поскольку с точки зрения диалектики в стадии упадка проявляются формы производственных отношений, соответствующие более низкой, чем капитализм, ступени исторического развития.

В нисходящей фазе формационного развития вступает в силу «закон зеркальности», который трансформирует социальные законы восходящей

формационной стадии развития таким образом, что они начинают действовать «наоборот» [124, с. 418].

Принимая во внимание действие «закона зеркальности», на нисходящей стадии формационного развития системы можно было бы ожидать деформацию закона стоимости. Как известно, закон стоимости не является специфическим законом капиталистического способа производства – это закон товарного производства вообще. Однако если на докапиталистической стадии развития общества он лишь спорадически и фрагментарно регулировал экономические отношения, то в условиях капитализма как зрелой стадии товарного производства данный закон обрел полную силу и всеохватывающий характер.

Сегодня сторонники концепции «информационного» общества утверждают, что закон стоимости представляет собой анахронизм, поскольку «информационный труд» не поддается стоимостному исчислению [238, с.60]. Но, строго говоря, любой труд не может исчисляться стоимостью, т.к., наоборот, стоимость исчисляется трудом. Поэтому проблема, на наш взгляд, заключается не в этом, а в неправомерности считать так называемый «информационный труд» источником стоимости, каковым является труд физический.

Исследователи, критикующие теорию трудовой стоимости с позиций концепции «информационного общества», часто смешивают рост производительности материального труда с его исчезновением как субстанции стоимости. Так, утверждается, что «капитализм стал другим, найдя новые источники экономического развития, связанные не столько с эксплуатацией живой рабочей силы, сколько с применением знания и информационным обеспечением производства». Следовательно, «не количество затраченного живого труда, а качество технологических идей стало в XX в. главным фактором роста богатства, поставив под сомнение всю трудовую теорию стоимости» [243, с. 302]. Данная точка зрения вызывает следующие возражения. Рост богатства капиталистического общества не может быть ничем иным как увеличением товарной массы, т.к. еще К. Маркс в «Капитале» писал,

что богатство капиталистического общества представляет собой «огромное скопление товаров». Но товар, как известно, обладает двумя свойствами: 1) товар есть стоимость; 2) товар есть потребительная стоимость. Это значит, что рост «скопления товаров» как потребительных стоимостей не всегда коррелирует с ростом их совокупной товарной стоимости. Действительно, стоимость товара обратно пропорциональна производительной силе труда, зависящей от того, насколько этот труд интеллектуален. Таким образом, интеллектуальный труд не создает стоимость, а экономит труд материальный (физический). Это вовсе не означает, что последний перестает быть субстанцией стоимости.

Отмеченная тенденция связана с развитием так называемого «нематериального» производства. М. Хардт и А. Негри, например, утверждают, что сегодня в мире происходит смена «парадигм» производства: материальное производство уступает место «нематериальному». Это влечет за собой размывание привычных для эпохи «фордизма» границ рабочего времени, поскольку «нематериальный» труд не нуждается в жесткой пространственной привязке к определенному месту производства, с одной стороны, а само место производства становится многофункциональным, предлагая не только условия труда, но и «отдыха» с целью как можно дольше удержать работника на своем рабочем месте – с другой. Таким образом, «четкие ритмы фабричного производства и присущее ему резко выраженное деление на рабочее и свободное время начинают ослабевать в сфере нематериального труда» [253, с.184]. «Нематериальное» производство, следовательно, вторгается в область того, что раньше считалось досугом, свободным временем, которое человек тратил на воспроизводство самого себя как личности и субъекта общественной жизни. Поэтому такое производство М. Хардт и А. Негри называют «биополитическим» [253, с. 90-91]. Однако, по какому-то странному недоразумению, именитые авторы отсюда заключают: «Здесь мы можем отметить, что такое биополитическое производство, с одной стороны, *неизмеримо*, так как его нельзя выразить количественно, переведя в

фиксированные единицы времени, и, с другой стороны, *чрезмерно* по отношению к ценности, которую способен извлечь из него капитал, так как капиталу не дано когда-либо захватить всю жизнь целиком. По этой причине нужно произвести ревизию марксова понимания связи между трудом и стоимостью при капиталистическом производстве» [253, с. 185]. Налицо противоречие: если «биополитическое» производство «чрезмерно» по отношению к прибавочной стоимости, присваиваемой капиталом, то оно не может быть «неизмеримым», т.к. тогда нельзя определить саму «чрезмерность».

Мы уже говорили о таком явлении, как «макдональдизм», концепцию которого разработал американский социолог Дж. Ритцер. Эта концепция опровергает позицию сторонников «постфордизма», что так называемое «нематериальное» производство «неизмеримо». Вместе с тем известный социолог пытается дополнить политэкономия К. Маркса, включив в предмет социального анализа «средства потребления». В эпоху, когда жил К. Маркс, «средства потребления» не играли той важной роли, которую они выполняют в современном обществе, где сфера потребления, если учесть количество вовлеченных в нее работников и получаемые в ней прибыли, разрослась до масштабов, затмевающих сферу производства. Поэтому неудивительно, что в Марксовой модели капиталистического способа производства обнаруживается асимметрия: средства производства присутствуют, а «средства потребления» отсутствуют. К последним Дж. Ритцер в частности относит рестораны быстрого питания («McDonald's» и т.д.), крупные универмаги, мегамаркеты, торговые центры («Mall Of America» и т.д.), оптовые магазины («Wal-Mart Stores» и т.д.), казино-отели (в Лас-Вегасе и др.), парки развлечений («Disneyland Park» и т.д.), круизные морские лайнеры и т.д. [214, с. 501-504].

Действительно, известная поговорка «Что хорошо для «General Motors», хорошо для Америки» утратила былую остроту и актуальность. Сегодня, например, компания «Wal-Mart Stores», являющаяся по существу торговым посредником между производителями, в основном находящимися в Китае и

других азиатских странах, и конечными американскими потребителями [17, с. 192-193, 338], имеет доходы почти в три раза, а численность работников почти в одиннадцать раз превышающие аналогичные показатели флагамена американского автомобилестроения [282].

Однако несмотря на растущие мощности так называемых «средств потребления», следует понять, что они от того не превращаются в новые условия создания стоимости. С точки зрения модели капиталистического способа производства, разработанной К. Марксом, мы должны отнести все эти «средства потребления» к сфере обращения капитала, в которой прибавочная стоимость и стоимость вообще лишь реализуются. Капитал, участвующий в обращении, конечно, получает прибыль. Как это происходит, К. Маркс объяснил на примере торгового (купеческого) капитала. Последний «...участвует в выравнивании прибавочной стоимости в среднюю норму прибыли, хотя и не участвует в производстве этой прибавочной стоимости. Поэтому общая норма прибыли уже содержит в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящейся на долю купеческого капитала, т.е. вычет из прибыли промышленного капитала». Закон стоимости при этом сохраняется: «Подобно тому, как промышленный капитал только потому реализует прибыль, что она как прибавочная стоимость уже заключается в стоимости товара, так и торговый капитал только потому реализует ее, что не вся прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталом в цене товара. Таким образом цена, по которой купец продает, выше той, по которой он покупает, не потому, что первая выше всей стоимости, но потому, что вторая ниже ее». Поскольку торговый (купеческий) капитал участвует в выравнивании прибавочной стоимости в среднюю прибыль, постольку проявляется следующая закономерность: «Чем больше купеческий капитал по сравнению с промышленным капиталом, тем меньше норма промышленной прибыли, и наоборот» [170, т. 25, ч. 1, с. 314].

Очевидно, что с беспрецедентным разбуханием сферы потребления гипертрофически возрастает и капитал, задействованный лишь в сфере

обращения. Следовательно, норма промышленной прибыли должна сократиться. Здесь мы должны обратить внимание на следующую историческую закономерность, подмеченную К. Марксом. В ходе исторического развития именно в сфере обращения прежде всего «образуется общая норма прибыли», а капиталом, определяющим цены товаров по их стоимостям, был торговый, а не промышленный. Поэтому «первоначально торговая прибыль определяет промышленную прибыль. Только после того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль сводится к такой части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части совокупного капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства» [170, т. 25, ч. 1, с. 315]. Сегодня на Западе наблюдается прямо противоположная тенденция, т.е. проявляется «закон зеркальности». Однако в зоне индустриальной «периферии», прежде всего в Китае, не торговая прибыль определяет промышленную прибыль, а наоборот. Это свидетельствует о том, что мировой капитализм как общественно-экономической формация далеко не исчерпал свой исторический лимит.

Дж. Арриги «принципиальное изменение образцового американского бизнеса», т.е. передачу эстафеты лидерства от «General Motors» к «Wal-Mart Stores», считает верным индикатором «финансиализации» американского капитала [17, с. 192-193]. «Финансиализация», по его мнению, позволила американскому капиталу решить проблему, связанную с *законом тенденции нормы прибыли к понижению*. Капиталисты в самом «ядре» мировой системы разделения труда, таким образом, все больше превращаются в рантье, получающих вместо прибыли финансовую и другие формы ренты, но все же ренты капиталистической.

Еще Д. Белл заметил, что в сфере услуг производительность труда ниже, чем в сфере промышленного производства [31, с. 209]. Соответственно ниже и заработная плата [145, с. 522]. Сам этот факт уже должен был навести на мысль, что развитие так называемого третичного сектора в капиталистическом

обществе выполняет компенсаторную функцию, причем не только в плане утилизации теряющего свою рентабельность капитала. Утилизируется таким образом и избыточная масса ранее занятых в промышленном производстве работников.

Вопреки ожиданиям теоретиков «постиндустриализма» расширение сферы услуг сопровождается развитием не высокоинтеллектуальных, а трудоемких видов деятельности, ставящих наемных работников в личную зависимость от их работодателей. Растут и множатся ряды «неоприслуги», что подталкивает, например, Р. Кастеля, одного из крупнейших современных исследователей проблем наемного труда, признать: «Мы оказываемся вне современных отношений найма и даже вне той формы, которую они имели в начале индустриализации...» [145, с. 520].

Дальнейшая автоматизация производства, на которую уповают некоторые авторы, конечно, постепенно охватит и сферу услуг. Например, уже сейчас мы можем наблюдать, как терминалы, банкоматы и Интернет делают работу многих банковских служащих просто ненужной. Аналогичные процессы развиваются и в сфере общественного питания, розничной торговли и т.д.

Исследования таких авторитетных аналитических центров, как «The Boston Consulting Group» и «McKinsey Global Institute», показывают стремительный рост Интернет-экономики [278; 288]. Великобритания уже сегодня превратилась в страну «цифровых лавочников», где почти пятая часть всех покупок осуществляется через Интернет, а на долю Интернет-экономики приходится почти десятая часть от общего объема экономики. Экономический рост развитых стран в последние годы был на одну пятую обусловлен развитием Интернет-экономики. Объем последней в развитых и наиболее крупных странах мира больше экономического вклада таких отраслей, как добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, образование и коммунальные услуги. Все это свидетельствует о том, что современное общество движется по направлению к более широкой и глубокой информатизации и автоматизации.

По мнению В.А. Вазюлина, как мы знаем, автоматизация, высвобождая труд из сферы производства, тем самым освобождает его от власти капитала и эксплуатации вообще. Однако возможен и другой сценарий. Дело в том, что капитал, автоматизируя промышленность и сферу услуг, конечно подрывает базу своего собственного воспроизводства, поскольку труд является субстанцией стоимости, а капитал есть «самовозрастающая» стоимость. Однако капитал, переставая быть самим собой, вместе с тем остается частной собственностью. В.А. Вазюлин сравнивал «комплексно автоматизированное производство» с силами природы. Такой силой, например, является земля. Но земля может быть частной собственностью, но не быть капиталом. Собственник же земли может эксплуатировать труд других людей, не будучи капиталистом. Эксплуатируя же последних, он получает не прибыль, а ренту. Аналогичным образом может получать ренту и собственник автоматизированного производства. Правда, между земельным собственником, живущем в докапиталистическом обществе, и собственником автоматизированного производства грядущего общества есть принципиальная разница: последний не нуждается в рабочей силе. Так новому типу ренты удастся перехитрить труд, чего не удавалось сделать до этого его классовым предшественникам. Поэтому надо отдать должное постмодернистам, которые первыми подметили данную историческую тенденцию, преодолевающую закон стоимости, правда, не совсем верно ее интерпретировав, посчитав, что это и есть «чистейший дискурс капитала», очищенный от «диалектов» производственной фазы развития [38, с. 57], тогда как речь должна идти о способе производства, основывающемся на внеэкономическом принуждении. В связи с этим трудно не согласиться со следующим высказыванием И.Валлерстайна: «Постмодернизм как концепция, претендующая на объяснение, лишь запутывает. Постмодернизм как доктрина возвещения, несомненно, наделена даром предвидения» [60, с. 185].

Одно из существенных противоречий капиталистического способа производства состоит в том, что горизонтальные связи (отношения

координации) между контрагентами, существующие на рынке, дополняются вертикальными связями (отношениями субординации) внутри предприятий. Строгая иерархия является принципом функционирования любой бюрократической организации, включая корпорации. Там, где существует иерархия, всегда есть способ принудить труд, взимая с него *отработочную ренту*. К. Маркс считал последнюю «самой простой формой» ренты, причем полностью тождественной с прибавочной стоимостью [170, т. 25, ч. 2, с. 352]. В феодальном обществе определить ее было достаточно просто, поскольку отработка была отделена от необходимого труда непосредственного производителя, как во времени, так и в пространстве. В современном капиталистическом обществе контуры отработочной ренты очень размыты. Поскольку юридически это никак не закреплено и не выражено (т.к. для капитализма неприемлем принудительный труд в принципе), то отработка списывается на некую случайность. То, что эта случайность уже интегрирована в саму систему производственных отношений в качестве ренты, не осознается не только трудящимися, но и самими капиталистами, воспринимающими отработочную ренту в привычных для себя категориях прибыли.

В сфере интеллектуального труда (так называемого «нематериального» производства), где, как точно заметил М. Маяцкий, капитал заставляет «думать о работе 24 часа в сутки» [171, с. 238], масштабы отработочной ренты уже таковы, что можно с твердой уверенностью сказать: не высота ренты здесь определяется нормой прибыли, а норма прибыли – высотой ренты. «Участники моих фокус-групп и интервью говорят, – пишет известный американский социолог Р.Флорида, – что привыкли работать везде и всегда». Причем передовые технологии этому нисколько не противодействуют, а, напротив, содействуют. «По сути, – комментирует результаты своих социологических исследований Р.Флорида, – развитие современного капитализма неизменно сопровождалось увеличением рабочего дня, в начале с помощью электричества и электрического света, а сейчас – посредством персонального компьютера, сотового телефона и интернета» [245, с. 144].

В связи с этим трудно не согласиться с А.С. Панариным, утверждающим, что «прибавочная стоимость, получаемая современным (буржуазно организованным) обществом, – это использование не предусмотренных системой менового обмена, источаемых как свободный дар энергии, инициативы и воодушевления людей, носящих внеэкономический характер». Однако известный отечественный философ отсюда делает поспешный вывод, что «поэтому и вопрос о природе, источниках и исторических горизонтах этой прибавочной стоимости следует осмыслить не в марксистской, а в какой-то другой парадигме» [197, с. 97]. А.С. Панарин подходит к данной проблеме с метафизической точки зрения, рассматривая капиталистические производственные отношения как нечто навсегда в одном и том же виде данное, тогда как капиталистический способ производства представляет собой исторический социальный организм, законы которого проявляются специфичным образом в зависимости от достигнутой им стадии жизненного цикла. Если руководствоваться диалектическим методом, то совсем не обязательно искать опровержение теории трудовой стоимости К. Маркса в том факте, что неоплачиваемость труда при капиталистическом способе производства «...выступает дважды: как неоплачиваемость общих социальных, демографических и социокультурных предпосылок производства, которые капитализм получает готовыми – как дары внешней социальной среды промышленному предприятию; и как неоплачиваемость той части рабочего времени, которое продолжается сверх необходимого – после того как рабочий покрыл себестоимость своей рабочей силы» [197, с. 119]. Неоплачиваемость первого рода есть источник той части прибавочной стоимости, доля которой в соответствии с «законом зеркальности» растет по мере того, как капитализм все дальше сползает по нисходящей ветви собственной эволюции; той части прибавочной стоимости, которая есть рента, а не капиталистическая прибыль, каковой выступает неоплачиваемость второго рода.

Закон стоимости начнет ослабевать лишь тогда, когда по мере развития производительных сил занятость в сфере производства упадет до предельного

минимума. Сначала собственники средств производства, а затем и собственники «средств потребления» (Дж. Ритцер) перестанут нуждаться даже в дешевой рабочей силе. В условиях капиталистического способа производства такая ситуация породила бы глубокий экономический кризис, т.к. капитал из-за массовой безработицы не смог бы реализовать произведенную прибавочную стоимость.

В этот момент может возникнуть историческая развилка, или «бифуркация», как предпочитают говорить синергетики и представители школы МСА. Марксистские исследователи, как правило, акцентировали внимание на прогрессивном историческом движении от капиталистической к коммунистической общественно-экономической формации. Крах СССР подтолкнул ряд авторов обратиться к осмыслению «диалектики мультисценарной эволюции» (А.В. Бузгалин), о чем мы уже писали выше. Здесь важно уточнить, как возможна «диалектика мультисценарной эволюции» в рамках исторического монизма.

И «диалектика тупикового развития», и «диалектика регресса» суть аспекты общей диалектики прогресса. В ходе прогрессивного исторического развития возможны внутриформационные попятные движения, когда и вступает в силу «закон зеркальности». Общественно-экономическая формация «...существует только в виде совокупности «единичных обществ», ее составляющих...» [25, с. 39], а потому «закон зеркальности», затрагивая одни «единичные общества», обходит стороной другие. Движение по нисходящей линии социального развития несет в себе риск сползания «единичного общества» в более примитивную, или архаичную, общественно-экономическую формацию. Тем не менее общая прогрессивная направленность исторического развития не сменяется на регрессивную, т.к. это бы означало движение истории по кругу. Объясняется это действием закона *отрицания отрицания*, согласно которому в процессе развития не может быть как полной повторяемости, так и полного отрицания. Методологическое значение данного закона таково, что для исследователя, принимающего его в расчет, в равной степени неприемлемы

какие-либо односторонние интерпретации и концепции развития, будь то циклические или линейные. Как писал Б.М. Кедров, «...развитие совершается не по кругу и не прямолинейно, а криволинейно, по спирали, в которой соединяются оба противоположных момента: цикл и прямая линия» [146, с. 39]. О формационном типе исторической эпохи, таким образом, можно судить не по регрессивной направленности движения «единичных обществ» в нисходящей фазе, а по уже достигнутой «единичными обществами» в восходящей фазе «предельной внутриформационной разновидности» [25, с. 44]. По словам М.А.Барга, ««предельный» (на данном временном срезе) тип развития выступает «залогом будущего» всех остальных форм в рамках данной эпохи...» [25, с. 45].

Итак, суть исторической развилки заключается в расхождении восходящей и нисходящей траекторий внутриформационного развития «единичных обществ». Наш анализ позволяет выделить две таких разнонаправленных траектории, а следовательно, два возможных будущих сценария прехождения капиталистической общественно-экономической формации. Ранее мы остановились на том пункте развития капитализма, когда автоматизация приводит к почти нулевой занятости и прибыли в сфере материального производства. Первый возможный сценарий – переориентация капиталистов с получения капиталистической прибыли на поиск некапиталистической ренты. Действительно, если не только формула капиталистического накопления $D-T-D'$ перестает работать, но и формула простого товарного производства – $T-D-T$, то на смену товарно-денежным отношениям, в основе которых лежит закон стоимости, могут прийти отношения обмена личных услуг на материальные блага. Поскольку классовые различия сохраняются, то будущая экономика имеет иерархический вид. «Комплексно автоматизированное производство» максимально снижает потребность в «овеществляющем», или «опредмечивающем», наемном труде. Собственник средств производства, т.е. рантье, будет нуждаться скорее не в «опредмечивающем» наемном труде, а в личных услугах, или в

«распредмечивании» того, что производится почти без участия человека. Если «опредмечивание преобразует деятельные способности субъекта в свойства объекта» [201, с. 109], то распредмечивание, напротив, преобразует свойства объекта в деятельные способности субъекта. Такие социально-экономические отношения между собственниками «комплексно автоматизированного производства», с одной стороны, и поставщиками или носителями личных услуг – с другой, паллиативно назовем *сервисно-рендными*.

Услуги не имеют стоимости, но это не значит, что они бесполезны. Услуги обладают свойством полезности, следовательно, они представляют собой *потребительные стоимости*. Таким образом, сервисно-рендные отношения подчиняются не закону стоимости, а *закону потребительной стоимости*, согласно которому «...высвобождаемое в результате реализации потребительной стоимости время (свободное время) превосходит затраченное рабочее время...» [113, с. 205]. Попробуем понять, к каким последствиям приведет действие закона потребительной стоимости в условиях *сервисно-рендных отношений*.

«Комплексно автоматизированное производство» объединяет капиталы в единое целое, и отдельные капиталисты превращаются в одного «комбинированного капиталиста» (К. Маркс). Материальное производство, почти полностью избавившись от труда, становится неким внешним по отношению к обществу объектом. Обычно исследователи называют «второй природой» культуру. В рассматриваемом сценарии на эту роль в будущем больше подходит материальное производство. Понятие «аутопойетической системы» [164, с. 68-70] как нельзя лучше характеризует такое производство.

Однако превращение всех отдельных капиталистов в одного «комбинированного капиталиста», а материального производства – в «аутопойетическую систему» замкнет класс капиталистов в себе. Уже сегодня З. Бауман, Р.Флорида и другие крупные западные исследователи отмечают такую социальную тенденцию, как переход от восходящей мобильности к горизонтальной. Правда, если Р. Флорида связывает данную тенденцию с

развитием так называемой «креативной экономики», в которой работники сами «...предпочитают перепрыгивать с дерева на дерево в поисках самых привлекательных плодов» [245, с. 134], то З. Бауман не столь оптимистичен. «То, что для одних – результат свободного выбора, – настаивает он, – на других обрушивается как жестокий удар судьбы» [27, с. 101]. На наш взгляд, вовлечение в горизонтальную мобильность все более широких слоев населения следует рассматривать как негативную реакцию на возникший острый дефицит и перекрытие каналов восходящей мобильности, что служит симптомом повышения степени социальной закрытости господствующего класса и одним из индикаторов формирования «аутопойетической экономики».

«Аутопойетическая экономика» не будет приносить прибыль. Она станет необходимым условием или средством изъятия ренты, источником которой будет внешняя по отношению к экономике социальная среда. Вчерашние же капиталисты, таким образом, смогут отдалиться на огромную социальную дистанцию от всего остального общества, превратившись в паразитирующий на услугах последнего и наделенный особыми сословными привилегиями класс рантье.

В отличие от постмодернистов, в частности Ж. Бодрийяра, мы не рассматриваем гипертрофированный рост услуг в современном обществе в качестве подлинной функции капитализма. Как бы то ни было, французскому философу удалось весьма точно описать эту тенденцию: «...всякий труд сливается с обслуживанием – с трудом как чистым присутствием/занятостью, когда человек расходует, предоставляет другому свое время. Он «обозначает» свой труд, подобно тому как можно обозначить свое присутствие или преданность. В таком смысле предоставление услуги действительно неотделимо от предоставляющего ее. Предоставление услуги – это отдача своего тела, времени, пространства, серого вещества. Производится ли при этом что-нибудь или нет – не имеет значения по сравнению с этой личной зависимостью. Прибавочная стоимость, разумеется, исчезает, а заработная плата меняет свой смысл <....> Это не «регрессия» капитала к феодальному

состоянию, а переход к реальному господству, то есть к тотальному закабалению и закрепощению человеческой личности» [38, с. 67].

Действие закона потребительной стоимости в условиях сервисно-рентных отношений, таким образом, приведет к аккумуляции большей части общественно-свободного времени на стороне класса рантье (главного потребителя услуг) и почти полного исчезновения свободного времени у «прислуги» (основного производителя услуг). Зависимость «прислуги» от класса рантье обусловлена тем, что последний контролирует доступ к материальным благам, поскольку «комплексно автоматизированное производство» находится в его частной собственности.

Однако уже сам факт того, что новоиспеченный класс рантье является всего лишь исторической тенью «комбинированного капиталиста» (К. Маркс), говорит о непрочности сервисно-рентных отношений. «Прибавочная стоимость, разумеется, исчезает...», – цитировали мы чуть выше Ж. Бодрийяра. Между тем рента есть форма прибавочной стоимости. Таким образом, можно заключить, что *форма* сервисно-рентных отношений лишена *содержания*. Рента, следовательно, становится *видимостью*. В самом деле, функцией «комплексно автоматизированного производства» является не только избавление общества от непосредственного участия в процессе материального производства, но и обеспечение материального изобилия. Рентные механизмы в этих условиях создают в обществе искусственный дефицит материальных благ, служат средствами ограничения свободного доступа к ним широких слоев общества, чтобы только обеспечить социальное господство одного класса над другим. Указанное несоответствие формы содержанию ретушируется посредством различных социально-структурных и политических инструментов.

4.3. Прогностическая функция «принципа предельности»

Ж. Бодрийяр был уверен, что капитал уже «ничем не детерминирован», т.к. последнему удалось окончательно покончить с трудом. Но в этом он усматривал и смертельную опасность для капитала, поскольку без труда капитал есть фикция, «симулякр». И если удастся разоблачить капитал, то и он сам «вот-вот испустит дух» [38, с. 71]. Отчасти «гуру» постмодернизма был прав, хотя несколько поторопился объявить о полной капитуляции труда, полностью проигнорировав процессы, разворачивавшиеся на «периферии» мировой капиталистической системы. Будущее, считал французский философ, – за «искусственными спутниками», т.е. такими странами, как США («спутник планеты Европа») и Япония («спутник планеты Земля»), «могущество» которых, их стремительное возвышение никак не связаны с «исходными условиями», с предшествующим периодом исторического развития [36, с. 150-151]. Но что бы Ж. Бодрийяр сказал сегодня, глядя на то, как планета Земля превращается в «естественный» спутник Китая? Смог бы он, как более века назад Д.С.Мережковский, повторить слова А.И. Герцена: «Везде, где людские муравейники и улы достигали относительного удовлетворения и уравнивания, – движение вперед делалось тише и тише, пока, наконец, не наступала последняя тишина Китая» [Цит. по: 175, с. 83]?

Стремительная динамика экономического развития Китая и ряда других стран «периферийной» зоны мирового капитализма внушает надежду, что изложенный выше пессимистичный сценарий будущего никогда из формальной возможности не превратится в реальную действительность. Но кроме надежды существуют и теоретико-методологические основания.

Ранее мы обратили внимания на внутрiformационные различия между «единичными обществами», связав это обстоятельство с «принципом предельности». Однако внутрiformационные различия существуют и внутри «единичных обществ». Рассматривая их абстрактно, можно ошибиться в определении формационного типа и направленности исторического движения

«единичного общества». «Принцип предельности» не только удерживает исследователя от «архаизации» настоящего, но и ориентирует социальное прогнозирование на прогрессивный сценарий.

Продemonстрируем данный тезис на примере тех искусственно воздвигаемых в социальных отношениях барьеров, часто выдаваемых за «естественные». Эти социальные барьеры должны выполнять такие функции, как, во-первых, присвоение прибавочной стоимости и, во-вторых, воспроизводство классовых различий. Социальными барьерами, выполняющими сегодня указанные функции, выступают аскриптивные статусы – пол, возраст, расово-этническая принадлежность.

Дискриминация по половому признаку – явление, которое, несмотря на либеральную риторику, так и не было изжито капитализмом на восходящей ветви эволюции и стадии зрелости. Более того, к социальным ролям и видам деятельности, традиционно считавшихся «женскими», в буржуазном обществе добавлялись многие другие, по мере того как капитал вынуждал мужчин избавляться от низкооплачиваемых профессий в пользу высокооплачиваемых или высокодоходных занятий. Вместе с тем женщина выступает основным субъектом экономической активности в таких областях, лежащих за пределами собственно капиталистического производства, как домашнее хозяйство и так называемая «неформальная экономика». По оценкам Кэтрин Б. Уорд, на эти две сферы экономической деятельности приходится «почти 66% всей работы в мире» [214, с. 364], причем вес их не уменьшается, а только растет. В указанных сферах социальные отношения не регулируются законом стоимости, поскольку в них либо не приобретают товарной формы оказываемые женщинами услуги (как в домашнем хозяйстве), либо женская рабочая сила продается ниже ее стоимости (как в «неформальной экономике»), либо вообще женский труд эксплуатируется без всякого возмещения стоимости рабочей силы (как в домашнем хозяйстве, так и в «неформальной экономике»).

Большая вовлеченность женщин в домашнее хозяйство влечет за собой более высокий уровень безработицы среди женщин в сравнении с аналогичным

показателем среди мужчин. Однако уровень безработицы является верным признаком дискриминации не только по половому признаку, но и возрастному.

Молодежная безработица сегодня выдвинулась в число острейших социальных проблем. Например, активные и массовые участники недавних политических событий, названных «Арабской весной», суть безработная молодежь. В Тунисе их зовут «*hittistes*», что в переводе с франко-арабского сленга означает «те, кто прислоняются к стене», в Египте – «*shabab atileen*». В Великобритании также имеются свои «*hittistes*» и «*shabab atileen*» – это *NEETs* («not in education, employment, or training»). В США молодые люди превращаются в «бумерангов» – выпускников колледжей, вернувшихся домой после безуспешной попытки трудоустроиться. В Японии они становятся «*freeters*» (амальгама из английского слова «*freelance*» и немецкого слова «*arbeiter*»). Наконец, в динамично развивающемся Китае есть так называемые «*муравьи племени*» – это молодые китайцы, судьба которых очень похожа на американских «бумерангов», но в отличие от последних им некуда возвращаться, а потому они скапливаются в дешевых квартирах на окраинах больших городов. Все это – разные лики молодежной безработицы [277]. Рассматривая события на Ближнем Востоке в таком контексте, мы начинаем осознавать, что там произошла вовсе не «твиттер-революция», а скорее «фритерс-бунт».

Средний уровень молодежной безработицы превышает таковой среди взрослого населения примерно в два-три раза, достигая в некоторых странах просто катастрофических размеров. В частности, в Испании безработным является каждый второй молодой человек [279]. «Во многих странах молодежь раздавлена геронтократией старых работников, – комментирует сложившуюся ситуацию на рынке труда «Bloomberg Businessweek», – которые, похоже, намерены цепляться за лучшие рабочие места как можно дольше...» [277].

Молодые люди, по словам Р. Кастеля, «...сегодня обречены скитаться, накапливая испытательные сроки, или перебиваться мелкими заработками» [145, с. 468]. Проблема заключается не в низкой квалификации молодежи как

таковой, а в перманентной инфляции профессиональных компетенций, удешевляющей стоимость рабочей силы и ударяющей прежде всего по новичкам, т.е. тем, кто делает первые робкие шаги на рынке труда. Как справедливо заметил Р. Кастель, «вместо снижения уровня безработицы это может привести к повышению уровня квалификации безработных» [145, с. 469]. Таким образом, повышение уровня образования и квалификации не дает молодому человеку никаких гарантий относительно его профессионального будущего и карьерного роста. Это заставляет молодого человека постоянно «выкручиваться», «жить одним днем». Для него «нестабильность становится судьбой». Поэтому, считает французский исследователь, «когда говорят о том, что новые поколения не уважают труд, что некоторые молодые видят в этом неуважении счастливый знак освобождения от отчуждения, свойственного цивилизации труда, то нужно помнить об этой объективной реальности рынка занятости. Как можно в такой ситуации вкладывать свои силы и строить карьерные планы?» [145, с. 477].

«Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее», – писал в XIX веке великий русский писатель Н.В. Гоголь. В XXI веке эта мысль уже не кажется остроумной. Поколению «фритерс» она, скорее всего, покажется горькой насмешкой, особенно после слов бывшего премьер-министра Италии Джулиано Амато, правдиво заявившего, что «старшие поколения съели будущее младших» [277].

В складывающейся ситуации было бы нелепо предполагать, что у капитализма отпадет потребность в таком механизме воспроизводства классовых различий, как расизм. Само это явление исторически обусловлено географической неравномерностью развития человечества. В условиях мировой капиталистической системы эта неравномерность не исчезает, а, напротив, прогрессирует благодаря территориальному разделению труда по оси «ядро – периферия». На это обстоятельство обратил внимание еще К. Маркс, отмечая, что «...закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает еще более значительные изменения благодаря тому, что на мировом рынке

более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, если только конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости» [170, т. 23, с. 571]. В этом кроется причина неэквивалентного обмена, поскольку более производительный труд не является более интенсивным. Следовательно, страна менее развитая в торговле со страной более развитой будет терять часть прибавочной стоимости в пользу последней. Таким образом большая часть мировой прибавочной стоимости будет аккумулироваться в странах «ядра». Но для этого требуется ограничить конкуренцию со стороны стран «периферии». Так у капитализма возникает потребность в расизме.

Благодаря более высокой производительности труда зарплата у нации экономически более развитой выше, чем у нации экономически менее развитой [170, т. 23, с. 571-572]. Поэтому вполне объяснимо, почему иммигранты из развивающихся стран более склонны соглашаться на менее оплачиваемую работу, чем коренные жители развитых стран. С другой стороны, до тех пор, пока будет существовать неравенство в мировом разделении труда, будет существовать и дискриминация по расово-этническому признаку внутри стран «ядра».

Из-за давно возникшей и постоянно растущей потребности Запада в подпитке своей экономики дешевой рабочей силой «катакомбы мирового андеграунда» вместе со своей «транснациональной начинкой» [184, с. 54] переместились из развивающихся стран в развитые. Поэтому расизм из инструмента внешней политики превратился в инструмент внутренней политики. Так, во Франции государство уже на протяжении долгих лет проводит планомерную политику геттоизации иммигрантов из африканских стран. С этой целью были образованы так называемые «чувствительные городские зоны» (ZUS), в которых проживает почти десятая часть населения страны [292], а общий уровень безработицы там выше, чем во французской столице, примерно в два раза. То, как действует механизм расовой сегрегации,

иллюстрирует тот факт, что внутри самих ZUS безработица распределяется крайне неравномерно: для иммигрантов из стран, не входящих в ЕС, ее показатель превышает аналогичный показатель для иммигрантов из стран ЕС более чем в три раза [291].

Другой пример того, как расово-этнические различия служат принципом социальной сегрегации, – лондонский округ Харингей, с которого в августе 2011 года начались беспорядки, охватившие затем всю Англию. Харингей является самым территориально разделенным по уровню доходов округом в британской столице [286]. Между тем, почти каждый второй его житель – небелый иммигрант [286; 295].

Как бы то ни было, не расово-этнические различия порождают неравенство. В капиталистическом обществе, по словам И. Валлерстайна, «...непременно есть те, кого величают «неграми». Если нет черных или их слишком мало, чтобы играть эту социальную роль, изобретаются «белые негры»» [62, с. 45]. Об этом красноречиво свидетельствует просто фантастический разрыв в доходах. Например, в той же Великобритании, по данным на 2010 год, доходы 10% самых богатых домохозяйств превышали доходы 10% самых бедных домохозяйств в 100 раз [294], а в Лондоне – в 273 раза [290].

Современный Лондон демонстрирует ту катастрофическую социальную поляризацию, которая характерна для сервисно-рендных отношений. Не только Лондон, но и другие мировые мегаполисы (Нью-Йорк, Париж, Москва, Токио, Гонконг и т.д.) являются образчиками таких отношений. Все они почти полностью избавились от материального производства, получая огромную ренту от привилегированного положения в мировом разделении труда. Само это привилегированное положение может быть обусловлено как исключительно выгодным местоположением (Гонконг и др.), так и политическими факторами (Москва и др.). Соответственно мировые мегаполисы получают географическую и политическую ренту. Что касается Нью-Йорка и Лондона, то хотя главным источником их фантастического богатства и роскоши и является

так называемая «FIRE-экономика» [289], т.е. финансы, страхование и недвижимость, без особой политической поддержки и привилегий со стороны государства этого достичь никак нельзя. И все же между формами ренты, получаемыми Нью-Йорком и Лондоном, с одной стороны, и Москвой – с другой, нет существенной разницы в том смысле, что все они суть разновидности капиталистической ренты, т.е. избытка над прибылью. Иначе говоря, какими бы редументарными нам не казались некоторые социально-экономические явления, «принцип предельности» позволяет их теоретически удерживать в рамках капиталистической общественно-экономической формации. Отсюда возникает не регрессивная, а прогрессивная историческая перспектива. Особенно это важно для понимания будущего России.

Россия, будучи частью «периферии» мирового капитализма, имеет неразвитые формы капиталистических отношений. Общественный способ производства здесь и в XXI веке сохраняет многие архаизмы России XIX века, которые К. Маркс называл «полуазиатскими общественными условиями» [170, т. 9, с. 21], «азиатским варварством» [170, т. 16, с. 208], «азиатским деспотизмом» [170, т. 18, с. 548]. Говоря об «азиатской системе», классик отмечал, что подлинным собственником в ней выступает государство [170, т. 9, с. 222]. «Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе». Следовательно, «рента и налог совпадают», а частной собственности на землю не существует, хотя и допускается частное владение и пользование землей [170, т. 25, ч. 2, с. 354]. Применительно к ситуации в современной России это означает, что частный капитал находится почти в полной зависимости от благосклонности, проявляемой к нему со стороны государства. Поскольку главные политические функции, власть как таковая сосредоточены в столице, то и крупные капиталы суть лишь функция политической власти. Показательно, что 80% финансов страны проходит через Москву [103], и в ней проживает подавляющая часть российских долларовых миллиардеров, по числу которых столица нашего отечества удерживает мировую пальму первенства [280].

Российские крупные капиталы нередко скрывают рентные механизмы присвоения общественной прибавочной стоимости. Взаимоотношения между бизнесом и государством в стране хорошо вписываются в так называемую «агентскую модель» [218, с. 340-344]. В этой модели государство выступает в роли принципала, наделяющего определенными правами своих агентов, представляющих и реализующих государственные интересы. Собственность, приносящая высокие доходы (как правило, природные ресурсы, а также инфраструктура, созданная еще во времена СССР), по существу находится у агентов в условном пользовании и владении до тех пор, пока это выгодно принципалу, отвечает его экономическим и политическим интересам. В случае «утраты доверия» (а такие прецеденты хорошо известны) агент теряет контроль над собственностью.

Агентская модель в научной литературе чаще всего используется для объяснения фактов коррупции, тогда как для описания политической системы в целом, пораженной коррупцией, современные исследователи предпочитают апеллировать к веберовской концепции «патримониализма» [68]. В ее осовремененных версиях, представленных в работах Ш. Эйзенштадта [267], А.Фисуна и других авторов, «патримониализм» или «неопатримониализм» суть не признаки отсталости или недоразвитости того или иного общества, а проявление некой цивилизационной специфики, альтернативности западному пути исторического развития. В основе «патримониализма» («неопатримониализма») лежат «патронажные отношения», или «клиентелизм». «В наиболее общей форме, – пишет А. Фисун, – клиентелизм можно определить как отношения личной зависимости, вырастающие из асимметричного взаимообмена услугами и статусными позициями между сторонами, каждая из которых обладает неравными ресурсами. Патрон защищает своих клиентов, взамен последние оказывают ему всевозможные услуги. Экономические и властные ресурсы первого обмениваются на (политическую и электоральную) лояльность вторых» [244, с. 13]. В данное определение хотелось бы внести поправку. Речь должна идти не о «защите»

патроном своих клиентов, а о симуляции защиты. Навязывание «защиты» есть способ рационализации патроном положения зависимости, в которую он ставит клиента по отношению к себе. *Видимость* «защиты» сохраняется до того момента, пока связанные с ней издержки для патрона остаются ниже получаемой им от услуг клиента выгоды.

Сторонники концепции патримониализма (неопатримониализма), на наш взгляд, неоправданно расценивают «патронажные отношения» как проявление некой цивилизационной инаковости, выступая, таким образом, против универсалистской интерпретации исторического процесса. При этом как бы остается незамеченным, что ограничивая «клиентизм» зоной «периферии» современной мировой капиталистической системы, им не удастся сделать то же самое в отношении капитала. Так, утверждая, что в постсоветских странах укоренились «клиентарно-патронажные связи», А. Фисун пишет: «Соответственно, формирование экономического капитала происходит не через присвоение средств производства, а прежде всего через присвоение административных средств управления» [244, с. 18].

Наше понимание процессов, протекающих в современной России, несколько иное. В российском обществе действительно пустили глубокие корни «клиентарно-патронажные связи», но именно поэтому в данном случае уместно говорить не о «формировании экономического капитала», а о присвоении и источниках капиталистической формы ренты.

Чтобы адекватно объяснить те трудности, с которыми столкнулась наша страна, нужно правильно определить формационную принадлежность современной России. К. Маркс характеризовал дореволюционную Россию как общество, сущность которого составляет «азиатский способ производства». И в этом, как нам думается, есть глубокий смысл, дающий ключ к пониманию того, почему строительство социализма в СССР потерпело крах, обернулось рождением, как выражается А.В. Бузгалин, «мутантного социализма». Ю.И.Семенов, развивая Марксову идею «азиатского способа производства», применяет по отношению к дореволюционной России термин «политаризм»

[224, с. 480]. В первом приближении понятия «политарное общество» и «патримониальное общество» мало чем друг от друга отличаются. Однако между ними существуют серьезные методологические расхождения, поскольку эти понятия разрабатывались в рамках противоположных научных традиций – марксистской и веберовской. Последняя ориентировалась на формально-логические критерии типологизации обществ, тогда как первая – на диалектические, учитывающие историко-генетические связи между типами обществ. Типы обществ в веберовской традиции суть рядоположенности; в марксистской – этапы социальной эволюции «органического» целого. Вот почему сторонники концепции патримониализма (неопатримониализма) произвольно используют категории капитала, прибыли и т.д. тогда, когда марксистские исследователи проявляют в этом отношении большую сдержанность и осторожность во избежание формационной путаницы и непоследовательности.

Итак, согласно Ю.И. Семенову, дореволюционная Россия была «политарным» обществом, т.е. обществом, в основе которого лежал «азиатский способ производства». Особенность последнего состоит в том, что частная собственность здесь принадлежит господствующему классу в целом, а не отдельным его представителям. Поэтому государство является в «политарном» обществе формой социально-экономического и социально-политического бытия господствующего класса, а не просто «комитетом по управлению его делами», как в обществе буржуазном. Прибавочная стоимость, следовательно, здесь может выступать только в виде ренты, поскольку полностью покоится на внеэкономическом принуждении со стороны государства. Рента поглощает весь прибавочный труд, а потому тут не остается места для прибыли.

Конечно, по мере проникновения капиталистических отношений в поры российского общества прибыль теснила ренту. Однако вплоть до свершения Октябрьской революции 1917 года доминирующей формой прибавочной стоимости оставалась докапиталистическая форма ренты. Следовательно, царские реформы не поколебали основ общественного способа производства.

Большевикам удалось провести индустриализацию страны, но с формационной точки зрения мало что изменилось. «Политарное» общество превратилось, как считает Ю.И. Семенов, в «индустрополитарное», или «неополитарное» [224, с. 501]. В долгосрочной перспективе «неополитаризм» как менее прогрессивная общественно-экономическая формация должен был уступить место капитализму как более прогрессивной общественно-экономической формации. В этой связи довольно странным нам кажется суждение некоторых исследователей, что «Марксов прогноз был жестоко опровергнут событиями в восточной Европе и Советском Союзе» [155, с. 20].

В постсоветской же России произошла деиндустриализация и приватизация. Если об общественном строе, возникшем в СССР, А.В. Бузгалин отзывается как о «мутантном социализме», то общественный строй в современной России можно назвать «мутантным капитализмом»⁵. В обоих случаях «мутантность» есть следствие сохранения «азиатского способа производства», докапиталистических рентных механизмов воспроизводства классовых различий. В нашей стране господствующий класс – это класс рантье, чей бизнес неотделим от государства и политической власти, чья собственность нередко есть лишь условное владение, чьи доходы часто лишь кажутся прибылью и превращаются в свободный капитал лишь за пределами российской юрисдикции. Показательно, что отрасли экономики, не приносящие ренты, являются либо малоприбыльными, либо убыточными вообще. Экономический «рост» в нулевые годы, как показывают подсчеты отечественных ученых, был главным образом обусловлен внешними, а не внутренними обстоятельствами (исключительно благоприятной мировой конъюнктурой цен на углеводородное сырье) [138, с. 133]. В российских условиях как будто подтверждается теория Й. Шумпетера: экономика, функционирующая по законам рынка, не приносит прибыли [266, с. 79].

В то же время широко распространенной является практика преступного присвоения активов предприятия, превращения их в источник «инсайдерской

⁵ Ю.И. Семенов использует термин «паракапитализм» [224, с. 489].

ренды». Последняя, утверждает Р.С. Дзарасов, «...выражает отношения эксплуатации наемного труда. Исторически она восходит к росту привилегий бюрократии в советской экономике, выражавших отношения неформального частного присвоения на базе государственной собственности. Эти неформальные отношения были закреплены в ходе приватизации» [105, с. 38]. Богатство «инсайдеров» растет на фоне банкротств и технологической отсталости, что достигается посредством создания особой «инфраструктуры инсайдерского контроля над активами». По словам Р.С. Дзарасова, «инфраструктура контроля крупных инсайдеров выражает специфику российской модели корпоративного управления, характеризующейся нераздельностью или слиянием прав собственности и функций управления. Инфраструктура контроля является набором инструментов, обеспечивающих силовое господство российского крупного капитала над наемным трудом. Таким образом, для отечественного бизнеса характерна опора на внеэкономическое принуждение» [105, с. 37].

Принимая сказанное к сведению, можно было бы заключить, что Россия до сих пор пребывает на «политарной» стадии развития. Однако какими бы тягостными для россиян не были рабочие будни, все-таки очевидно, что крепостного права в нашей стране нет, а следовательно, нет личной зависимости и внеэкономического принуждения. Основным источником ренты в Российской экономике, включая «инсайдерскую», является не рабский труд, а избыток над прибылью как результат эксплуатации наемного труда. Другими словами, речь идет о капиталистической, а не докапиталистической ренте. И Россия, и Китай, и страны Запада суть «единичные общества» одной и той же, капиталистической, общественно-экономической формации. Говоря словами К.Маркса, «это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации,

которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [170, т. 25, ч. 2, с. 354]. «Принцип предельности», таким образом, склоняет нас ко второму, прогрессивному, прогнозному сценарию, предполагающему не только развитие производительных сил (переход к «комплексно автоматизированному производству»), но и становление более прогрессивных, чем капиталистические, производственных отношений.

4.4. Прогнозирование социальных революций

Кажется, человечество вздохнуло с облегчением, распрощавшись с XX веком. Действительно, в каком еще столетии произошло столько великих, но и столь трагических всемирно-исторических событий? Наконец-то все позади. Наступил долгожданный «конец истории»: не совсем такой, как предполагал сначала Ф. Фукуяма, но уж точно без какой-либо видимой альтернативы мировому капитализму в ближайшем будущем. И как не старался убедить в обратном С. Хантингтон, многоголосие «цивилизаций» этому вовсе не помеха. Исламский мир продолжает бесперебойно поставлять нефть «ненавистному» ему Западу, все громче зазывая американских и европейских туристов на свои фешенебельные курорты и восточные базары. Давно осознав, что западный обыватель желает увидеть здесь «Восток», то есть некий фантом, симулякр, а не реальную действительность [223], арабский (турецкий и т. д.) предприниматель неплохо на этом зарабатывает. Возможно, процесс вестернизации в мусульманских странах протекал бы намного быстрее, если бы стилизация под экзотику не была столь прибыльным делом для части местных бизнесменов. Впрочем, где-то вестернизация воссоздает не просто некие восточные декорации, но ведет к самой настоящей архаизации. Примером может служить Афганистан, где с приходом американской «демократии» производство опиума выросло в разы. Но такова цена за «демократию», установленная для этой страны мировой системой разделения труда. Ведь не

случайно постмодернисты неустанно твердят, что все относительно и никакого исторического прогресса не существует. Кстати, движение талибов, которому противостояли «демократические» силы НАТО, было морально устаревшим побочным продуктом все той же вестернизации. Что касается других «цивилизаций», то их диалог с современностью или постсовременностью носит еще более конструктивный характер. Индия стала мировым лидером высокотехнологичного аутсорсинга. Попытка заговорить с индийцем на хинди может быть здесь расценена как проявление неуважения к собеседнику или невежества. Поэтому, во избежание риска быть обвиненным в незнании местных обычаев, иностранцу желательно разговаривать с туземцами по-английски. Китай же в настоящее время, как известно, – это индустриальный антидепрессант мирового капитализма. Сегодня мало найдется людей, еще верящих в то, что от идеи «социализма с китайской спецификой» осталось хоть что-то кроме пресловутой «специфики». Последняя же совместима с «капиталистическим духом» ни в меньшей степени, чем протестантская этика. Как остроумно заметил публицист М. Дорфман, «кредо «экономического роста» разделяется и американским неолиберальным свободно-рыночным капитализмом, и китайским коммунистическим меркантилизмом, и корейской чучхэ, и иранской исламской революцией» [109].

Итак, необходимо признать, что мир един, и это единство обусловлено исторической системой разделения труда под названием «капитализм». Таким образом, если очаги социального протеста и существуют, то все они носят внутрисистемный, а не внесистемный характер. Вопрос состоит в том, могут ли эти социальные протесты перерасти в социальную революцию?

Очевидно, стохастические социальные протесты, то есть такие, которые не отражают сущностных социальных противоречий, брать в расчет нельзя. Самое большое, к чему они могут привести, – это государственный переворот, но не качественное преобразование социальной системы. Массу примеров такого рода социальных протестов нам дает новейшая история стран Латинской

Америки, Африки и Азии, включая громкие политические события XXI века – «цветные революции» и «арабскую весну».

Следовательно, только социальные протесты, являющиеся закономерным продолжением развития сущностных социальных противоречий, могут революционизировать исторический процесс, то есть вывести социальную систему на качественно иной уровень. Понятно, что ответ на вопрос о том, кто тот субъект, который окажется в авангарде социальной революции, зависит от определения сущности социальных противоречий современности. Понятно также, что для представителей тех философских школ и направлений, которые отрицают само понятие сущности либо ее познаваемость, проблема субъекта социальной революции не имеет смысла, поскольку не существует никаких сущностных, глубинных социальных противоречий или способов их познания. Показательны в этом плане те многочисленные социологические и социально-философские концепции, в названии которых фигурирует приставка «пост-».

В классическом марксизме императивным является суждение, что основные социальные противоречия в капиталистическом обществе возникают и развиваются в сфере материального производства, поскольку последняя составляет сущность общества вообще. В роли антагонистов капиталистических производственных отношений выступают рабочий класс и класс буржуазии. Будучи субъектом социального прогресса, именно рабочий класс призван совершить социальную революцию, став тем самым могильщиком капитализма.

Аргументация сегодняшних защитников классической теории социальной революции, как ни странно, является, на наш взгляд, лучшей демонстрацией того, почему рабочий класс не может претендовать на статус гегемона революции в современном обществе. Так, авторы исследования «Философия производительного труда» [125], исходя из узкого определения производительного труда, утверждают, что главная роль в общественно-экономическом развитии принадлежит рабочему классу, то есть классу наемных работников, занятых непосредственно в материальном производстве.

Это и есть, по их мнению, прогрессивный класс, который должен осуществить переход от капитализма к социализму. При этом исследователи признают, что на Западе доля рабочего класса в общей занятости незначительна, но важно, считают они, не количество, а качество. Только рабочий класс создает свободное время для непроизводительного труда, а потому именно ему принадлежит гегемония в общественном развитии.

Как нам кажется, представленная аргументация остается в плену категорий капиталистической логики, а поэтому трудно согласиться с полученным выводом.

Во-первых, материальным производством заняты не только рабочие, но и крестьяне. Если исходить из того, что земледелие возникло раньше промышленного производства, что рост производительности труда в сельском хозяйстве высвободил время для промышленного производства, тогда именно сельским труженикам необходимо отдать приоритет в общественном развитии. В конечном счете, развитие всех производственных и непроизводственных сфер общества есть результат высвобождения рабочего времени из сельскохозяйственного производства.

Во-вторых, переходы от одной общественно-экономической формации к другой осуществляли классы, чуждые сущности сменявшихся формаций. Никакой революции рабов, как известно, не было. Что касается становления капитализма, то, конечно, это произошло в результате буржуазных революций, однако буржуазия к феодальному способу производства никакого отношения не имела. Следуя логике истории, необходимо признать, что и переход от капиталистической к более прогрессивной общественно-экономической формации должен осуществить класс, который к сущности капиталистического способа производства отношения не имеет. Значит, рабочий класс не может выступить прогрессивной силой нового общества.

Это не умаляет его роли при капитализме как действительно главного (хотя и не единственного, так как все-таки сохраняется и крестьянство) производителя стоимости. Но как раз в стоимости находится ключ к ответу,

какой класс способен осуществить переход к свободному от эксплуатации и принуждения обществу.

Стоимость есть социальное свойство материальных товаров. Поэтому производительный труд в условиях капитализма – это только материальный труд. Нематериальный труд не создает стоимости, следовательно, с точки зрения капиталистического способа производства он непроизводителен. Но нематериальный труд (как и материальный) создает потребительные стоимости в силу своей полезности. Значит, с ростом сферы нематериального производства, что и наблюдается на протяжении всего XX и начала XXI веков, возрастает значение нематериального труда и социальная роль тех социальных групп, которые его выполняют.

Для капитализма процесс «дематериализации» труда уже сегодня вызывает немало проблем, поскольку втиснуть нематериальный труд в товарное производство невозможно в силу неотчуждаемости его результатов от непосредственного производителя.

Стоимость *идеальна*. Идеальность, по Гегелю, есть качество *бесконечности*. Товарная форма *конечна* (а значит, отчуждаема). Поэтому-то ее можно выразить в *количестве* стоимости.

Нематериальный труд *идеален*, как *идеальны* и его результаты. Следовательно, последние обладают качеством *бесконечности* (а значит, неотчуждаемы). Выражая *бесконечность* (результаты нематериального труда) через *бесконечность* (стоимость), мы вместо *прогресса в бесконечность* (как в случае соотношения *бесконечного* и *конечного*) получаем *регресс в ничто*. Дело в том, что *бесконечность* определяется через соотношение с *конечным* [77, с. 121, 123]. *Конечное* есть граница *бесконечного*, как *бесконечное* есть граница *конечного*. В данном случае нет никакой *границы*, поскольку есть только *бесконечное*. Но если нет *границы*, то нет и *бесконечности*. Последняя есть *ничто*. Таким образом, стоимость – это *ничто* результата нематериального труда. Это значит, что она произвольна, что нет никакого закона стоимости, которому бы подчинялся процесс нематериального производства.

Нематериальный труд как труд, производящий только потребительные стоимости, противоречит сущности капитализма. Тем не менее нематериальный труд сегодня формально подчинен стоимостным (товарным) отношениям. Поэтому возникает историческая альтернатива: либо формальное подчинение нематериального труда становится реальным, либо нематериальный труд становится свободным, избавляясь от формального подчинения.

Первый альтернативный вариант предполагает обращение капиталистической прибыли в докапиталистическую ренту. Для этого капиталисты должны превратиться в рантье, поставив в личную зависимость от себя наемный труд. Логика проста: если результаты нематериального труда неотчуждаемы, то неотчуждаемыми от рантье должны стать производители услуг (нематериальных продуктов). С точки зрения развития производственных отношений это – антипрогрессивная историческая тенденция, тупиковая ветвь социальной эволюции. Поэтому реализация первого варианта представляет собой формальную возможность.

Насколько реально возможен второй альтернативный вариант?

Капиталистический способ производства, следовательно, отношения свободного наемного труда и капитала составляют сущность современного общества. Вся прибавочная стоимость создается в сфере материального производства, однако не реализуется полностью промышленным (и сельскохозяйственным) капиталом. В выравнивании общей нормы капиталистической прибыли принимают участие торговый, транспортный, финансовый (за исключением фиктивного) и другие виды непромышленного капитала, обращающегося в сфере услуг. Но если непромышленный капитал участвует в выравнивании общей нормы прибыли наряду с промышленным, то, следовательно, он, как и последний, подвергает эксплуатации труд наемных работников. Правда, речь идет о наемных работниках, вовлеченных в сферу услуг. Эти наемные работники участвуют в «захвате» части прибавочной стоимости, произведенной промышленными рабочими, но не для себя, а для

непромышленного капитала. Степень эксплуатации здесь есть отношение «захваченной» прибавочной стоимости, достаемой собственникам непромышленного капитала, к стоимости рабочей силы служащих. Хотя нематериальный труд не может быть субстанцией стоимости, рабочая сила служащих имеет стоимость, которая определяется точно так же, как стоимость рабочей силы промышленных работников – стоимостью необходимых для воспроизводства рабочей силы товаров.

Переход к «комплексно автоматизированному производству» в конце концов «выбьет почву из-под ног» капитала, так как труд почти полностью будет вытеснен из сферы материального производства. А это значит, что материальное производство перестанет определяться рабочим временем, а материальные продукты утратят свойство стоимости. Этот процесс коснется и рабочей силы служащих: так как материальные продукты больше ничего не стоят, то ничего не стоит и не может продаваться, т.е. быть товаром, рабочая сила служащих. Проблема эксплуатации труда, однако, таким образом не снимается, поскольку сохраняются отношения частной собственности.

В условиях капиталистического способа производства нематериальный труд является «непроизводительным». Однако этот «непроизводительный» (с точки зрения капитала) труд служит экономии общественного рабочего времени, что при капитализме находит иррациональное выражение в росте прибыли. Но именно свободное от материального производства время, а не прибыль, составляет подлинное богатство общества. Следовательно, в исторической перспективе именно нематериальный труд превратится в главный источник богатства общества. Другими словами, нематериальный труд утвердится в качестве основного труда, производящего истинное богатство общества.

Общественное богатство становится тождественным своему понятию в обществе свободном от экономической зависимости. Коммунистическое производство есть производство потребительных стоимостей, свободное от отношений зависимости. Производительный труд в условиях коммунизма есть

труд, создающий потребительные стоимости. Последние могут быть материальными и нематериальными. Таким образом, коммунизм – это общество производителей потребительных стоимостей. В условиях капитализма эти производители потребительных стоимостей выступают в качестве пролетариата, но уже сегодня и доля (количество), и роль (качество) представителей рабочего (промышленного) класса среди них незначительна. Нет никаких оснований считать, что в будущем эта тенденция изменится.

К сказанному добавим, что абсолютизация различия производительного (материального) и непроизводительного (нематериального) труда приводит к забвению их тождества и превращению противоположностей одной сущности в противоположные сущности. Именно такую логическую ошибку допустили постмодернисты и теоретики постиндустриального общества, выдавая сужение собственно сферы материального (промышленного) производства за исчезновение («смерть») труда вообще и противопоставляя творчество труду. Последний сведен к материальному труду. За его пределами начинается творчество. Очевидна логическая ошибка слишком узкого определения труда. Аналогичной «деструкции» подверглось и понятие экономики. Так возник миф о грядущем «постэкономическом» обществе.

Итак, возникающие уже сегодня в мировой системе капитализма социальные протесты, обусловленные внутренними, сущностными противоречиями капиталистического способа производства, реально могут перерасти в социальную революцию. Эти сущностные противоречия капиталистического производства заключаются в эксплуатации наемного труда капиталом. Объектом такой эксплуатации служит материальный и нематериальный труд пролетариата.

Условиям существования капитализма, основывающегося на стоимостных отношениях, противоречит характер нематериального труда, производящего только потребительные стоимости. В исторической перспективе противоречие между нематериальным трудом, производящим потребительные стоимости, и отношением экономической зависимости, в которое он поставлен,

достигнет наивысшей степени остроты. Поэтому уже сегодня мы можем указать на тот социальный класс, который пока еще является *формальным* субъектом социальной революции, но превратится в ее *реального* субъекта по мере сужения материального производства. Это – пролетариат, занятый в сфере нематериального труда (производства).

Полученные выводы говорят о том, что социальная база революционного преобразования будущего общества намного шире, чем принято считать теми марксистскими теоретиками, которые руководствуются стоимостными критериями определения производительного труда. Именно эту мысль и пытались донести до своих коллег современные западные марксисты А.Негри и М. Хардт в своих широко известных книгах «Империя» [252] и «Множество» [253].

К сожалению, они не были поняты рядом критиков левой ориентации. Так, А.Б. Баллаев назвал вводимое авторами понятие «нового пролетариата» результатом использования метода «до кучи» [24, с. 228]. В таком же духе отозвался об этой идее известный во всем мире левый теоретик С. Амин. По его мнению, «в настоящее время, принять вызов – значит говорить о создании демократических, народных и национальных гегемонистических блоков, способных преодолеть силу, представленную как империалистическими, так и компрадорскими гегемонистическими блоками» [10].

Против понятия пролетариата в широком смысле выступает и российский исследователь С. Ермолаев. Его точка зрения очень близка, если не идентична, позиции С. Амина. По существу она не выходит за рамки теории империализма, хотя и несколько отреставрирована с помощью понятий МСА. Суть ее в следующем. К настоящему времени производительный труд сосредоточен главным образом только в странах «периферии» мировой капиталистической системы, а потому классовый конфликт между эксплуататорами и эксплуатируемыми необходимо рассматривать как конфликт по оси «ядро» – «периферия». «Но можно смело предположить, что капитализм меньше всего рискует погибнуть от революционного движения в

ведущих странах. В конце концов, у корпораций достаточно ресурсов для того, чтобы в случае опасности опять умаслить собственное население с помощью социальной политики. Куда более серьезная опасность для капитализма – и исторический опыт все того же XX века тому свидетельство – будет исходить от «периферии»» [115].

Напротив, С. Жижек усматривает в понятии пролетариата в широком смысле логическое развитие идей К. Маркса. «Поэтому Хардт и Негри заслуживают всяческих похвал за разъяснение нам противоречивой природы сегодняшнего «турбокапитализма» и попытку установления революционного потенциала его развития. Эта героическая попытка противоречит привычному представлению тех левых, которые борются за ограничение разрушительных сил глобализации и сохранение (того, что осталось от) государства всеобщего благосостояния. Это привычное левацкое представление пропитано глубоко консервативным недоверием к динамике глобализации и дигитализации, которое полностью противоречит марксистской вере в силы прогресса» [120].

На наш взгляд, уповать на классовую солидарность и высокий уровень самосознания рабочих стран «периферии», одновременно вбивая клин между ними и наемными работниками стран «ядра» на том основании, что последние не заняты в сфере материального производства, является недальновидной стратегией политической борьбы. Капитализм не вечен, и это признают даже те авторы, которые не верят ни в какие исторические прогнозы [189, с. 97], но капитализм уйдет с исторической авансцены вместе со своим заклятым врагом – промышленным классом.

Если сейчас некоторые марксистские и другие левые авторы, цепляясь за концепцию рабочего класса как гегемона революции, с нескрываемым опасением и пренебрежением относятся к расширительной интерпретации понятия пролетариата, теоретически отсекая самые многочисленные социальные слои современного западного общества от социально-революционного процесса, то их либеральные оппоненты предпринимают нечто подобное, пытаясь с помощью довольно рыхлых понятий соорудить

санитарный кордон между пестуемым ими «креативным классом» и унылой серой массой «обслуживающего класса». «Радикальное отличие между креативным и другими классами заключается в том, – пишет автор концепции «креативного класса» американский социолог Р. Флорида, – за что они получают деньги. Представителям рабочего и обслуживающего класса платят, главным образом, за выполнение работы согласно плану, тогда как креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая что-то новое...» [245, с. 23-24]. По оценкам Р. Флориды, доля «креативного класса» в США – 30% всех работающих граждан. По численности «креативный класс» еще уступает «обслуживающему классу», но уже превосходит рабочий класс. Однако его вклад в американскую экономику уже сейчас самый весомый, а впредь будет только расти.

Итак, новизна результата экономической деятельности для Р. Флориды выступает главным критерием отличия «креативного класса» от двух других. Нельзя не заметить некоторого сближения данной концепции с марксистской классовой теорией в том плане, что первая также ориентирована на поиск классовых различий в экономике. Однако Р. Флорида абсолютно игнорирует такое экономическое отношение, как собственность на средства производства. «Я не говорю об экономическом классе с точки зрения владения собственностью, капиталом или средствами производства», – пишет американский социолог. Его возражения против использования указанных критериев сводятся к следующему: «Члены креативного класса обычно не владеют какой-либо существенной собственностью в материальном смысле. Их собственность, проистекающая из творческих способностей, не имеет физической формы, поскольку располагается буквально у них в мозгу» [245, с. 85]. Аргумент очень странный: не нужно использовать критерий частной собственности на средства производства, т.к. ее нет у «креативного класса». Но ведь марксистская теория на том и стоит, что классовые антагонизмы проистекают из факта наличия собственности в руках одного класса и ее отсутствия у другого. Каким-то загадочным образом из поля зрения Р.Флориды

выпадает класс собственников средств производства, как будто капиталистов уже больше не существует.

Между тем все становится на свои места, если использовать понятие «класс», в его, как выразился Р. Флорида, «традиционном марксистском значении». Тогда никаких классовых различий между рабочими, служащими (обслуживающим персоналом, прислугой и т.д.) и «креативщиками» не обнаруживается. Все эти социальные группы образуют *конкретное тождество*, т.е. единый социальный класс с внутриклассовыми различиями. Если деятельности «креативщиков» приписывается творческий характер, то это еще не значит, что элементы творчества отсутствуют в деятельности двух других групп, что признает и сам Р. Флорида [245, с. 25].

Творчество как деятельность, направленная на создание чего-то нового, часто противопоставляется репродуктивной деятельности, «повторяющей то, что уже есть» [201, с. 29]. Такое противопоставление, на наш взгляд, выражает метафизический, а не диалектический взгляд на человеческую деятельность. В человеческой деятельности повторение и новизна тесно переплетены, выступают внутренними моментами единого диалектического процесса. Новое есть диалектически *снятое* старое, тогда как повторение старого никогда не может быть полным или абсолютным, всегда несколько отклоняется от того, что было. Порожденное классовым неравенством разделение труда привело к внешнему обособлению творческой функции труда от его репродуктивной функции. Превращение же в условиях капитализма человека труда в частичного работника создало *видимость* полного разрыва существующей диалектической связи между двумя внутренне едиными сторонами человеческой деятельности. Но ее творческий характер все равно дает о себе знать даже в тех сферах экономической активности, где творческий элемент сведен к минимуму. Дело в том, что по своей природе «труд есть *положительная, творческая деятельность*» [170, т. 46, ч. 2, с. 113]. Действительно, то, что труд в сфере материального производства, будучи репродуктивной деятельностью, есть в то же время деятельность творческая,

иллюстрирует тот факт, что именно здесь создается прибавочная стоимость. Данный факт говорит о превосходстве результатов труда над его затратами, то есть о творческом характере последнего. Хотя в сфере нематериального производства, как мы выяснили, прибавочная стоимость, как и стоимость вообще, не создается, но и здесь труд, согласно закону потребительной стоимости, демонстрирует свое удивительное свойство превосходства результатов над затратами.

По мере роста и расширения «комплексно автоматического производства» репродуктивная функция труда почти исчезнет. Тогда и станет окончательно ясно, что различия между «креативщиками», с одной стороны, и рабочими и служащими – с другой, носят мнимый характер. Глубокий социальный разлом будет проходить не по линии творчество – труд, а по линии труд – нетруд. Фундаментальная причина же этого катастрофического социального разлома кроется не в «способности продуцировать новые знания», как на то уповают провозвестники «постэкономического общества» [133, с. 21], а в частной собственности на средства производства.

Заключение

В данном исследовании мы исходили из понимания общества как исторической системы, что потребовало от нас критически подойти к оценке состояния современной социальной науки, потому что историзм в ней ограничен капиталистической стадией развития, воспринимаемой как высшая или конечная ступень социальной эволюции. Такая методологическая установка никак не согласуется с теми стремительно растущими и обостряющимися общественными противоречиями, которые не могут быть разрешены в условиях существующей социальной системы.

Искусственное сужение исторического горизонта негативно сказывается на прогностической силе доминирующих сегодня в общественном знании теорий. Мы поставили перед собой задачу вскрыть методологические недостатки распространенных и популярных сегодня концепций, чтобы не только наметить некий гносеологический выход для общественного знания из кризисной ситуации, но и разработать свой социальный прогноз, продемонстрировав тем самым потенциал диалектико-материалистического подхода.

Метафизический, т.е. антидиалектический, способ мышления является, на наш взгляд, одним из наиболее серьезных препятствий на пути дальнейшего продвижения общественного знания к познанию будущего. Вместе с тем сравнение материалистических и идеалистических исторических прогнозов показывает, что материалистическое понимание истории дает более достоверные и научно выверенные результаты познания будущего. Таким образом, мы приходим к осознанию необходимости более широкого и интенсивного использования диалектико-материалистического подхода в социальном познании, включая область социального прогнозирования.

После затянувшейся паузы, возникшей в результате фиаско советского проекта и его официальной идеологической доктрины, называвшейся марксизмом-ленинизмом, сегодня в отечественном общественном знании вновь пробуждается и растет интерес к диалектике. Стало ясно, что альтернативные

методологии со всеми их достоинствами не приближают нас к истине в той мере, в какой это позволяет сделать диалектика со всеми ее недостатками. Тем не менее, по-видимому, прошло еще слишком мало времени, чтобы отечественные исследователи могли спокойно и уверенно заявить, что не идеализм Гегеля, а материализм Маркса есть вершина диалектики.

Попытки сблизить формационную теорию с цивилизационным подходом, технологическим и культурологическим детерминизмом трудно назвать успешными. Мы приходим к выводу, что такие методологические инновации смешивают материалистический монизм с идеализмом, ведут к дуализму или плюрализму.

Казалось бы, западные авторы менее отягощены наследием советского прошлого, а потому должны быть более свободны и беспристрастны в своих оценках Марксовой диалектики. В общем и целом так оно и есть. Вместе с тем бытует и такое представление, что метод Маркса аутентичен гегелевской логике как раз в силу его идеалистичности. Наш анализ дает нам основания утверждать, что Марксов метод порывает с диалектикой Гегеля именно в том месте, где ограниченность идеализма несовместима с безграничностью возможностей диалектического метода.

К сожалению, К. Маркс не оставил после себя систематического изложения основ материалистической диалектики, как это сделал Гегель в отношении диалектики идеалистической. Но он написал фундаментальный труд под названием «Капитал», в котором посредством «поставленной на ноги» гегелевской логики он проник в самые глубины капиталистического способа производства.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному, виртуозно реализованный К. Марксом в «Капитале», позволил классику проникнуть в сущность капиталистического способа производства и подняться по крутым ступеням многоэтажного здания капиталистического общества на самую его вершину, откуда открывается совершенно удивительная историческая панорама «царства свободы», лежащего по ту сторону «царства необходимости».

К. Маркс был уверен, что из капитализма в «царство свободы» ведет прямой, хотя и тернистый путь. Однако с момента выхода «Капитала» фасад мировой капиталистической системы изменился настолько, что приобрел неузнаваемые черты. Капитализм, считал классик, одержал историческую победу над внеэкономическим принуждением. Оставалось, следуя этой логике, лишь избавиться от принуждения экономического, и тогда тысячелетние муки эксплуатации человека человеком канут в Лету. Но метаморфозы современного капитализма заставляют нас насторожиться, поскольку симптомы его прехождения говорят о том, что рудиментарные социальные отношения до конца не изжиты.

К. Маркс исследовал капиталистический способ производства, когда тот уже находился в стадии зрелости своего развития. Современная ситуация отличается от той, что сложилась в XIX веке, тем, что капитализм уже движется по нисходящей ветви своей социальной эволюции. Подтверждением тому служит «закон зеркальности».

Когда метод восхождения от абстрактного к конкретному применяется для исследования развитого предмета, то в качестве его *начала* берется элементарная абстрактная категория. Используя же метод восхождения от абстрактного к конкретному в прогностических целях, мы руководствовались идеей К. Маркса о том, что абстрактная категория развитого предмета является, напротив, конкретной на самой ранней стадии его (предмета) становления. *Сущность* предмета есть более абстрактный уровень, чем *явление*. В логическом аспекте в сфере *действительности* предмет достигает наибольшей конкретности.

Прибавочная стоимость составляет *сущность* капиталистического способа производства, но *являет* себя в форме прибыли. Однако уже сейчас прибыль вытесняется рентой. Таким образом, в первом приближении история как бы повторяется: от экономического принуждения, лежащего в основе капиталистического способа производства, человечество движется по направлению к внеэкономическому принуждению.

«Принцип предельности», однако, удерживает нас от соблазна интерпретировать замеченную тенденцию как проявление архаизации, или исторического регресса. Иначе говоря, вытеснение прибыли рентой может свидетельствовать не о сползании капитализма в феодализм, а об его прогрессивном формационном прехождении, начале становления общества нового формационного типа.

В момент перехода восходящей фазы развития общественно-экономической формации в нисходящую фазу возникает внутриформационная историческая развилка. Суть этой исторической развилки заключается в расхождении восходящей и нисходящей траекторий внутриформационного развития. Наш анализ позволяет выделить две таких разнонаправленных траектории, а следовательно, два возможных будущих сценария прехождения капиталистической общественно-экономической формации. Первый возможный сценарий – переориентация капиталистов с получения капиталистической прибыли на поиск некапиталистической ренты. Второй сценарий предполагает не только развитие производительных сил, но и становление более прогрессивных, чем капиталистические, производственных отношений.

Возникновение внутриформационной исторической развилки в условиях капитализма обусловлено наблюдаемым ростом сферы нематериального производства, возрастанием значения нематериального труда и социальной роли тех социальных групп, которые его выполняют. Для капитализма процесс «дематериализации» труда вызывает неразрешимые системные проблемы, поскольку втиснуть нематериальный труд в товарное производство невозможно в силу неотчуждаемости его результатов от непосредственного производителя.

Переход к «комплексно автоматизированному производству», а следовательно, почти полное высвобождение труда из сферы материального производства в конце концов предотвращает рост капитала, разрушает его. Материальное производство перестает определяться рабочим временем, а материальные продукты утрачивают свойство стоимости. Этот процесс

коснется и рабочей силы служащих: так как материальные продукты больше ничего не стоят, то ничего не стоит и не может продаваться, т.е. быть товаром, рабочая сила служащих. Проблема эксплуатации труда, однако, таким образом не снимается, поскольку сохраняются отношения частной собственности.

Нематериальный труд сегодня формально подчинен стоимостным (товарным) отношениям. Поэтому возникает историческая альтернатива: либо формальное подчинение нематериального труда становится реальным, либо нематериальный труд становится свободным, избавляясь от формального подчинения.

Первый альтернативный вариант предполагает обращение капиталистической прибыли в докапиталистическую ренту. Для этого капиталисты должны превратиться в рантье, поставив в личную зависимость от себя наемный труд. С точки зрения развития производственных отношений это – антипрогрессивная историческая тенденция, тупиковая ветвь социальной эволюции. Поэтому реализация первого варианта представляет собой формальную возможность.

В условиях капиталистического способа производства нематериальный труд является «непроизводительным». Однако этот «непроизводительный» (с точки зрения капитала) труд служит экономии общественного рабочего времени, что при капитализме находит иррациональное выражение в росте прибыли. Но именно свободное от материального производства время, а не прибыль, составляет подлинное богатство общества. Следовательно, в исторической перспективе именно нематериальный труд превратится в главный источник богатства общества. Другими словами, нематериальный труд утвердится в качестве основного труда, производящего истинное богатство общества.

Общественное богатство становится тождественным своему понятию в обществе свободном от экономической зависимости. Поэтому переход к такому обществу представляет собой реальную альтернативную возможность.

Библиографический список

1. Автономов, В.С. Шумпетер и его книги / В.С. Автономов // Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. - М.: Эксмо, 2007. - С. 10-27.
2. Акаев, А.А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования развития мировой системы и России / А.А. Акаев, В.А. Садовничий // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / Отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. - С. 5-69.
3. Акаев, А.А. Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом [Электронный ресурс] / А.А.Акаев. - Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=167&Itemid=49. - Загл. с экрана.
4. Алаев, Л.Б. Восток в мировой типологии феодализма. Восточный феодализм / Л.Б. Алаев // История Востока. Т. 2: Восток в средние века. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. - С. 600-626.
5. Алаев, Л.Б. Формационное развитие стран Востока на рубеже нового времени / Л.Б. Алаев // История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI – XVIII вв. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. - С. 9-27.
6. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. - М.: «Аграф», 1998. - 640 с.
7. Алле, М. Современная экономическая наука и факты / М. Алле // THESIS. - 1994. - Вып. 4. - С.11-19.
8. Альтюссер, Л. Ленин и философия / Л. Альтюссер. - М.: Издательство «Ад Маргинем», 2005. - 176 с.
9. Альтюссер, Л. За Маркса / Л. Альтюссер. - М.: Праксис, 2006. - 392 с.

10. Амин, С. «Империя» и «Множество» [Электронный ресурс] / С. Амин. - Режим доступа: <http://left.ru/2006/5/amin139.phtml?print>. - Загл. с экрана.
11. Амин, С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / С. Амин. - М.: Издательство «Европа», 2007. - 168 с.
12. Анкерсмит, Ф.Р. Политическая репрезентация / Ф.Р. Анкерсмит. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. - 288 с.
13. Араб-Оглы, Э.А. В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба / Э.А. Араб-Оглы. - М.: «Молодая гвардия», 1973. - 304 с.
14. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории / Реймон Арон. - М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. - 544 с.
15. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. - 472 с.
16. Арриги, Дж. Государства, рынки и капитализм: Восток и Запад / Дж. Арриги // Прогнозис. - 2007. - № 4 (12). - С. 24-49.
17. Арриги, Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги. - М.: Институт общественного проектирования, 2009. - 456 с.
18. Асмус, В.Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля / В.Ф. Асмус // Вопросы философии. - 1995. - № 1. - С. 52-69.
19. Афанасьев, В.С. Великие депрессии в США и России. (Опыт сравнительного статистического анализа) / В.С. Афанасьев // Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. - М.: Изд-во МГУ, 2004. - С. 273-299.
20. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А.С. Ахиезер. - Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1997. – 808 с.
21. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 2 т. Т. 2. Теория и методология. Словарь / А.С. Ахиезер. - Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1998. - 600 с.

22. Ашрафян, К.З. Итоги исторического процесса на средневековом Востоке к концу XV в. / К.З. Ашрафян // История Востока. Т. 2: Восток в средние века. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. - С. 627-639.
23. Балибар, Э. Предисловие / Э. Балибар // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. - М.: Логос-Альтера, Ессе Ното. 2003. - С. 11-24.
24. Баллаев, А.Б. Рецензия на книгу М. Хардта и А. Негри «Империя» / А.Б. Баллаев // История философии. - М., 2005. - Вып. 12. - С. 224-228.
25. Барг, М.А. Категории и методы исторической науки / М.А. Барг. - М.: Издательство «Наука», 1984. - 344 с.
26. Баткин, Л.М. Странная тюрьма исторической необходимости / Л.М.Баткин // Одиссей. Человек в истории. 2000. - М.: Наука, 2000. - С. 64-77.
27. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. - М.: Издательство «Весь Мир», 2004. - 188 с.
28. Бауман, З. Есть ли у левых будущее? / З. Бауман // Прогнозиз. - 2007. - № 4 (12). - С. 112-119.
29. Бауман, З. Город страхов, город надежд // Логос. - 2008. - № 3 (66). - С. 24-53.
30. Бек, У. Что такое глобализация? / Ульрих Бек. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 304 с.
31. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. - М.: Academia, 2004. - CLXX, 788 с.
32. Бем-Баверк, О. Критика теории Маркса / О. Бем-Баверк. – М., Челябинск: Социум, 2002. - 283 с.
33. Бессонова, О.Э. Вектор институционального развития России: от квазирынка к либеральному раздатку [Электронный ресурс] / О.Э.Бессонова // Экономическая социология. - 2008. - Т. 9. - № 2. - С. 15-28.

-

Режим

доступа:

http://ecsoc.hse.ru/data/329/589/1234/3ecsoc_t9_n2.pdf#page=15. – Загл. с экрана.

34. Бессонова, О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации / О.Э. Бессонова. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. - 144 с.
35. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Марк Блауг. - М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. - 687 с.
36. Бодрийяр, Ж. Америка / Ж. Бодрийяр. – СПб.: «Владимир Даль», 2000. - 208 с.
37. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. - М.: Библион - Русская книга, 2003. - 272 с.
38. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. - М.: Добросвет, КДУ, 2006. - 389 с.
39. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф.Бродель. - М.: Прогресс, 1986. - 624 с.
40. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель. - М.: Прогресс, 1988. - 632 с.
41. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира / Ф. Бродель. - М.: Прогресс, 1992. - 680 с.
42. Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Ф. Бродель. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 496 с.
43. Бузгалин, А. К критике еsonomics (теоретическое обоснование необходимости коррекции господствующей модели учебного курса по экономической теории) / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. - 1998. - № 6. - С. 87-107.

44. Бузгалин, А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? / А.В. Бузгалин // Вопросы философии. - 2002. - № 5. - С. 26-43.
45. Бузгалин, А.В. «Анти-Поппер: Социальное освобождение и его друзья» / А.В. Бузгалин. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 152 с.
46. Бузгалин, А.В. Марксистская философия истории versus экономический детерминизм (надо ли дополнять марксизм цивилизационным подходом) / А.В. Бузгалин // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. - С. 125-151.
47. Бузгалин, А.В. Методология и теория исследования социализма: некоторые полемические заметки / А.В. Бузгалин // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. - С. 222-241.
48. Бузгалин, А.В. XXI век и «провалы марксизма»: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс? (Вместо заключения) // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. - С. 242-262.
49. Бузгалин, А.В. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М.: Культурная революция, 2009. - 687 с.
50. Бузгалин, А.В. Что есть Россия? / А.В. Бузгалин // Альтернативы. – 2010. - № 3. - С. 4-22.
51. Бузгалин, А.В. Коммунизм как практический вызов левым [ых] (размышления в связи с «Размышлениями...» Славоя Жижека и не только) / А.В. Бузгалин // Альтернативы. - 2011. - № 2. - С. 156-189.
52. Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдье. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. - 576 с.

53. Бутенко, А.П. Философия истории и XX столетие (эскиз новой концепции) / А.П. Бутенко // Философия и общество. - 1997. - № 5. - С. 71-77.
54. Вазюлин, В.А. О социальной философии истории / В.А. Вазюлин // Социс. - 1992. - № 12. - С. 90-98.
55. Вазюлин, В.А. Логика «Капитала» Карла Маркса / В.А. Вазюлин. - М.: Современный гуманитарный университет, 2002. - 390 с.
56. Вазюлин, В.А. Об альтернативности истории / В.А. Вазюлин // Марксизм и современность. - 2004. - № 1. - С. 27-29.
57. Вазюлин, В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии / В.А. Вазюлин. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Изд-во СГУ, 2005. - 432 с.
58. Валентей, С.Д. Развитие общества в теории социальных альтернатив / С.Д. Валентей, Л.И. Нестеров. - М.: Наука, 2003. - 200 с.
59. Валлерстайн, И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010 / И. Валлерстайн // Свободная мысль. - 1996. - № 5. - С. 30-42.
60. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. - СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. - 416 с.
61. Валлерстайн, И. Буржуа(зия) как концепция и реальность / И.Валлерстайн // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э.Балибар, И. Валлерстайн. - М.: Левая карта, 2003. - С. 156-176.
62. Валлерстайн, И. Идеологические противоречия капитализма: Универсализм против расизма и сексизма / И. Валлерстайн // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. - М.: Левая карта, 2003. - С. 40-47.
63. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. - М.: Логос, 2003. - 368 с.
64. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение / И. Валлерстайн. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. - 248 с.

65. Вальтух, К.К. Теория стоимости: статистическая верификация, информационное обобщение, актуальные выводы / К.К. Вальтух // Вестник Российской академии наук. - 2005. - Том 75. - № 9. - С. 793-817.
66. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. - М.: Прогресс, 1990. - 808 с.
67. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. - М.: Юрист, 1994. - 704 с.
68. Вебер, М. Традиционное господство / М. Вебер // Прогнозис. - 2007. - №2. - С. 150-165.
69. Ведин, Н.В. Актуальные вопросы разработки методологии современной экономической науки [Электронный ресурс] / Н.В. Ведин, Н.Ф. Газизуллин, А.Ш. Хасанова // Проблемы современной экономики. - 2003. - № 3 (7). - Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=302>. - Загл. с экрана.
70. Ведин, Н.В. О теоретико-методологических основах преодоления конкурентно-индивидуалистической парадигмы в современной экономической науке [Электронный ресурс] / Н.В. Ведин // Проблемы современной экономики. - 2006. - № 3 (19). - Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1051>. - Загл. с экрана.
71. Верчеллоне, К. Вопрос о развитии в век когнитивного капитализма / К.Верчеллоне // Логос. - 2007. - № 4 (61). - С. 144-167.
72. Газета «Жэньминь жибао» он-лайн [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31520/6567940.html>. - Загл. с экрана.
73. Гайдар, Е.Т. Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Е.Т. Гайдар. - М.: Издательство «Евразия», 1997. - 784 с.
74. Гайдар, Е. Мировая экономическая конъюнктура и Россия / Е. Гайдар // Экономическая политика. - 2008. - №1. - С. 39-55.
75. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г.В.Ф.Гегель. - М.: Мысль, 1974. - 452 с.

76. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2000. - 490 с.
77. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. - СПб.: Наука, 2002. - 800 с.
78. Гемпель, К.Г. Функция общих законов в истории / К.Г. Гемпель // Вопросы философии. - 1998. - № 10. - С. 88-97.
79. Гендин, А.М. Социальный прогноз: диалектика достоверности и случайности / А.М. Гендин // Философские науки. - 1981. - № 3. - С. 15-23.
80. Гендин, А.М. Предмет и основные функции социальной прогностики / А.М.Гендин // Философские науки. – 1985. - № 4. - С. 41-50.
81. Герцен, А.И. Сочинения. В 2 т. / А.И. Герцен. - М.: «Мысль», 1985-1986. - 592 с.
82. Гидденс, Э. Девять тезисов о будущем социологии / Э. Гидденс // THESIS. - 1993. - Вып. 1. - С. 57-82.
83. Глазьев, С. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике [Электронный ресурс] / С. Глазьев. - Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm>. - Загл. с экрана.
84. Глазьев, С.Ю. Белая книга. Экономические реформы в России 1991-2001 гг. / С.Ю. Глазьев, С.Г. Кара-Мурза, С.А. Батчиков. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 368 с.
85. Гобозов, И.А. Парадигмальный характер материалистического понимания истории / И.А. Гобозов // Карл Маркс и современная философия. Сб. материалов научн. конф. К 180-летию со дня рождения К. Маркса. - М., 1999. - С. 115-126.
86. Гобозов, И.А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу (Философский очерк) / И.А. Гобозов. - М.: Издатель Савин С.А., 2005. - 200 с.
87. Гобозов, И.А. Социальная философия: диалектика или синергетика? / И.А. Гобозов // Философия и общество. - 2005. - № 2. - С. 5-17.

88. Гобозов, И.А. Философия истории: проблемы и перспективы / И.А.Гобозов // Философия истории: Проблемы и перспективы / Ю.И. Семенов, И.А. Гобозов, Л.Е. Гринин. - М.: КомКнига, 2007. - С. 106-133.
89. Гобозов, И.А. Материалистическое понимание истории и современность / И.А. Гобозов // Философия и общество. - 2008. - № 2. - С. 5-22.
90. Гобозов, И.А. Философия истории и прогностика / И.А. Гобозов // Философия и общество. - 2008. - № 4. - С. 5-23.
91. Гобозов, И.А. Кому нужна такая философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу / И.А. Гобозов. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - 200 с.
92. Голдсмит, О. Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке / О. Голдсмит. – М.: Издательство «Наука», 1974. - 384 с.
93. Гордон, А.В. Цивилизация Нового времени между Мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII-XX вв.). (Научно-аналитический обзор) / А.В. Гордон. - М.: ИНИОН РАН, 1998. - 132 с.
94. Готного, А.В. Прогнозирование истории: теория и методология / А.В.Готного. - М.: ВЛАДОС, 2007. - 224 с.
95. Готного, А.В. Синергетика и нелинейные теории социальных изменений / А.В. Готного // Философия и общество. - 2010. - № 2. - С. 105-115.
96. Гоулднер, А.У. Наступающий кризис западной социологии / А.У.Гоулднер. - СПб.: Наука, 2003. - 576 с.
97. Грей, Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей. - М.: Праксис, 2003. - 368 с.
98. Гуревич, А.Я. Теория формаций и реальность истории / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. - 1990. - № 11.- С. 31-43.
99. Гуриев, С. Мифы экономики: Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики / С. Гуриев. - М.: Алпина Бизнес Букс, 2006. - 210 с.

100. Гуриев, С. Экономика «ресурсного проклятия» / С. Гуриев, К. Сонин // Вопросы экономики. – 2008. - № 4. - С. 1-14.
101. Даймонд, Дж. Ружья, микробы и стал: Судьбы человеческих обществ / Дж. Даймонд. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010. - 752 с.
102. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. - М.: Идея-Пресс, 2002. - 292 с.
103. Департамент внешнеторговых и внешнеэкономических связей города Москвы. Инвестиционный портал [Электронный ресурс]. - Режим доступа:
<http://investinmoscow.ru/ru/Home/Investment/Materials/Material?materialId=5098a5d4-aa20-46fc-8843-a5b9e4dfd48a>. - Загл. с экрана.
104. Дерлугьян, Г. Сможет ли наука объяснить мутации нашего мира? / Г. Дерлугьян // Прогнозис. - 2007. - № 2. - С. 295-310.
105. Дзарасов, Р.С. Российский капитализм: анатомия эксплуатации (ограбление капиталистами работников, страны и друг друга) / Р.С.Дзарасов // Альтернативы. - 2010. - № 4. - С. 33-46.
106. Дзарасов, С.С. Михаил Калецкий: интеллектуальное наследие / С.С.Дзарасов // Экономическая наука современной России. - 1999. - № 3. - С. 151-168.
107. Дзарасов, С.С. Судьба политической экономии и ее советского классика / С.С. Дзарасов, С.М. Меньшиков, Г.Х. Попов. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. - 454 с.
108. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.; ПРООН. - М.: Издательство «Весь Мир», 2010. - 244 с.
109. Дорфман, М. Правота экономической ереси: остановить экономический рост [Электронный ресурс] / М. Дорфман. - Режим доступа:
<http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/09/03/14342.html>. - Загл. с экрана.
110. Дубровский, Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность / Д.И. Дубровский. - М.: Канон+, 2002. - 368 с.

111. Дус Сантос, Т. Структура зависимости / Т. Дус Сантос // Скепсис. - 2008. - № 5. - С. 84-90.
112. Ельмеев, В. Я. К новой парадигме социально-экономического развития и познания общества / В.Я. Ельмеев. - СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1999. - 140 с.
113. Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. - 576 с.
114. Ельмеев, В.Я. Закон как сущность и законы движения явлений сущности [Электронный ресурс] / В.Я. Ельмеев // Проблемы современной экономики. - 2007. - № 2 (22). - Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1342>. - Загл. с экрана.
115. Ермолаев, С. «Классовая война» в «гипермаркете»: кто против кого? «Множество» эксплуатируемых [Электронный ресурс] / С. Ермолаев. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_2302.html. - Загл. с экрана.
116. Жижек, С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. - М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003. - 256 с.
117. Жижек, С. Хрупкий абсолютизм, или Почему стоит бороться за христианское наследство / С. Жижек. - М.: Издательство «Художественный журнал», 2003. - 178 с.
118. Жижек, С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2008. - 516 с.
119. Жижек, С. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы / С. Жижек. - М.: Издательство «Европа», 2011. - 476 с.
120. Жижек, С. Станет ли «Империя» Майкла Хардта и Антонио Негри «Коммунистическим манифестом» двадцать первого века? [Электронный ресурс] / С. Жижек. - Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/author/23>. - Загл. с экрана.
121. Зеленов, Л.А. Диалектический метод / Л.А. Зеленов // Философия и общество. - 2007. - № 1. - С. 5-13.

122. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев. - М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. - 640 с.
123. Зиновьев, А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса) / А.А. Зиновьев. - М.: Институт философии РАН, 2002. - 324 с.
124. Зиновьев, А.А. Русская трагедия / А.А. Зиновьев. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 512 с.
125. Золотов, А.В. Философия производительного труда: Монография / А.В.Золотов, М.В. Попов. - Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. - 160 с.
126. Зомбарт, В. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1 / В. Зомбарт. - СПб.: «Владимир Даль», 2005. - 640 с.
127. Зяблюк, Р.Т. Стоимость и полезность [Электронный ресурс]: Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 / Р.Т. Зяблюк. - М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной библиотеки). - 355 с.
128. Иванов, Д.В. Дуализм и qualia / Д.В. Иванов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - 2006. - № 2. - С. 3-21.
129. Ильенков, Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса / Э.В. Ильенков. - М.: Издательство АН СССР, 1960. - 286 с.
130. Ильенков, Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э.В. Ильенков. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. - 464 с.
131. Ильенков, Э.В. Диалектика идеального / Э.В. Ильенков // Логос. - 2009. - № 1. - С. 6-62.
132. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. - 3-е изд. - М.: Издательство ЛКИ, 2010. - 328 с.
133. Иноземцев, В.Л. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества / В.Л. Иноземцев // Полис. - 1999. - № 5. - С. 17-30.

134. Иноземцев, В.Л. Постиндустриальный мир Д. Белла / В.Л. Иноземцев // Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. - М.: Academia, 2004. - С. VII-LXXXIV.
135. Иноземцев, В. Глобальный индустриальный ренессанс: всерьез и надолго! [Электронный ресурс] / В. Иноземцев. - Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2011-02-22/10_renessans.html. - Загл. с экрана.
136. Каган, М.С. О синергетическом подходе к построению современной онтологии / М.С. Каган // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. - С. 350-367.
137. Кагарлицкий, Б. Периферийная империя: Россия и миросистема / Б. Кагарлицкий. - М.: Ультра. Культура, 2004. - 528 с.
138. Казакова, М. Конъюнктура мирового рынка энергоносителей и темпы экономического роста в России / М. Казакова, С. Синельников-Мурылев // Экономическая политика. - 2009. - № 5. - С. 118-135.
139. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т.1: Общие проблемы / К.М. Кантор. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 904 с.
140. Кантор, М. Продавцы вакуума [Электронный ресурс] / М. Кантор // Эксперт. - 2007. - №9 (550). - Режим доступа: http://expert.ru/expert/2007/09/prodavcy_vakuuma/. - Загл. с экрана.
141. Капица, С.П. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П.Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. - 3-е изд. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 288 с.
142. Кара-Мурза, А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации / А.А. Кара-Мурза. - М., 1995. - 211 с.
143. Кара-Мурза, С.Г. Истмат и проблема Восток-Запад / С.Г. Кара-Мурза. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. - 256 с.
144. Карпенко, А.С. Фатализм и случайность будущего: логический анализ / А.С. Карпенко. - 2-е изд., испр. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 216 с.

145. Кастель, Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастель. - СПб.: Алетейя, 2009. - 574 с.
146. Кедров, Б.М. О повторяемости в процессе развития / Б.М. Кедров. - 2-е изд., стер. - М.: КомКнига, 2006. - 152 с.
147. Келле, В.Ж. Надо ли отказываться от цивилизационного подхода? / В.Ж. Келле // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В.Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. - С. 152-157.
148. Келле, В.Ж. Теория цивилизации и методология цивилизационного подхода / В.Ж. Келле // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В.Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. - С. 109-124.
149. Кирдина, С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ / С.Г. Кирдина. - М.: Наука, 2004. - 256 с.
150. Князева, Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002. - 414 с.
151. Кобяков, А.Б. Закат империи доллара и конец «Рах Americana» / А.Б.Кобяков, М.Л. Хазин. - М.: Вече, 2003. - 368 с.
152. Ковальченко, И.Д. Сущность и особенности общественно-исторического развития (Заметки о необходимости обновленных подходов) / И.Д. Ковальченко // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. - Вып. 1 (119). - М.: АО «Издательская группа «Прогресс», 1995. - С. 23-53.
153. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. - М.: Наука, 2003. - 486 с.
154. Копнин, П.В. Гносеологические и логические основы науки / П.В. Копнин. - М.: «Мысль», 1974. - 568 с.
155. Корнаи, Я. Системная парадигма / Я. Корнаи // Вопросы экономики. - 2002. - № 4. - С. 4-22.

156. Коротаев, А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. - М.: Восточная литература, 2003. - 278 с.
157. Кузык, Б.Н. Доклад на общем собрании Российской академии наук 16 декабря 2008 г. [Электронный ресурс] / Б.Н. Кузык. – Режим доступа: <http://www.kuzyk.ru/news/20081216/>. - Загл. с экрана.
158. Кульпин, Э.С. Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке) / Э.С. Кульпин. - М.: Московский лицей, 1998. - 272 с.
159. Ламажаа, Ч.К. Проблема архаизации общества / Ч.К. Ламажаа // Знание. Понимание. Умение. - 2009. - № 4. - С. 44-48.
160. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Г.В. Лейбниц. - М.: «Мысль», 1982. - 636 с.
161. Лифшиц, М.А. Об идеальном и реальном / М.А. Лейбниц // Вопросы философии. - 1984. - № 10. - С. 120-145.
162. Лосев, А.Ф. Античная философия истории / А.Ф. Лосев. – М.: Издательство «Наука», 1977. - 208 с.
163. Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Г. Лукач. - М.: «Логос-Альтера», 2003. - 416 с.
164. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. - М.: Издательство «Логос», 2004. - 232 с.
165. Львов, Д.С. Вернуть народу ренту / Д.С. Львов. - М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. - 256 с.
166. Майданский, А.Д. Логика и феноменология всемирной истории / А.Д.Майданский // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2004. - № 3. - С. 17-25.
167. Майданский, А. Восхождение к идеальному / А. Майданский // Логос. – 2009. - № 1 (69). - С. 63-73.
168. Малинецкий, Г.Г. Новая реальность и будущее глазами синергетики / Г.Г. Малинецкий // Прогнозы и стратегии. - 2008-2009. - № 1. - С. 50-59.

169. Малявин, В. По ту сторону желтой угрозы [Электронный ресурс] / В.Малявин // Эксперт. - 2003. - № 37 (390). - Режим доступа: http://expert.ru/expert/2003/37/37ex-malyavi_21444. - Загл. с экрана.
170. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. - 2-е изд.
171. Маяцкий, М. Когнитивный капитализм – светлое будущее научного коммунизма? / М. Маяцкий. - Логос. - 2007. - № 4 (61). - С. 230-239.
172. Межуев, В.М. История как философская проблема (чего не знают и не могут историки) [Электронный ресурс] / В.М. Межуев. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/subject/figures/vadim-mezhuev/18744-istoriya-kak-filosofskaya-problema-chego-ne-znayut-i-ne-mogut-istoriki.html>. - Загл. с экрана.
173. Межуев, В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему / В.М.Межуев. - М.: Культурная революция, 2007. - 176 с.
174. Межуев, В.М. Так что же такое коммунизм? / В.М. Межуев // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В. Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. – С. 158-165.
175. Мережковский, Д.С. Грядущий хам / Д.С. Мережковский // Интеллигенция – Власть – Народ. Русские источники современной социальной философии (антология). - М.: Институт философии РАН, 1992. - С. 81-104.
176. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. - 873 [7] с.
177. Миллс, Ч.Р. Социологическое воображение. - М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998. - 264 с.
178. Могильницкий, Б.Г. Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» / Б.Г. Могильницкий // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. - М.: Логос, 2005. - С. 10-42.
179. Моисеев, Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. - М.: «Аграф», 1998. - 480 с.

180. Момджян, А.В. Плюрализм: истоки и сущность. Критический анализ философских основ / А.В. Момджян. - М.: Издательство «Наука», 1983. - 231 с.
181. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху / Н.В. Мотрошилова. - М.: ИФ РАН, 2007. - 268 с.
182. Мусаелян, С. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность / С.А. Мусаелян. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. - 391 с.
183. Науменко, Л.К. Наше или Мое. Полемические размышления об идеологии, ложном общественном сознании, ценностях и не только / Л.К. Науменко // Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / Под ред. А.В.Бузгалина. - М.: ЛЕНАНД, 2009. - С. 75-102.
184. Неклесса, А.И. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир / А.И. Неклесса // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко; Науч. совет «История мировой культуры». - М.: Наука, 2003. - С. 53-96.
185. Николаев, А.Б. Теория трудовой стоимости и современность / А.Б.Николаев. - М.: Международные отношения, 2003. - 192 с.
186. Норт, Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. - М.: Изд. Института Гайдара, 2011. - 480 с.
187. О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. - М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 432 с.
188. Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. - 2004. - № 2. - С. 43-112.
189. Ойзерман, Т. И. Марксизм и утопизм / Т.И. Ойзерман. - М.: Прогресс-Традиция, 2003. - 568 с.
190. Ойзерман, Т.И. Не пора ли позитивно переосмыслить полузабытую «теорию факторов» / Т.И. Ойзерман // Социс. - 2004. - № 4. - С. 3-14.

191. Ойзерман, Т.И. Возможно ли предвидение отдаленного будущего? / Т.И. Ойзерман // Вестник Российской академии наук. - 2005. - Том 75. - № 8. - С. 720-726.
192. Оккам, У. Избранное / У. Оккам. - М.: Едиториал УРСС, 2002. - 272 с.
193. Орлов А.В. Энергосодержащие продукты – материальная основа стоимости и ценности [Электронный ресурс] / А.В. Орлов // Проблемы современной экономики. - 2005. - № 3-4 (15-16). - Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=20877>. – Загл. с экрана.
194. Оруджев, З.М. Способ мышления эпохи: Философия прошлого / З.М.Оруджев. - 2-е изд. - М.: Едиториал УРСС, 2009. - 400 с.
195. Осипов, Ю.М. Время философии хозяйства. В трех книгах с приложением / Ю.М. Осипов. - М.: Экономистъ, 2003. - 656 с.
196. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. - М.: Московская Школа Политических Исследований, 2000. - 416 с.
197. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С.Панарин. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 544 с.
198. Пантин, В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. - Дубна: Феникс+, 2006. - 448 с.
199. Перов, Ю.В. «Философия истории Гегеля»: от субстанции к историчности / Ю.В. Перов, К.А. Сергеев // Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. - СПб.: Наука, 2000. - С. 5-53.
200. Пивоваров, Ю. Русская система и реформы / Ю. Пивоваров, А. Фурсов // Pro Et Contra. - 1999. - Том 4. - № 4. - С. 176-197.
201. Плетников, Ю.К. Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма / Ю.К. Плетников. - М.: Альфа-М, 2008. - 368 с.
202. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 1 / Г.В.Плеханов. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. - 848 с.

203. Попов, М.В. Лекции по философии истории / М.В. Попов. - СПб.: Издательство Политехнического университета, 2010. - 236 с.
204. Поппер, К. Нищета историцизма / К. Поппер // Вопросы философии. - 1992. - № 10. - С. 29-58.
205. Поппер, К. Логика научного исследования / К. Поппер. - М.: Республика, 2004. - 447 с.
206. Поппер, К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К.Р. Поппер. - М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. - 638, [2] с.
207. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. - М.: Научный эксперт, 2012. - 288 с.
208. Пребиш, Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития / Р.Пребиш // Латинская Америка. - 1977. - № 6. - С. 44-52.
209. Про, А. Двенадцать уроков по истории. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. - 336 с.
210. Прогнозирование будущего: новая парадигма / Под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко. - М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. - 283 с.
211. Рабочая книга по прогнозированию / Редкол.: И.В. Бестужев-Лада (отв. ред.) - М.: «Мысль», 1982. - 430 с.
212. Ракилов, А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. - М.: Политиздат, 1982. - 303 с.
213. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное / Д. Рикардо. - М.: Эксмо, 2007. - 960 с.
214. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. - 5-е изд. - СПб.: Питер, 2002. - 688 с.
215. Ритцер, Дж. Макдональдизация общества 5 / Дж. Ритцер. - М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. - 592 с.
216. Розенталь, М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса / М.М. Розенталь. - 3-е изд. - М.: КРАСАНД, 2010. - 592 с.

217. Розов, Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены / Н.С.Розов. - М.: Логос, 2002. - 656 с.
218. Розов, Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н.С. Розов. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. - 735 с.
219. Рокмор, Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса / Т.Рокмор. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. - 400 с.
220. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. - М.: Наука, 1969. - 704 с.
221. Руткевич, М.Н. Общество как система. Социологические очерки / М.Н.Руткевич. - СПб.: Алетейя, 2001. - 444 с.
222. Савельева, И.М. История и время. В поисках утраченного / И.М.Савельева, А.В. Полетаев. - М.: «Языки русской культуры», 1997. - 800 с.
223. Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид. - СПб.: «Русский Мир», 2006. - 640 с.
224. Семенов, Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю.И.Семенов. - М.: «Современные тетради», 2003. - 776 с.
225. Семенов, Ю.И. Экономическая антропология [Электронный ресурс] / Ю.И. Семенов. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_136.html. - Загл. с экрана.
226. Словарь иностранных слов. - 19-е изд., стер. - М.: Русский язык, 1990.
227. Смирнов, И.К. Закон явления и его движение / И.К. Смирнов // Проблемы современной экономики. - 2007. - № 2 (22). - <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1341>.
228. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. -М.: Эксмо, 2007. - 960 с.
229. Сморгунов, Л. Идейное содержание постсоветского марксизма / Л.Сморгунов // Вестник аналитики. - 2004. - № 3 (17). - С. 124-137.

230. Солонин, Ю.Н. Методологический кризис в философии: его основания и перспективы разрешения / Ю.Н.Солонин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. - 2009. - № 3 (23). - С. 9-21.
231. Солопов, Е.Ф. Введение в диалектическую логику. Философия в системе науки и мировоззрения / Е.Ф. Солопов. - Л.: «Наука», 1979. - 212 с.
232. Солопов, Е.Ф. Логика диалектики. К 240-летию со дня рождения Гегеля / Е.Ф. Солопов. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - 240 с.
233. Сорос, Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь / Дж. Сорос. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. - 192 с.
234. Ставинский, И. Капитализм сегодня и капитализм завтра / И.Ставинский. - М.: Издательство «УРСС», 1997. - 160 с.
235. Степин, В.С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В.С. Степин, Л.Ф. Кузнецова. - М., 1994. - 274 с.
236. Степин, В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. - СПб.: СПбГУП, 2011. - 408 с.
237. Субетто, А.И. Сочинения. Ноосферизм. Том второй. Капиталократия. Мифы либерализма и судьба России Глобальный империализм. Ноосферно-социалистическая альтернатива. Разум и Анти-Разум / А.И.Субетто. - СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, «Астерион», 2006. - 694 с.
238. Сунягин, Г.Ф. Социальная философия как философия истории / Г.Ф.Сунягин. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. - 167 с.
239. Тамир, Ю. Класс и нация / Ю. Тамир // Логос. - 2006. - № 2 (53). - С. 40-56.
240. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: Сборник / А. Дж. Тойнби. - М.: Рольф, 2001. - 640 с.
241. Федотова, В.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. - М.: Культурная революция, 2008. - 608 с.

242. Философия и прогностика. Мировоззренческие и методологические проблемы общественного прогнозирования / А. Бауэр, В. Эйхгорн и др. - М.: «Прогресс», 1971. - 424 с.
243. Философское сознание: драматизм обновления / Отв. ред. Н.И. Лапин; Сост. Е.Н. Шульга. - М.: Политиздат, 1991. - 412 с.
244. Фисун, А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология / А. Фисун // Отечественные записки. - 2007. - Том 39. - № 6. - С. 8-28.
245. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р.Флорида. - М.: Издательский дом «Классика - XXI», 2007. - 421 с.
246. Франк, А.Г. Смещение мировых центров с Востока на Запад / А.Г.Франк // Латинская Америка. - 1993. - № 2. - С. 3-12.
247. Франк, А.Г. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством» / А.Г. Франк // Цивилизации. Вып. 5: Проблемы глобалистики и глобальной истории / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М.: Наука, 2002. - С. 192-202
248. Франк, А.Г. Нет никаких цивилизаций: единство и непрерывность в разнообразии, или многосторонняя и энтропийная парадигмы для мира сегодня и завтра / А.Г. Франк // Прогнозис. - 2007. - № 4. - С. 3-23.
249. Фролов, И.Т. Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения / И.Т. Фролов. - М.: Издательство ЛКИ, 2008. - 304 с.
250. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. - 1990. - № 3. - С. 134-148.
251. Хапаева, Г. Готическое общество: морфология кошмара / Г. Хапаева. - М.: Новое литературное обозрение, 2007. - 152 с.
252. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри. - М.: Праксис, 2004. - 440 с.
253. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Неги. - М.: Культурная революция, 2006. - 559 с.

254. Хвостова, К.В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке (Роль многозначной логики) / К.В. Хвостова // Одиссей. Человек в истории. 2000. - М.: Наука, 2000. - С. 10-13.
255. Хомский, Н. Классовая война: Интервью с Дэвидом Барзамяном / Н.Хомский. - М.: Праксис, 2003. - 336 с.
256. Цаплин, В. Странная цивилизация / В. Цаплин. - М.: Астрель: АСТ, 2006. - 640 с.
257. Ческидов, Б.М. Модели рынков ценных бумаг / Б.М. Ческидов. - СПб.: Питер, 2006. - 416 с.
258. Чилкот, Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Р.Х. Чилкот. - М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2001. - 560 с.
259. Шанин, Т. Формы хозяйства вне систем / Т. Шанин // Вопросы философии. -1990. - № 8. - С. 109-115.
260. Шанин, Т. Идея прогресса / Т. Шанин // Вопросы философии. - 1998. - № 8. - С. 33-37.
261. Шапиро, И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / И. Шапиро. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. - 368 с.
262. Шахназаров, Г.Х. Куда идет человечество: (Критические очерки немарксистских концепций будущего) / Г.Х. Шахназаров. - М.: Мысль, 1985. - 192 с.
263. Шпенглер, О. Закат Европы: В 2 т. Т. 1. Образ и действительность / О.Шпенглер. - М.: Айрис-пресс, 2003. - 528 с.
264. Шпенглер, О. Закат Европы: В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. - М.: Айрис-пресс, 2003. - 624 с.
265. Штраус, Л. Естественное право и история / Л. Штраус. - М.: Водолей Publishers, 2007. - 312 с.
266. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. - М.: Эксмо, 2007. - 864 с.
267. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. - М.: Аспект Пресс, 1999. - 416 с.

268. Эйхнер, А. Почему экономикс еще не наука? / А. Эйхнер // Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. - М.: Изд-во МГУ, 2004. - С. 356-364.
269. Эко, У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. – 1994. - № 4. - С. 258-267.
270. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - 1248 с.
271. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер. - СПб.: Наука, 2000. - С. 539 с.
272. Юрлов, Ф.Н. Социальные издержки глобализации / Ф.Н. Юрлов // Социс. – 2001. - № 7. - С. 13-22.
273. Якобсон, В.А. Предисловие / В.А. Якобсон // История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / Под ред. А. В. Седова; Редкол.: Г.М. Бонгард-Левин (пред.) и др.; Ин-т востоковедения. - М.: Вост. лит., 2004. - С. 34-56.
274. Яковец, Ю.В. Глобальные экономические трансформации XXI века / Ю.В. Яковец. - М.: Экономика, 2011. - 382 с.
275. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. - М.: Республика, 1994. - 527 с.
276. China 2030: Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. - Washington: The World Bank: Development Research Center of the State Council of the People's Republic of China, 2012.
277. Coy, P. The Youth Unemployment Bomb [Электронный ресурс] / P. Coy. - Режим доступа:
http://www.businessweek.com/magazine/content/11_07/b4215058743638.htm.
- Загл. с экрана.
278. Dean, D. The Internet Economy in the G-20 [Электронный ресурс] / D. Dean, S. DiGrande, D. Field, A. Lundmark, J. O'Day, J. Pineda, P. Zwillenberg // The Boston Consulting Group. - Режим доступа:
https://www.bcgperspectives.com/content/articles/media_entertainment_strateg

- ic_planning_4_2_trillion_opportunity_internet_economy_g20/?chapter=2 -
Загл. с экрана.
279. Eurostat Newsrelease Euroindicators [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/3-31082011-BP/EN/3-31082011-BP-EN.PDF. - Загл. с экрана.
280. Forbes [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/64676-moskva-zanimaet-pervoe-mesto-v-mire-po-chislu-milliardero>. - Загл. с экрана.
281. GFCI - Global Financial Centres Index [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.zyen.com/activities/gfci.html>. - Загл. с экрана.
282. Global 500 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2012/full_list/. - Загл. с экрана.
283. Global cities of the future: An interactive map [Электронный ресурс] // McKinsey Quarterly. - Режим доступа: http://www.mckinseyquarterly.com/Cities_the_next_frontier_for_global_growth_2758. - Загл. с экрана.
284. Global city GDP rankings 2008-2025 [Электронный ресурс] // PricewaterhouseCoopers. - Режим доступа: <http://www.ukmediacentre.pwc.com/Media-Library/Global-city-GDP-rankings-2008-2025-61a.aspx>. - Загл. с экрана.
285. Itoh, M. The Basic Theory of Capitalism: The Forms and Substance of the Capitalist Economy / Makoto Itoh. - Totowa, New Jersey: BARNES & NOBLE BOOKS, 1988.
286. London's Poverty Profile [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.londonspovertyprofile.org.uk/indicators/>. - Загл. с экрана.
287. Major foreign holders of treasury securities [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/Documents/mfh.txt>. - Загл. с экрана.

288. Manyika, J. The great transformer: The impact of the Internet on economic growth and prosperity [Электронный ресурс] / J. Manyika, C. Roxburgh // McKinsey Global Institute. - Режим доступа: http://www.mckinsey.com/insights/mgi/research/technology_and_innovation/the_great_transformer. - Загл. с экрана.
289. Michael Hudson [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://michael-hudson.com/>. - Загл. с экрана.
290. Ramesh, R. London's richest people worth 273 times more than the poorest / R. Ramesh[Электронный ресурс] // The Guardian. - Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/uk/2010/apr/21/wealth-social-divide-health-inequality>. - Загл. с экрана.
291. Rapport 2008 de l'Observatoire national des zones urbaines sensibles [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/rapports-publics/084000718/>. - Загл. с экрана.
292. Secrétariat général du CIV. Système d'Information Géographique [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://sig.ville.gouv.fr/page/16>. - Загл. с экрана.
293. Sirkin, H. U.S. Manufacturing Nears the Tipping Point. Which Industries, Why, and How Much? [Электронный ресурс] / H. L. Sirkin, M. Zinser, D. Hohner, J. Rose // The Boston Consulting Group. - Режим доступа: https://www.bcgperspectives.com/content/articles/manufacturing_supply_chain_management_us_manufacturing_nears_the_tipping_point. - Загл. с экрана.
294. Smith, D. Anarchy in the UK: The Socio-Economic Factors Behind The London Riots [Электронный ресурс] / D. Smith // Economy Watch. - 2011. - Aug., 19. - Режим доступа: <http://www.economywatch.com/economy-business-and-finance-news/anarchy-in-the-uk-the-socio-economic-factors-behind-the-london-riots.19-08.html?page=2>. - Загл. с экрана.
295. The UK's foreign-born population: see where people live and where they're from [Электронный ресурс] // The Guardian. - Режим доступа:

- <http://www.guardian.co.uk/news/datablog/2011/may/26/foreign-born-uk-population>. - Загл. с экрана.
296. The Urban Elite. The A.T. Kearney Global Cities Index 2010 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.atkearney.com/images/global/pdf/Urban_Elite-GCI_2010.pdf. - Загл. с экрана.
297. Walmsley, R. World Prison Population List (ninth edition) [Электронный ресурс] / R. Walmsey // International Centre for Prison Studies. – Режим доступа: <http://www.idcr.org.uk/wp-content/uploads/2010/09/WPPL-9-22.pdf>. - Загл. с экрана.
298. World GDP [Электронный ресурс] // The Economist Online. - 2012. - Окт., 9th. - Режим доступа: <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2012/10/focus-2>. - Загл. с экрана.